

ВЕРА О ГНБ



БОТНИЧКА

Обычная поездка к родственникам может стать началом странных событий, а неожиданная командировка — вообще концом света.

Анну вместо отпуска внезапно отправляют в командировку. В отдаленном поселке она сталкивается с тем, что идет вразрез с представлениями о мире городской фифы, биохимика и кандидата наук. Тут обитают люди и не совсем люди, русалки, оборотни, утопленники. Как разобраться, кто свой, кто чужой, если в дело вмешивается любовь?

---

---

# Вера Огнева

## Ботаничка

*Листья желтые тумана,  
В дебрях птицы странной пенье.  
Ночь тревожная обманом  
Будит старые виденья.  
Ни дороги, ни проселка,  
Лес стоит громадой темной.  
Бродят старые виденья,  
Где-то воет пес бездомный.*

Возвращение в электричке постепенно превращалось в ознобную тягомотину. Атмосфера вагона после долгого ожидания на ветерке сначала показалась теплой и удушливо-вонючей. Но очень скоро выяснилось, что вонь, как была, так и есть, а тепло — кажущее.

Кассирша замкнула станционный павильончик ровно в семнадцать ноль-ноль. Она же — буфетчица. Она же — самоглавнейший начальник полустанка. На возражения и просьбы повременить и не гнать людей на мороз, сдобная баба в пуховом платке молча ткнула варежкой в расписание. Ближайшая, она же последняя электричка должна была проследовать через двадцать минут. Типа — нифига вам не сделается, потерпите.

Дедок в тяжелой овчиной дохе безропотно затрюхал на платформу. Толстая тетка в пуховике и прилизанной с одного боку норковой шапке громко высказала претензию к законности действий кассирши, за что была послана по известному адресу. Мимоходом послана. Без особой злобности. Кассирша на здешнем обитаемом кусочке пространства чувствовала себя чуть пониже президента, чуть повыше премьер-министра. Похожая на голубого бегемота баба ее скорее забавляла. Остальной люд вообще не вызывал никаких эмоций, кроме одной тощей сучки в дубленке.

Мимо Анны мадам Железнодорожный Транспорт протопала весьма демонстративно. Два подбородка возмущенно вздрагивали, третий распирал ворот пальто: «Понаехали тут!»

Чем она их так всю жизнь раздражает? Этих, которые на билетах, пропусках, стойках и прочих турникетах? Тем, что никогда ничего у них не просит?

Го-о-ордая! На морозе будет колотиться, а не поклонится. Сука! Ну и мерзни.

За углом станционного домика бушевал такой жестокий сквозняк, что Анна быстро вернулась под прикрытие стены. И чего собственно совалась? Стой себе, не растрясай угловое тепло, благо, до электрички осталось пятнадцать, нет уже двенадцать минут.

Анна на сколько возможно вытянула рукава свитера и прикрыла ими тоненькие перчатки. Когда утром выезжала по истеричному звонку бабкиной соседки из города, красная спиртовая ниточка в термометре уютно замерла на минус пяти. Еще не холодно, и уже не слякотно — температура полного зимнего комфорта. За день мороз набрал обороты, захрустел снегом, заострил, похожие на осколки льда звезды.

Кто сказал: «Что с нами рядом смежность иных Миров, что там края, где тоже есть любовь и нежность...»? Нет в галактике ни любви, ни тепла. Там, как и тут холод, тьма и злая баба, отравившая собой все обозримое пространство.

Рядом притопывал несерьезными ботиночками еще один участник вокзального перформанса — высокий мужчина в короткой куртке. Лицо он замотал шарфом до глаз. Под капюшоном угадывалось отсутствие шапки.

Прическу, отданную морозу в бестребное пользование, один знакомый называл когда-то шапкой менингиткой. Дело давнее, но она помнила. Она вообще его хорошо помнила. Валерик был прелесть и большой выдумщик; звонил ей по десять раз за вечер, все беспокоился, где она, как она, ела ли, когда легла спать; сказал однажды, что она потрясающе нестандартна, что она наделена таким количеством нежности, что на троих бы хватило, что она обладает великолепной остротой восприятия.

А женился через полгода на невысокой, крепенькой, похожей на тумбочку девице с

другого факультета, и не преминул пригласить Анну на свадьбу — явился с друзьями и с пошленькой открыткой в руках. Эскорт она выставила, а следом и бывшему герою указала, куда идти.

— У вас не найдется зажигалки?

Анна дернулась. Иногда, без всякого повода к панике с ней приключалось истерическое содрогание всего организма.

— Моя замерзла, не горит. — Мужчина продемонстрировал бесполезный пластиковый баллончик, который только чиркался короткой искрой.

— Моя тоже замерзла, наверное.

Анне не хотелось снимать перчатку и лезть в узкое ледяное нутро сумочки.

— Если так, тогда — конечно, — покивал мужчина, помедлил, вдруг девушка передумает, и шагнул за угол.

Вернулся он мгновенно. Капюшон сорвало с головы. Шарф вздыбился. Куртку вообще поставило колом, будто под ней начали расправляться крылья.

— Там аэродинамическая аномалия, — кое-как выговорил мужчина. — Если распахнете шубу, в два счета можете долететь до города. Не хотите попробовать?

Обозлился, что не дала зажигалку, — решила Анна, — и подковыривает.

Она отвернулась, почти уткнувшись носом в крашеную светло-зеленую стену вокзальчика.

— Не обижайтесь, пожалуйста, — мирно попросил мужчина из-под витков укрощенного шарфа, — это я так пытаюсь шутить. Боюсь от холода свихнуться окончательно.

Чтобы как-то выйти из неловкой ситуации, Анна подняла рукав свитера, отодвинула манжет и мужественно подставила голую руку морозу и ветру. Часы показывали, что электричка уже должна стоять на станции, светиться мутными окнами и фырчать пневматическими тормозами.

— Ага, ясно, — покивал незнакомец, глянув на циферблат. — Время — ноль, начинаем обратный отсчет.

— В минус бесконечность, — чуть не всхлипнула Анна.

Никаких признаков электровоза в студенистой от мороза темноте не наблюдалось.

— Пессимисты погибают первыми! — изрек мэн, как показалось Анне излишне весело.

— Или первыми чувят, что пора сдавать билеты на «Титаник», — огрызнулась она.

— Мысль дельная, но, к сожалению, не применимая в наших условиях. Нам даже до ближайшей деревни не добраться. Через двадцать шагов вмерзнем.

Обладатель несерьезной куртки правильно говорил. Как надо. Он даже заветное слово «блядь» ни разу не вспомнил. В его речи места для подобных выражений как будто не предусматривалось. Во всяком случае, он не маялся изысканием привычной «связки» слов.

Мистика, — подумала Анна, — в пяти километрах от деревни Хрюкино, на замороженном перроне встретить человека, который не удивился при упоминании минус бесконечности, понял и даже адекватно отреагировал. А мог бы, между прочим, и послать.

\* \* \*

Вся ее поездка с момента, когда позвонила заполошная бабкина соседка и проорала в

телефон, что дескать Генриховна-т помират, тоже оказалась сплошной мистикой.

Для начала не завелась машина. Все системы работали нормально. Окислитель! Первая ступень! Вторая ступень! Пуск!!! Приехали!

Ничего! То есть вообще ничего. Все чеки светились. Аккумулятор работал, Бензина — полный бак, а драндулет не заводился.

Обежав машину, Анна глянула ей под хвост. Из выхлопной трубы, паче чаяния ничего не торчало. Не заткнули ее ночью соседские дети репкой. Могли, но не заткнули.

Помучившись с полчаса, Анна решила ехать к бабушке общественным транспортом.

Добиралась она двумя маршрутками, потом электричкой, потом попуткой от станции.

По дороге Анна спросила у неразговорчивого мужика, который согласился подвезти ее, только увидев мятую синенькую пятидесятирублевку, давно ли он видел Алису Генриховну?

— Не видел, — буркнул мужик.

— Она на окраине живет. Дом возле Сварыкиных.

— Не знаю никаких Сварыкиных, — отрезал мужик и черно замолчал.

Должно быть из фермеров, — решила Анна.

Бабка как-то рассказывала, что на выселках объявились некие беженцы и организовали фермерское хозяйство из нескольких семей. Вроде колхоза.

Тулупчик водителя смердел сельским хозяйством. За поднятый воротник высовывался только длинный хрящеватый нос.

Именно такую форму носа у мужчин Анна особенно не любила. Как-то в детстве она забыла купить билет в троллейбусе. Вошла, встала у окошка и задумалась. А на маршруте как раз случился контролер. Анна до сего дня не могла забыть его не совсем нормальные слезящиеся глазки фанатика своей работы и длинный хрящеватый нос с фигурным кончиком.

Кроме того, она не помнила, чтобы с нее когда-нибудь спрашивали деньги за дорогу от станции. Не всегда же она ездила в деревню на собственной машине. В студенческие времена, да и после скакала благополучно по автобусам и электричкам. Но это было давно.

\* \* \*

В городе еще только-только, а деревню замело уже по завалинки. Пробираясь по обочине скользкой центральной улицы, Анна здоровалась со знакомыми. Михал Кузьмич отгребал снег от ворот. За высоким забором громоздился кирпичный двухэтажный особняк. Забор тоже кирпичный. И сам Михал Кузьмич не далеко ушел.

Хрюкинцы жили по средствам своих детей — хижины перемежались дворцами.

Над дворцами стояло наивное розоватое зимнее небо. Над хижинами — дым столбом, к морозу. Обитатели каменных хором согревались котлами водяного отопления. Обитатели разномастных деревянных изб и избушек — дровишками.

Анна быстро — на сколько позволяла обледенелая тропинка — шла к бабкиному дому. Немаленькое, деревянное, похожее на старинный терем строение казалось вполне обитаемым. Из каминной трубы валил дым. А как же покойник? — подумала Анна. Случись что с бабкой, уж камин бы точно не топили. Дорожка за калиткой оказалась расчищенной. У воротца притулилась широкая фанерная лопата. Интересно, кто тут снег убирает? Анна взбежала на высокое крылечко.

Этот дом построил брат ее отца — дядя Витя для своей семьи. Предполагалось, что его чада и домочадцы на лето станут выезжать в Хрюкино на дачу. Угу, они однажды выехали все вместе только в другом направлении. Дача теперь у них под Квебеком. Дядя работает в аэропорту, и говорить не желает о возвращении. А его жена не только говорить, но и думать.

— Шо я в вашей паганой России забыла? — орала она в трубку, шкрябая по мембране фрикативным «г».

Дом им пришлось оставить поневоле. Там были какие-то проблемы с оформлением земли. Быстро продать терем не получалось. Дядя не стал задерживаться с выездом и переписал имение на Алису.

— Какими судьбами? — холодно поинтересовалась бабушка, когда запыхавшаяся внучка ввалилась в дом. — Или Виктор решил-таки вернуться в Россию, а тебя послал с предупреждением?

Алиса Генриховна пребывала не в лучшем настроении. К перемене погоды, — привычно подумала Анна, давно переставшая обращать внимание на выбрыки единственной своей близкой родственницы. Близкой в смысле досягаемости. Остальные: мать, отец и брат обитали в таких далях, что даже по спутниковой связи не всегда удавалось докричаться. Причем, обитали, каждый сам по себе.

Так они все когда-то решили, не спросив Анны. Она осталась с бабушкой, а если точнее — сама с собой.

— Мне позвонила Нина Петровна, — сдержано отозвалась внучка на сварливый вопрос.

— Какая Нина Петровна?

— Сварыкина.

— Кто?!!

— Алиса Генриховна, я ничего не пугаю! Позвонила Нина Петровна и сказала, что с вами плохо. Чтобы я поторопилась.

— Сейчас с тобой будет плохо, — криво улыбнулась пожилая дама. — Нинон Сварыкина второй месяц, как преставилась.

— Что?!!

— Я ничего не пугаю! — передразнила бабка. — Преставилась. Похоронена в соответствии с ейной волей в «семейном склепе». Тут недалече на пригорке.

Анна осторожно присела на обитую гобеленом банкетку у двери.

— Будем считать официальную часть законченной, — постановила бабка, заметив наконец, что внучка чуть не плачет. — Где ты бросила машину?

— Я на электричке, — отозвалась Анна.

Сколько можно! На любое проявление человеческих чувств бабка всегда реагировала ядовитым укусом. Она исключительно и только сама предлагала условия игры, в соответствии с которыми все остальные должны были себя вести.

А тут вмешался рок в виде деревенского хулигана, вернее хулиганки, голосом полоумной старушки Сварыкиной погнавшей Анну в колючие бабкины объятья.

— Да? Хм, ну раз на электричке, проходи.

— Я, пожалуй, обратно, на вокзал — мотнула головой внучка.

— Здесь ходит только утренняя электричка — туда, и вечерняя — обратно, если ты забыла. И хватит страдать из-за несовершенства собственных представлений о мире. Раздевайся.

Анна стащила легкую пуховую шапочку, — терпеть не могла меховых конструкций на

голове, — тряхнула волосами, начала расстегивать дубленку.

— Известий от родственников не поступало? — как бы мимоходом поинтересовалась Алиса Генриховна.

— Нет.

Сапоги Анна поставила в уголок на отдельную подстилку. В прихожую вышла помощница по дому Лидия Ивановна, придирчиво осмотрела ковер, на котором могли остаться мокрые следы, не нашла таковых, поджала губы, — ты еще попадешься! — и удалилась на кухню.

Анна прошла холл и остановилась на пороге столовой. Дядя Витя имел вкус к вещам. Первый этаж он обставил весьма респектабельной мебелью на гнутых ножках — из массива, как теперь принято говорить. Не «Чиппиндейл», конечно, скорее уж мастер Гамбс!

Бабушка комфортно расположилась в центре у стола. Лидия Ивановна еще до прихода Анны начала подавать второй завтрак. К сервировке осталось добавить сливочник и блюдо с плюшками. Плюшки точно были. Анна еще с порога чуть слюной не захлебнулась от запаха. Оставалось ждать, когда пригласят к столу. Если вообще пригласят.

Остро захотелось уйти. Сколько можно! Она всю жизнь тянулась перед бабкой в струночку. Когда была совсем молоденькой — понятно: в одночасье все близкие порскнули по просторам страны искать свой кусок хлеба с маслом, бросив ее одну разбираться со своей жизнью.

Был конец учебного года, оставалось сдать выпускные экзамены. Дальше предполагалась учеба в институте.

Первой сорвалась мать. Осуществилась ее пожизненная мечта. Позвонила подруга Зоя из Владивостока. Их обеих брали в службу на океанский теплоход. Впереди замаячили международные линии, иные дали, туманы, шторма... и мужики, мужики, мужики. Целая команда.

Какие такие проблемы с дочерью? — вопрошала мать в пространство. Она прекрасно учится. Поступать? Пусть поступает куда хочет. Она везде пройдет. Не пройдет на бюджетный, пусть поработает годик — заработает себе на учебу. В Штатах все так делают.

— Разумеется, если работа находится в тех самых Штатах, — подковыривал Анин брат. — На местную зарплату она всего-навсего не умрет с голоду.

— Так помоги сестренке! — кричала мать.

— Может мне еще сплясать с притопом?!

С него взятки были гладки. Ванька жил от сезона к сезону. В конце апреля уезжал в Сочи и горбатился на жаре до последнего курортника. Брат работал шашлычником в небольшом, но весьма популярном приморском поселке. Там же имелась сезонная жена. Предложение сплясать донеслось собственно от порога. Брат вздернул на плечо сумку с пожитками и сообщил, что его уже как бы нет.

Последнюю лепту внес отец. С матерью они давно жили в разных комнатах, но, в общем, не сварились, как-то мирно сосуществовали. Не успела захлопнуться дверь за сыном, отец заявил жене и дочери, что отчаливает на Север.

— Вахтами будешь ездить? — спросила мать из чистой вежливости.

— Нет на постоянку.

По тому, как он лаконично без подробностей, без своей обычной манеры фантазировать и расписывать будущее, говорил об отъезде, мать догадалась, что супруг отчаливает не просто к месту работы, но к месту жительства с другой.

— Ты ее, — мать картинно затрясла руками в сторону дочери десятиклассницы, — на кого бросаешь?

— Получается, на тебя, — спокойно отозвался отец.

Из чего опять же стало ясно, что никакого обратного движения пароход иметь не будет. Анне тогда вдруг захотелось, чтобы они уже быстрее разъехались. Так все достали!

Они и разъехались. Анна сдала выпускные экзамены, благополучно поступила на биофак и начала жить одна. Изредка то от отца, то от матери приходили микроскопические переводики. Брат долго молчал, позвонил и сказал, что женился, когда Анна училась уже на четвертом курсе. Живет на берегу моря, но, чтобы сестра к нему не приезжала. Потом когда-нибудь.

Надо было покупать еду, оплачивать коммуналку, ездить на автобусе, покупать книги и сапоги. Анна сдавала одну комнату в своей трешке и работала по ночам сторожихой. Однажды в совершенном безденежье она, наступив на горло собственной гордости, пошла к дяде Вите, занять денег. Дяди дома не оказалось, а его жена Людка, только услышав просьбу, завалилась боком в кресло, ухватила рукой за воротник стеганного атласного халата и сдавлено забормотала:

— Не поверишь, ни копейки дома нет. Виктору два месяца зарплату задерживают. Я Славку в магазин за хлебом вчера послала, так все копейки из копилки вытряхнула.

Гамбсовское кресло скрипело и норвило развалиться под необъятной тетиной задницей. Анна извинилась и ушла. Жизнь у родственников оказалась еще хуже, чем у нее. Дом, который дядя строил за городом, возводился, практически, на сэкономленные от еды гроши.

А на завтра к ней припожаловала Алиса Генриховна. До стипендии оставалось продержаться всего неделю, но Анна съела, все что было в доме, и со вчерашнего дня пила только воду. От воды булькало внутри, а голод никуда не девался. Девушка, которая снимала у нее комнату заплатить пораньше наотрез отказалась, объяснив мимоходом, что только последние идиотки сидят голыми босыми и голодными, вместо того чтобы зарабатывать.

— Когда воду пить надоест, — надменно пояснила Инка, эффектно изогнувшись в дверном проеме, — Скажи. Я тебе клиента подгоню.

— Ты на дому занимаешься маникюром? — спросила у внучки, без стука вошедшая в квартиру бабушка.

— Нет, — отозвалась Анна.

— Это я занимаюсь маникюром, — огрызнулась Инка. Алису Генриховну она видела впервые.

— Не маникюром, а минетом, — мимоходом поправила бабушка. — Что тут делает эта лярва? — спросила она у внучки.

— Живет — тихо отозвалась Анна. — Я ей сдаю комнату.

— Вещички собрала! — приказала бабка девице, почти не повышая голоса.

— А это видела? — Инка сунула в нос престарелой даме кукиш.

На что бабка достала из кармана мобильник, — они только-только появились в обиходе, — набрала номер участкового, представилась и с ходу пригласила проверить документы и регистрацию по такому-то адресу.

Вообще-то Алиса Генриховна Крейн приходилась Анне не родной бабушкой, а как бы никакой. Она была первой женой дедушки. Вторая его жена, родив двоих сыновей — отца и дядю Витю — долго болела, и в результате умерла. Алиса Генриховна с высоты своего

положения еще при ее жизни снисходила до семьи бывшего мужа. А уж после и вовсе приняла часть забот о сыновьях брошенного когда-то супруга на себя. Дядя Витя жил практически у нее, с ее подачи поступил в авиационный институт, потом женился на дочери ее лаборантки.

Анна была от бабушки дальше всех, потому участия в своей жизни не ожидала.

Инка собралась со скоростью поднятого по тревоге пожарника и сквозанула в дверь, только тапочки мелькнули.

— Быстро бегают, — задумчиво констатировала бабка. — Тренированная.

— Сейчас приедет милиция. Что я им скажу? — робко спросила Анна.

— Никто не приедет. Телефон отключен. Ты, когда ела в последний раз?

Анна замешкалась с ответом совсем немного, но этого оказалось достаточно.

С тех пор и до окончания ВУЗа она уже не голодала.

Алиса Генриховна возглавляла в то время лабораторию в очень закрытом НИИ, который имел некоторое отношение к Институту Высшей Нервной Деятельности. Кандидатскую она защитила еще при кукурузном волонтаристе, и ко времени разговора пребывала в звании членкора.

В пору, когда Анна заканчивала институт, в связи с нагрянувшими новыми временами, часть научных программ свернули, лабораторию закрыли, а бабушка уехала на жительство в загородную резиденцию, оставленную ей пасынком. Но ни о каком опейзанивании речи не шло. Бабка вела жизнь барыни: держала прислугу, гуляла по прилегающему лесу и периодически дергала Анну к визиту.

— Лида! Принеси стакан воды!

От хорошо поставленного голоса Алисы Генриховны в каскадной люстре зазвенели подвески.

Лидия Ивановна принесла воду, Бабушка достала из коробочки блистер, выломала таблетку, положила в рот и запила. Лидия Ивановна дождалась возвращения стакана и спросила:

— Второй прибор подавать?

— Повремени.

Прислуга удалилась на кухню, косо мазнув по визитерше недобрый взглядом. Она и раньше не скрывала своего презрения к «бедной родственнице». Такая неприязнь казалась Анне несколько гипертрофированной. С какого бы кваса?

— Ты с Борисом встречаешься? — спросила бабушка, когда стол перед ней уже был полностью сервирован. Чашка мейсенского фарфора мягко светила кремово-розовым боком. Аромат Эрл Грея щекотал ноздри. Анна с трудом сдерживалась, чтобы громко не сглатывать, понимая, что ей устраивают очередную демонстрацию.

— Нет.

— Почему? — бабушка пригубила чай и потянулась за плюшкой. На Анну она не смотрела.

— А почему я должна с ним встречаться?

— Ну, хотя бы по тому, что он не только твой бывший муж, он вообще единственный мужчина, которому ты была нужна.

— Вы заблуждаетесь.

— А что, появился еще кто-то претендующий на твои руку и сердце? Или вернее сказать, на квартиру и зарплату?

Анна поднялась из-за стола. Демонстрация зашла слишком далеко. Алиса Генриховна, наверное, забыла, что внучка больше не нищая студентка, у которой за душой только зачетка с пятерками.

— Тебе надо в туалет? — изогнула бровь бабка.

— Нет. Мне надо отсюда. Просто отсюда. А сюда мне больше не надо. Вы поняли, Алиса Генриховна? Хватит!

— Вообще-то я тебя не приглашала. Сама явилась. Ну да не смею больше задерживать. Кстати Борис мне постоянно звонит. Мне жаль мальчика. Тебе надо к нему вернуться.

— Если вам так его жаль, живите с ним сами, — выпалила Анна.

Задерживаться в этом доме она не собиралась. Она сюда больше вообще не придет!

— Я подумаю, — засмеялась ей вслед старая тварь.

Когда Анна выскочила за воротца, было уже около часа дня. Мороз только начал набирать обороты. Воздух слегка звенел от чистоты. Солнце слепило. Снег лежал голубоватыми волнами. Тропинка под ногами походила на замерзшее разлитое молоко. Анна то и дело оскальзывалась. Ноги приходилось ставить осторожно, еще и балансировать. Но через какое-то время она приноровилась и пошла увереннее. Всего-то осталось: добраться до станции. Она посидит в зальчике ожидания, съест бутер в буфете, дождетя электрички и уедет.

— Нюрк! О, Нюрк, это ты?

— Я, дядя Гриша.

От ее тропинки в сторону сварькинского дома змеилась колдобистая, поблескивающая льдом дорожка. Муж покойной тети Нины стоял у ворот, слегка покачиваясь и помавая рукой на манер депутата на трибуне.

— А Нинка-т моя, слышала? Померла Нинка. Сороковины завтра. Зайди, помянем.

Нога поехала и подвернулась. Анна чуть не упала. Вопрос со смертью тети Нины следовало прояснить.

В сенках прямо под порогом стояло пустое ведро, и, хотя дядя Гриша предупредил, Анна все равно запнулась. Ведро покатилося. Звон дребезгом отлетел от промороженных стенок. Стало тревожно, будто жестянку специально сюда поставили, чтобы не прозевать непрошенного вторжения.

— Лидка! Мать-перемать, убери ведро, говорю!

— Не ори, — отозвалась невидимая Лидка из кухни.

На пороге дядя Гриша, скинув телогрею, пытался разуться. Наступив одним валенком на носок другого, он тянул отдавленную ногу. Анне места не хватило, она осталась в сенках.

— Че дверь не закрываешь? Холоду напустил!

Лидка появилась из кухни с тряпкой в руках. Лицо полыхало не то от плиты, не то от гнева. Она уже приготовилась продолжать разнос, когда увидела Анну.

— Вы к нам? Вы к кому? — деда она задвинула в угол и встала посреди коридорчика, уперев руки в боки.

— Лидка! Тьфу, Лидка. Это же Нюрка. Вы же с ней на горшках рядом. Нюрка соседкина!

Дядя Гриша попытался вылезти из-за могучего Лидкиного плеча. Лицо женщины дрогнуло, поехали спелыми щеками в стороны, глазки из настороженных превратились в две запятые хвостиками вверх.

— Аня? Ой! Анька! Правда, Анька. Заходи. Ты бы женщину-то вперед пропустил. А тс

сам разделся, а она в сенках мерзнет.

— Да я это, я подумал, вдруг ты это...

— Заладил: это, не это. Проходи Анька. Сколько лет не виделись.

На горшках они рядом не сидели, но в детстве встречались каждое лето. Лида жила тут с родителями. Здесь же училась в школе.

— За три километра хожу, — важно говорила она городской Ане, делая ударение на о.

Анну привозили в Хрюкино на лето родители. На месте, где нынче раскинулось обиталище академической барыни, раньше светился мытыми окнами домик дальней родственницы тети Саша. Тетя Саша была одинокой, бездетной вековухой, но детей любила и принимала летом с удовольствием.

Анна сняла дубленку, поискала, куда ее пристроить, и уже собралась повесить на одинокий гвоздь, вбитый посередине стены.

— Сюда можно?

— Дай, в комнату отнесу, — Лида выдернула шубку у нее из рук, вынесла, но тут же вернулась. — Я там на стул положила.

Анна только пожала плечами — чем был нехорош гвоздь? — и пошла в кухню. Оттуда сдавало запахом свежего печева. Может, хоть тут поест?

Дали чаю и пирожков с капустой и с грибами. Дядя Гриша налил дамам по стопочке, а себе полстаканчика. Этот стакан Анна помнила с детства. Дядя Гриша пил только из него. Стакан был старый мутный и имел невероятное количество граней.

— Ну, упокой, Господи, рабу Твою, Нину, — скороговоркой выдал дядя Гриша и кинул содержимое стаканчика в рот.

Поражала сноровка, с которой он расправлялся с немаленькими порциями. Жидкость кучным потоком перетекала по воздуху. Это походило на фокус, который показывают настоящие картежники, когда колода растягивается и сжимается в воздухе.

Лида, махнув стопку, привычно занюхала корочкой хлеба. Аня однажды попробовала так, запах у хлеба после водки оказался оглушительный до слез.

— Давайте, по второй, за встречу, — заторопился дядя Гриша.

Лида поглядела на него косо, неодобрительно. Дядя Гриша пил, похоже, с самых похорон.

— Ты так в городе и живешь? — спросила Лидка, отодвигая бутылку от деда.

— Живу. Работаю.

— Институт закончила?

— Угу. Пирожки у тебя вкусные.

— С капустой? Я сама люблю. Завтра на сороковины с мясом напеку. До завтра то останешься, или тебе домой надо?

— Надо, — криво улыбнулась Анна.

— Что-то не загостились ты у тетки.

— Тетя Саша давно отсюда уехала. Алиса мне вроде бабушки.

— Я ж тебе говорил, что Александра укатила! — встрял дед. — Давай вспомняем тех, кого с нами нет.

— Деда, ты уже до чертиков довспоминался! Хватит!

— А ты мне не указывай!

— Утром забегает в комнату, кричит: «Висит, висит!»

— Висел! — рывкнул дядя Гриша, сотрясая кулаком воздух.

— Кто висел? — не поняла Анна.

— Телефон, говорит. Я как дура поперлась смотреть.

— Висел, — дед уперся, как очевидец, которому не верят по злему умыслу.

— И куда он подевался?

— А!

Вдовец подпрыгнул, ухватил с того конца стола бутылку и быстро набулькал себе порцию.

— Висел!

Лиду вынесло из-за стола в прихожую, за ней качнулся дед. Анне поневоле пришлось идти следом. Остаться за столом одной показалось неловким.

— А-а-а!

— О! Висит!

На неровно оштукатуренной стенке, на том именно гвоздике, куда Анна пыталась пристроить свою дубленку, висел огромный черный телефон допотопного вида. В дырочках диска вместо цифр проступали похожие на иероглифы знаки. Анна не сразу сообразила, что это полустертые буквы алфавита. Лида дрожащей рукой сняла трубку.

— Работает, — сообщила женщина, не поднося ее к уху.

Из трубки проистекал ровный басистый гудок. Тяжелая как кирпич эбонитовая трубка невероятного аппарата вдруг выпала у нее из руки, Лида начала заваливаться вбок. Дед, не теряя присутствия духа, подхватил семипудовую внучку под микитки и потянул в комнату.

Анна, онемев, смотрела на Лидины пятки, под которыми складками ехал домотканый половик.

А телефона на стенке уже не было. Только что трубка качалась, стучая по штукатурке, и — все.

Лида пришла в себя на пороге кухни, затрепыхалась, сбила с ног деда и успокоилась только у стола. Дед ползал у нее за спиной.

— Это че? Это че было? — потребовала она у старика.

— Телефон, — пробормотал он, пытаясь подняться на неверные ноги.

— Все! Завтра бабку помянем, и в завязку, иначе я тут с тобой, старый хрыч, рехнусь.

\* \* \*

Пока Анна ползла по обледенелым тропинкам к тракту, в голову пришла спасительная мысль, что все дело в старой сварыкинской печке. Лида с дедом слегка угорели под утро, вот и привиделось. А ей самой тоже привиделось? Да! И она угорела. Хотя, она как раз сидела против печки и видела, что вьюшка открыта. Да мало ли? А вдруг и так тоже бывает?

Тяжелая эбонитовая трубка, раскачиваясь, постукивала о стену.

\* \* \*

Задумавшись, Анна как бы выпала из действительности. А когда вернулась, стало ясно, что еще чуть-чуть и она уже не сможет двигаться. Будто лягушка в куске льда. Пошевелить рукой удалось с трудом. А вдруг она не сможет забраться в электричку? Если та вообще

придет. Дедок в тулупе будто примерз под фонарем на том конце перрона. Голубой пуховик приник к двери вокзала. Оттуда, наверное, поддувало теплом. Анне вдруг стало по-настоящему страшно. Она попыталась заговорить со стоявшим рядом мужчиной и не смогла. Губы заледенели. Вместо слов выполз невнятный вой.

— У! Ваши дела, кажется, совсем плохи. — Обтянутое тонкой курточкой плечо надвинулось, загородило свет. Мужчина вдруг распахнул куртку и ее полами как крыльями прикрыл Анну.

— Трепыхаться не стоит. Не будете? И ладно. Вдвоем есть возможность выжить. По отдельности мы с вами, леди, околеем тут как два цуцыка.

Нос уперся во что-то мягкое и неровное. Анна не сразу сообразила, что это толстый свитер. И уже давным-давно не сразу почувствовала тепло. Она чуть не заплакала. Стало обидно. Вот он стоял рядом, изображал погорельца, а сам оказывается, был горячий как печка.

Как только начала возвращаться чувствительность и мучительно заболели пальцы в тонких перчатках, Анна попыталась отстраниться.

— Куда! — хмыкнул над головой нахальный спаситель, и покрепче сжал объятия.

— Пустите. Я уже согрелась, — кое-как проблеяла Анна.

— А я — наоборот. Не дадите же вы помереть человеку на морозе.

Сволочь! Он над ней издевался. Анна толкнулась в довольно-таки широкую грудь изо всех сил. Мужчина не ожидал от замороженной лягушки такой прыти. Объятия разжались, Анна, не удержавшись, отшатнулась, куда совсем не собиралась — за угол.

Ну, какого мы дергаемся? Какого вспоминаем о приличиях, когда о них надобно забыть и растереть! Испорченные дети цивилизации. Все в лес! Все в лес! Там просто и понятно. Там закон — тайга. А хозяин — тот, кто сильнее, кто ловчее, кто умнее, в конце концов. Или кто, как в данном случае, теплее.

Ветер, который досаждал по эту сторону угла, оказывается, был легчайшим дуновением. По ту сторону Анне показалось, что ее сейчас повалит, покатит, прибьет к сугробу, да там и похоронит. Она зацепилась за каменную ребристую кладку стены и вылезла в относительно спокойную трескучую морозную освещенность, как скалолаз, перебирая руками и ногами. Лицо и руки успели онеметь. Затылок ломило от холода.

Мужчина поймал ее крыльями своей куртки и снова вдавил в теплую вязаную грудь.

— Полетать захотелось?

— У-у-у...

— Угу. Я там был и полностью разделяю ваше мнение. Так, шажок, прислоняемся к стенке. Сейчас меньше дует?

Анна припадочно затряслась, соглашаясь. И чего она собственно? А? Стой, дура, грейся. Но отвергнутое тепло так и не приходило. Анну начало колотить позорно крупной дрожью. Даже то, что мужчина наклонился и дышал ей куда-то в шею, не помогало.

— Расстегивай шубу.

Анна замотала головой и даже попыталась отступить, забыв, что за спиной стена.

— Быстро! Воспаление легких хочешь получить?

Он, не спрашивая больше, взялся за пуговицы. Полы дубленки расползлись в стороны.

— Засунь руки мне под мышки. О! А еще упиралась.

Возвращались чувства. Рядом, вплотную, функционировала большая и очень горячая отопительная система.

— Я понимаю, постель не повод для знакомства, — пошутил мужчина, но может быть,

представишься?

— Ан-на.

— Согрелась?

— Да. Немного.

— Много будет дома под одеялом. А тут — все, чем могу.

— Правда, мне лучше, — пролепетала Анна.

Он наклонился и говорил ей в ухо. Ухо загорелось.

— Сейчас станет еще теплее, — предупредил мужчина и сильнее вдавил в себя Анну.

А пока она не вырвалась и не отскочила на мороз, наклонился и прихватил ее губы своими.

Поцелуй на ветру. Холодные сухие губы. Ни запаха, ни вкуса. Очень мягко не напористо. Просто. Почти не чувствительно.

Что-то уперлось ей в живот.

— Неконтролируемая реакция, — прошептал спаситель. — Стой не ерзай. А то я за последствия не отвечаю.

Анна замерла. Ей вдруг стало по-настоящему жарко, хоть сейчас на ледяной сквозняк. Закружилась голова, и даже сознание выпало на какую-то секунду, а уже в следующую — ворвался грохот, подходящей электрички.

Дедок приплясывал возле путей. Шуба на нем ходила колоколом. Рядом громоздился голубой пуховик. Спешили еще какие-то люди.

Анна стояла в распахнутой дубленке, из-под которой даже ледяной шквал не смог выгнать жара. Высокий мужчина пропал.

\* \* \*

В лабораторию филиала известной европейской фирмы Анну пристроила Алиса Генриховна.

Только-только прошла защита кандидатской. На кафедре все, включая заведующего, затаились. Да, тема актуальная, да, работа тянет на докторскую, только мест-то все равно нет.

Даже младшим научным? Даже старшим лаборантом?

— Анна Сергеевна, вы ж понимаете, — тянул зав нудную песенку. — Нет ставки даже простого лаборанта. Да я вас на нее бы и не взял. Несоответствие, знаете ли. Спросят-то с меня.

Угу, конечно спросят! Странно, от чего до сих пор руководство института не интересовалось, что делают на его кафедре дочь и двое племянников, один из которых не имел даже профильного образования. Из ее диссертации по ходу работы вычленилось три темы, на которые плотно присели родственники начальника — докторские кропали.

А ты сделала свое дело, и иди себе, желательно без лишнего шума.

Ане тогда очень хотелось продолжить свои изыскания, только где? Областной центр, в котором она родилась и жила, базами, способными предоставить ей такую возможность, не располагал. Она составила резюме, приложила все нужные бумаги и отправила в головной институт в столицу.

А там свои дети и племянники. Перспектива идти в школу преподавателем биологии, не

радовала.

Существовал еще тот самый Химико-биологический Центр. Но он оказался столь закрытым заведением, что на все попытки выйти на руководство, Анна получила ответ: не знам, не ведам, не было такого.

Аня, предварительно созвонившись и объявив о цели своего визита, отправилась на поклон к бабке.

— Нет, — отрезала Алиса.

— Не мой профиль? — робко заикнулась соискательница.

— Без комментариев. Отправляйся домой. Я подумаю.

Аня почувствовала себя беременной выпускницей ПТУ, которую хоть куда, лишь бы сбыть с рук.

Бабка отзвонилась через два дня.

— Лаборатория «Нутридан». Им нужен биохимик.

— Но, я...

— Ничем больше помочь не могу, — бабушка отключилась.

Анна задумалась. Первый порыв: плюнуть и пойти работать в школу, сменился удивлением. «Нутридан» являлся дочкой «Данона». О их зарплатах по городу ходили легенды. Легче было попасть в депутаты городского собрания, нежели устроиться туда хотя бы уборщицей. А тут целый биохимик.

Чтобы быстрее определиться с реалиями, она отправилась в фирму уже на следующий день.

Скорее всего, ее даже на порог не пустят, то есть, оставят дожидаться у турникета под присмотром мордатого охранника, вынесут документы, которые и смотреть-то никто не станет, и объявят: у нас таких пруд пруди.

Ее пропустили! Директор филиала просмотрел ее бумаги, пару раз хмыкнул и велел отправляться в отдел кадров. Там пожилая, но подтянутая и великолепно ухоженная кадровичка, без вопросов приняла заявление и велела выходить на работу с начала следующего месяца.

Оставшиеся два дня Аня занималась подбором гардероба. Хотелось выглядеть, если не лучше кадровички, то хотя бы не бомжушкой. Гардероб оставлял желать. Подходил, пожалуй, единственный костюм, который хоть в пир, хоть в мир.

Но в первый же день ей показали шкафчик в раздевалке. На работе следовало переодеваться в хлопчатый хирургический костюм. Хорошо, хоть ношение медицинской шапочки оказалось не обязательным.

С работой она разобралась быстро. Рутинная. Биохимические пробы поступающего продукта. Аппаратура, кстати, оказалась покруче, нежели на ее кафедре. Втянувшись, Аня даже мимоходом проверила, кое-что из своих гипотез.

Она не думала, что резонанс от ее коротенькой статейки в научном журнале докатится до дирекции филиала. Анну вызвали и мягко, но категорически прорисовали две перспективы: либо она прекращает заниматься посторонними изысканиями на рабочем месте, либо освобождает шкафчик в раздевалке и идет на все четыре стороны. Позвонившая на следующий день Алиса, присоединилась к мнению руководства фирмы, прибавив от себя, что всегда считала ее душой, но не до такой же степени.

К тому времени в жизни Ани уже появился и успел обосноваться Борис. На ее порыв уйти в свободное плавание, он в свою очередь присоединился к мнению бабушки.

Аня сдалась. Над ее рабочим столом теперь бдила видеокамера. А Борис просто отвел ее в ЗАГС. Пышной свадьбы категорически не хотелось. Жених не возражал — только деньги на ветер.

Продержался он почти два года. Вернее, она продержалась. Как-то быстро выяснилось, что им не о чем говорить. Его не интересовала ее биохимия, книги, фильмы, музыка. Анну — его сделки, ставки и курсы валют, а также прихоти клиентов его фирмы.

Но, что происходило в те два года неукоснительно и постоянно, так это — визиты в Хрюкино. Алису Генриховну Борис обожал и обхаживал по полной программе: с цветами, поздравлениями и подарками.

Как-то он показал Ане кольцо из тусклого старого золота с гладко отшлифованным кабошоном. Аметист благородно переливался, на просвет давая совершенно необыкновенное зеленовато-розовое мерцание.

— Как думаешь, Алисе оно понравится?

— Мне тоже, — откликнулась Анна.

— Ты пока до таких подарков не доросла, — цинично заявил муж.

— Почему? — больше удивилась, нежели обиделась Анна.

— Ты положишь его в стол и забудешь, а Алиса станет носить.

— Ты так хорошо успел познакомиться с ее вкусом?

— А ты хоть раз обратила внимание на ее украшения? Ты же сама вообще ничего не носишь, даже обручальное кольцо. Ты в украшениях разбираешься...

— Как бомж в столовых приборах, хочешь сказать?

— И даже хуже, — припечатал муж.

Он как будто специально провоцировал скандал. Борис и раньше неоднократно высказывался по поводу ее несовершенств, но до прямых оскорблений пока не опускался.

Аня же панически боялась скандалов. Молчаливая напряженность, которая накапливалась в их семье ее тоже пугала. Последний месяц не больно-то пылкий с самого начала Борис спал в соседней комнате на диване. Он даже домой не всегда приходил ночевать, отговариваясь работой и мальчишниками.

Страх перед злым молчанием и громкими выяснениями отношений перекочевал из детства. Так вели себя родители. Брат просто уходил из дома, она пока была маленькой, забивалась в угол, зажимала уши руками, потом стала запираться в комнате с книгой, нацепив наушники.

— Если тебе надо уйти, — тихо предложила Анна, — ты иди.

— Я всегда подозревал, что ты вышла за меня из чистого расчета! — крикнул муж и залепил дверь так, что звякнули оконные стекла.

Через неделю, вернувшись с работы, Аня не обнаружила его вещей. Обручальные кольца покупал он. Их она тоже не нашла. Деньги у каждого были свои с самого начала. О каком расчете упомянул Борис перед ретирадой, оставалось загадкой.

С его уходом Ане стало даже легче дышать, будто вынырнула из-под душной перины. Теперь в будни по вечерам она занималась в автошколе, а по выходным водила машину под руководством разбитного тренера — трусила до потных ладоней, но отступать не собиралась. Инструктор норовил погладить по коленке. Для повышения самооценки, можно было даже прыгнуть к нему в постель — побоялась подцепить какую-нибудь заразу, не одну же ее он по коленке гладит.

Алиса прорезалась месяца через два и потребовала объяснений.

— Чего? — спросила Аня.

— Почему ты выгнала Бориса?

— Почему я его выгнала? — отозвалась вопросом на вопрос внучка.

Образовавшаяся финансовая и матримониальная свобода толкали к фронде.

— Ты мне хамишь? — вкрадчиво спросила Алиса Германовна.

Аня испугалась, как всегда пугалась ее напора.

— Он сам ушел. Я его точно не выгоняла. Просто хлопнул дверью, а потом потихоньку забрал свои вещи.

— Но ты подала на развод.

— А что еще оставалось делать? Я даже не знаю, где он сейчас живет.

— Я с ним поговорю.

Алиса положила трубку. В ее тоне к концу разговора убавилось злого напора, осталось обычное раздражение. Борис мог ей просто чего-нибудь наврать. За ним водилось. Аня же не врала почти что по принципиальным соображениям. Лгут либо слабаки, либо аферисты. Сильный человек может себе позволить, говорить правду!

Ты считаешь себя сильной? А кто только вот вывернулся наизнанку перед старухой, которая нагло лезет в твою жизнь?

Борис образовался на пороге через пару дней и тут же попенял Анне, что сменила замки.

— Что тебе нужно?

— Я пришел...

— Зачем? Вещи ты забрал. Что еще?

— Давай не будем торопиться. Ты совершаешь сейчас необдуманный поступок.

— Я?

Деревянный массажор весь в мелких острых пупырышках сам оказался в руках. Аня пошла на Бориса. А он, оказывается, не запер дверь — выскочил, только хвост плащика мелькнул. Аня уставилась на побелевшие костяшки. Такого она от себя точно не ожидала. Чтобы тихоня и отличница полезла в драку!? Не зря Борюсик испугался.

\* \* \*

— Вечно ты ползаешь, как моль бледная!

Мать подцепила это выражение из какого-то фильма и употребляла, где надо и не надо. Дочь ей не нравилась. Это не было активной неприязнью, скорее происходило от изначального равнодушия.

Брата Ваньку мать любила и прощала ему все. Ваньке же ее прощение было до фонаря. Он всю жизнь делал только то, что хотел, но, будучи изрядно трусоват, в откровенные авантюры все же не ввязывался. На редкие замечания отца он отмахивался: иди Аньку учи.

Отец не пил, и руки росли, откуда надо, вот только ни на одной работе долго не задерживался. Ему всегда казалось, что платят мало, уважают мало, любят мало. Ему всего было мало. Анну он периодически принимался поучать. А она приспособилась так прятать под волосами наушники, что отец ни разу не заподозрил отсутствия интереса к воспитательному процессу.

Анна его наслушалась еще в младших классах. Отец расписывал, как надо устраиваться

в жизни, приводя в пример естественно себя. На момент разговора ему светило место чуть ли ни губернатора, а там и до премьер министра недалеко, тогда они уедут в Москву, Анна будет учиться в МГУ, а еще лучше за границей. Ванька станет генеральным директором. Мать пусть дома сидит, надо же кому-то готовить и прибираться.

Но восхождение к вершинам благополучия приходилось начинать с автомастерской. Кругом к тому же были одни завистники.

\* \* \*

От него года три не приходило никаких вестей. Если бы что-то случилось, Анне, наверное, бы сообщили. Пока все оставалось тихо.

Мать осела на берегу во Владике, работала в кафе. Ванька изредка позванивал: ты как? Нормально. Паришься в своем институте? Вроде того. А я... далее следовало перечисление его достижений: гостиница на побережье, свое кафе, дети.

Ванька ни разу не пригласил ее в гости. Анну это цепляло, не по тому, что хотелось халявного моря — а просто. Брат, кажется, раз и на всегда отсек себя от остальной семьи. От младшей сестры, уж точно. В последний созвон он спросил, что они будут делать с квартирой.

— Какой?

— Нашей. Ты там живешь, но я тоже имею на нее право. Давай, продадим. Деньги пополам.

— На нее еще имеют право наши родители, — оторопела Анна.

— А мы им не скажем, — расхохотался Ванька.

Она этого не допустит! Она только-только привела свое жилище в порядок, мебель купила. Получилось вполне уютное гнездовье. Как у тети Саши, — вспомнилось не кстати. Тетка исчезла, ни адреса, ни телефона.

Из зеркала на Анну смотрело бледное, засыпанное светлыми веснушками личико сердечком. Непослушные светло рыжие завитки торчали во все стороны.

Анна всю жизнь мечтала иметь прямые волосы. Однажды она пришла в салон и попросила исправить положение. Ее крутые вихры вытягивали и выглаживали утюгом в четыре руки. Результат оказался столь страшен, что, вернувшись домой, она тут же подставила голову под струю воды. Волосы тогда сожгли до самых корней. Анна поплакала над собственной дуроростью и подстриглась почти наголо.

Она больше не будет экспериментировать с собственной внешностью. Мошь бледная тоже имеет право на существование!

Если волосы заколоть повыше, отдельные прядки возле ушей будут живенько так завиваться. Можно, конечно, завязать тугой узел на затылке, но тогда хвост будет торчать вроде кучерявой метелки.

Анна полезла в ящик под зеркалом за заколкой, забрала буйные кудри в кулак и небрежно сколола. Она не ожидала, что получится так здорово. Из зеркала на нее смотрела уже не рыжеватая мышка, но...

С какой стати ей вообще пришло в голову прихорашиваться? Настроение такое? Ага, себе-то не ври!

Поцелуй на морозном полустанке никак не шел из головы. Даже не из головы, а откуда-

то из живота. Она его помнила тактильно. Лица ведь даже не разглядела. Но все остальное помнила так, что дергалось и свербело внутри.

Это все от чисто физиологического простоя, решила Анна и позвонила Максиму.

Они познакомились еще при жизни Бориса в ее квартире. Какой-то знакомый ее знакомых на чьем-то дне рождения оказался рядом за столом. Вполне себе необыкновенный парень, вернее мужчина, который до старости останется пацаном. Он трудился директором спортивного центра, занимался когда-то бодибилдингом, да и теперь качался, благо тренажеры всегда под рукой.

Аню поразил его смех. Он не просто хохотал, он ржал! Перекрывая любые децибелы. Ей все время хотелось отодвинуться подальше, а лучше отбежать. Если выключить звук, им можно было любоваться, как живой скульптурой.

К концу вечера пришла его жена — очень спокойная, высокая статная. Пара — загляденье. Ане тогда показалось, что она пришла именно забрать благоверного домой. Сам бы он, пожалуй, до утра тусовался.

В следующий раз они встретились уже после бегства Борюсика. Максим узнал, что Анна работает в «Нутридане», приехал к ней домой и предложил выйти на руководства фирмы с предложением сотрудничества. Площади спортивного центра простаивали. Максим предлагал оптовые цены, для выгона людей умственного труда на беговые дорожки.

Аня даже пробовать не собиралась, о чем тут же и сообщила.

— У меня не тот уровень, чтобы задавать руководству такие задачки.

— У вас там какая-нибудь доска объявлений имеется? — нашелся Максим. — Хотя бы постер повесь. Вот, я принес.

Плакатик с рекламой спортивного центра Анна прикрепила и очень удивилась, когда Максим явился к ней через месяц с тортом и бутылкой вина. Оказывается, народ из «Нутридана» хоть толпой и не валит, все же периодически заходит по объявлению.

Тогда-то все и случилось. Легко и необязательно, как и продолжалось потом в редкие встречи. Одна из знакомых Анны под хихиканье как-то ей поведала, что Максим, — ну ты помнишь, у Самойловых рядом с тобой за столом сидел, громкий такой, — ходок тот еще. У него то ли пять, то ли шесть любовниц. И на всех сил хватает! Представляешь?

Ну и что? Она не была даже чуточку в него влюблена. Чтобы в боку не кололо, говорила когда-то тетя Саша.

Максим прибыл в некотором удивлении. Анна никогда ему сама не звонила. Обычно инициатором встреч являлся он.

— Что с тобой? — спросил он после здравствуйте.

— А что со мной?

— Ты какая-то другая. Влюбилась, что ли? Предупреждаю, только не в меня.

И счастливо заржал на всю квартиру.

Аня поняла, что погорячилась с приглашением.

— Макс, давай чаю попьем. А хочешь вина?

— Я чай дома могу пить. С плюшками. Я не для того через весь город к тебе ехал, чтобы чай распивать.

Он уже не только снял верхнюю одежду, но и рубашку успел расстегнуть. Аня улыбнулась. В постель, так в постель. А ты чего ждала? Ты же хотела физиологии? Получай в чистом виде. Молодой здоровый красивый. Въедет по самые уши, сразу забудешь поцелуй на морозе. Да и был ли тот поцелуй? Вдруг ей все померещилось, как тот телефон на

— Анна Сергеевна. Анна!

Оказывается, возле ее стола топтался Зеленкович.

— Что? Простите, задумалась.

— Анализ последней партии сухого молока готов?

— Да. Только краска в принтере закончилась. Я позвонила техникам, сейчас принесут новый картридж. Придется подождать, или сама занесу.

Зеленкович переминался с ноги на ногу. В лаборатории имелось одно единственное кресло, и его занимала Анна. Стоять столбом ему было неловко, уходить не хотелось. Наконец он как бы присел на край ее стола.

— Я подожду. Вы потрясающе выглядите. Много раз хотел вам это сказать, да как-то все не получалось. Спешим все, спешим. А куда?

Невысокий щуплый хорошо за сорок зав орготтдела периодически предлагал интим всем женщинам более или менее товарного вида. До Анны очередь дошла, почему-то именно сегодня. Вчера Максим, сегодня этот селадон. Будто, впервые ее увидели. Уходя Максим сказал, что раньше не замечал, какие у нее зеленые глаза.

Глаза действительно были зеленые, но меняли оттенок в зависимости от настроения или от цвета одежды. Когда Аня плакала, они становились цвета молодой травы и светились.

— Как вы смотрите на ужин в ресторане? — не стал церемониться Зеленкович.

— У меня вчера был такой ужин со всеми вытекающими из него последствиями. Сегодня хочется отдохнуть, — тоже не стала стесняться Анна.

— А вы в курсе, что руководство нашей фирмы не одобряет свободных нравов? — непоследовательно попенял собеседник.

— Чтобы меня в них обвинить, надо как минимум постоять рядом со свечкой. Ни у кого из руководства такой возможности пока не случилось. Преступление против нравственности надо сначала доказать.

— Поэтому у вас сегодня так глазки-то горят! Завидую вашему... э... другу.

Общаясь с Зеленковичем редко и исключительно по делу, Анна не представляла, что он настолько дурак.

А тут и картридж принесли. Установить — дело минуты, распечатать — еще двух. Отбивая с отчетностью, Зеленкович причмокнул, давая понять, что отступаться не намерен.

Не иначе мне на ледяном ветру явился ангел, — хохотнула про себя Анна, — вдохнул в меня искру, и теперь мужчины будут падать к моим ногам по одному мановению. Хотя, ангелы бесполо. А незнакомец очень даже... вот! Значит, бес. А телефон на стенке у Сварыкиных следствие галлюциногена. Пирожки-то были с грибами. Как она сразу не догадалась. А то, что дедуня с утра его видел, так, может, они те пирожки каждый день едят?

В концепцию, правда, никак не вписывался звонок покойной бабы Нины. Галлюциногены по сотовой связи, слава Богу, пока не летают.

В этот год рано, одновременно и буйно началась весна. Только что морозило и засыпало сухой колючей крупой, а уже через два дня газоны пошли проталинами. Шубы дубленки и сапоги сменились курточками и кроссовками, а Максим стал названивать чуть не каждый день. Аня иногда отговаривалась, иногда соглашалась.

— Понимаешь, — начал он как-то косноязычное объяснение, — ты не как все. Ты как-то так... не знаю. Я никогда не брошу свою Инку и мальчишек — ну, это как водится — только я все время про тебя думаю.

А я — нет, — подумала Анна. Завтра после работы она собиралась заехать в турагентство, присмотреть поездку куда-нибудь подальше. Ленуля сильно нахваливала Мексику. Ее вкусу можно было доверять. Котцелькоатль, Тотопотипетль или что-то в этом роде, дон Альберто, дон Альфонсо иже с ними — ждите, скоро буду.

\* \* \*

Угу, а то, как же!

Устроившийся за массивным столом, Зленекович выглядел еще мельче, чем обычно. Как раньше Анна не замечала, что у него именно такой нос, который ей активно не нравился. Просто она старалась его вообще не рассматривать, дабы не давать лишнего повода к приставаниям.

— В отпуск собираетесь? — обнажил зав орготдела фарфоровые зубки.

— По графику, — без всякого выражения откликнулась Анна.

Сесть ей не предложили.

— Придется отложить.

— Почему?

— Ознакомьтесь.

Он толкнул листок с напечатанным текстом, тот неудачно проскользнул по гладкой поверхности, упал на пол и последним вывертом залетел под стол.

— Мне отсюда не видно. Может быть, Вы своими словами объясните?

Зленкович мало, что был первый лизоблюд, еще и трус, каких мало. Неаккуратное обращение с документом грозило. Он выскочил из-за стола, встал на четвереньки и вытянул-таки злополучный листок на свет.

— Нате, читайте.

Улыбки не осталось. Глаза горели, так бы и испепелил.

Приказом по филиалу Анне предписывалось, с начала мая отправляться в командировку сроком на четыре месяца.

— Это что? — задала она вполне резонный вопрос. — Что должен делать биохимик в подсобном хозяйстве, которое недавно приобрела фирма?

— Поедете, помесите там навоз, подоите коровку. Синдикат запросил образцы местных продуктов.

— Я их сама буду собирать?

— Все вопросы к заместителю директора по науке. Свободны!

Не дала, да? Вопрос читался даже не в глазах, а будто бегущая строка проступила на лбу.

— Спасибо, — сказала Анна, развернулась и пошла, прояснять диспозицию на третий этаж, к упомянутому заму.

— Анна Сергеевна, дорогая, приказ спустили сверху. Ничем не могу помочь.

— Да я, собственно, не за помощью. Что там делать-то?

— Что и здесь. Кое-какую аппаратуру мы туда завезли. Будете собирать материал: земля, трава, вода. Исследуете. Образцы продуктов — тоже. К первому сентября подготовите полный отчет. Мы должны знать, можно ли использовать подсобное хозяйство для развертывания производства пищевых продуктов, консервов и сублиматов.

— Не проще привезти образцы сюда? Такая солидная лабораторная база не у каждого института есть.

— Э, нет, милочка, — зам по науке любил изобразить уставшего барина. — Во-первых, площади. Территория подсобного хозяйства около десяти тысяч гектаров. Во-вторых, пробы с одного и того же участка следует повторять каждые две недели. Да вы так не волнуйтесь. Туда специально набрали команду. Они будут собирать материал, ваше дело — исследования. И отчетец — это самое главное. Вы, на сколько я помню, пытались на нашей базе докторскую делать?

— Да, что вы! Так, проверила кое-что.

— Ну, ну. На хозяйстве можете заниматься своими исследованиями сколько угодно, но опять же не в ущерб основной задаче.

Так и лилось! Обрисовал перспективы, хоть плачь, хоть смейся.

— А где находится подсобное хозяйство? — решила Анна.

— Василихинский район.

Это примерно там, куда никто паче чаяния телят не гонял, где зимуют раки, а также свистят на холмах в хорошую погоду — триста верст на северо-восток без регулярного транспортного сообщения.

— Последний вопрос, — Анне пока удавалось сохранять видимость спокойствия. — Туда на обычной машине можно доехать, или только на тракторе?

— Вертолетиком, Анна Сергеевна, вертолетиком полетите.

Место для курения в фирме оснастили по последнему слову или вернее требованию: кресла из негорючего материала, вытяжная вентиляция, поглощающие напольные пепельницы и красный огнетушитель в углу, который предавал помещению несколько совковый вид.

Анна сюда пока не заходила, вообще почти не курила, сегодня ноги сами принесли. В курилке, несмотря на все изыски, стоял вокзальный дух. Следом за Анной, — что явилось полной неожиданностью, — вошла элегантная зав отделом кадров.

— Здравствуйте, Анята. Подымим? Я, пожалуй, включу вентиляцию на полную мощность. Сквозняков не боитесь?

— Нет. Наоборот. Включайте, пожалуйста.

Она чем-то походила на Алису. Элегантность и отстраненность. Таких женщин, как будто не касалась обычная жизнь во всех ее сермяжных проявлениях. Хорошо, хоть бабкиной злобности тут в помине не было, иначе бы Анна ушла.

Вентилятор зашумел. Галина Георгиевна прикурила. Анна достала сигареты, начала искать зажигалку.

— Возьмите мою.

— Спасибо.

— Анята, я хочу вас предупредить. Будьте осторожны. На делянке, куда вас отправляют, творится какая-то чертовщина. Раньше территория принадлежала Химико-

биологическому Центру, они продали ее нашей фирме за сущие копейки.

— Это институт, который в пригороде за тремя рядами колючей проволоки, а спросишь, говорят, автосервис?

— Вы умница. Да.

— Какая чертовщина? Что-то конкретное?

— Биохимик, который работал... прошлым летом его отправили в командировку. Больше его никто не видел. Слухи ходят разные. Но вы же знаете, в наших стенах лишние вопросы не приветствуются. А уж за стены Химико-биологического Центра не то что муха не вылетит, луч света не просочится.

Галина Георгиевна поднялась, убавила вентиляционный шум и остановилась в некотором удивлении. На пороге курилки топтался Зеленкович.

— Дымите?

— Вы же не курите, Леонид Семенович.

— Да я так, мимо шел, дай, думаю, посмотрю, кто тут рабочее время коротает.

— Мы, Леонид Семенович, мы. Вы удовлетворены?

— Да что вы, Галина Георгиевна, я же просто так зашел.

Знаем мы, как ты просто заходишь! Анна успела кинуть так и не прикуренную сигарету в пасть умной пепельницы. Раздвижные челюсти мгновенно зажевали улику.

Зав отделом кадров происходила из тех слоев атмосферы, куда птицам вроде Зеленковича полет был заказан. Аня же так и так в ближайшее время отбудет незнамо куда, искать незнамо что.

Куплю сомбреро в сувенирном магазине и книжку про Мексику, буду забавляться на пленэре!

Хорошо, что Максим с семейством укатил отдыхать в заграницы, обещал после майских вернуться. Анюты к тому времени уже след простынет. Его косноязычные объяснения, ржание по каждому поводу и даже безупречная внешность начали ее раздражать. Но он был такой хороший, простой и ласковый, что Анна успела к нему привыкнуть, как привыкаешь к удобной подушке. Исчезни она, какое-то время будет не хватать банального комфорта.

\* \* \*

Брат Ванька позвонил в этот же вечер.

— Привет. Жди в гости.

На поездку впервые за пятнадцать лет его могла подвигнуть только сильно глобальная причина. Речь, скорее всего, пойдет о продаже квартиры.

— Меня не будет в городе.

— А куда ты денешься?

— Уеду в командировку.

— Откажись, скажи, брат приезжает.

— Не могу и не хочу. А тебя предупреждаю: квартиру я оставлю на сигнализации, и ты в нее не попадешь ни под каким видом.

— Ты че, решила меня прокатить?!

Ух, какие мы грозные. Братец просто забыл, что Аня уже не затурканная школьница.

— Ваня, запомни, пожалуйста, даже заруби хоть на носу, хоть на другом органе:

никакого дележа квартиры не будет. Хочешь, подавай в суд. Извини, мне некогда.

Звонок ближайшего родственника на некоторое время выбил из колеи. Анна продолжала с ним мысленно спорить, а другим планом сознания пыталась сообразить, что брать с собой в такую необычную командировку. Летние месяцы в гостях у тети Саши остались в смутном детстве. Что носят в деревне? Спортивный костюм — обязательно. Легкие курортные платица тоже следует взять. А обувь? Анна любила шпильки, а шпильки не любили пересеченной местности. Придется завтра идти в магазин и там уже решать. Резиновых сапог у нее точно не было.

Мысли устроить демарш с увольнением не возникало вообще. И дело даже не в том, что она за несколько лет привыкла к финансовой независимости и общей стабильности бытия. Просто пришло время сменить обстановку. Сменить хоть что-то в своей жизни. Она поедет, вернее полетит. А чертовщина сама по себе не так уж и страшна. Взять хоть тот телефон на стенке у Сварькиных. Ну висел, ну исчез. Детство осталось за туманами и далями. Она больше не боится темноты!

\* \* \*

Вертолет оказался огромной машиной армейского образца. Команда носила одинаковую униформу с логотипом «Нутридана». Аня даже представить себе не могла, что фирма имеет такие возможности. В чемодан все не уместилось, пришлось брать еще и дорожную сумку. Машина забрала ее от порога дома и сразу на аэродром. Никаких документов ей с собой не дали. А если там спросят, кто такая? Не спросят, успокоил зам по науке.

Его должность, похоже, являлась некой синекурой. Пристроил кто-то родственника в дочерний филиал, не исключено даже организовал для него ставку. Ни плана исследований, ни статей в научные журналы. Ту, которую в первый год работы написала Анна, можно было не считать. Мало того, что внеплановая, за нее вообще чуть с работы не выперли.

За три дня до отъезда позвонила Алиса Генриховна и велела быть. Времени с прошлого визита прошло достаточно, обиды забылись. Что взять со старого человека?

Газон, кусты и даже деревья оказались аккуратно подстрижены. Бабушка встретила внучку на веранде. По летнему времени стеклянные панели раздвинули. На столе стоял букет полевых цветов и две чашки.

— Садись, — велела Алиса Генриховна. — Я слышала, тебя отправляют на делянку.

— Почему ее все так называют?

— Все — это кто?

— Галина Георгиевна, зав отделом...

— А, эта. Она много чего знает, хорошо, хоть болтать, не приучена. Что она тебе наговорила?

— Ничего, — натурально удивилась Анна; не принимать же в серьез тот разговор в курилке.

— Лида, неси чай, — велела хозяйка.

На столе появился серебряный чайник, хрустальная сахарница и тяжелое керамическое блюдо с горячими пышками. Лидия Ивановна, как никогда радушно улыбалась госте.

— Вот масло, вот мед. Угощайтесь.

— Спасибо.

Анна насторожилась. В последний путь ее, что ли провожают? Поневоле всплыли опасения Галины Георгиевны.

— Я тебе кое-что с собой дам.

Алиса Генриховна выложила на стол очешник, который, должно быть, помнил последнего генсека, если не предпоследнего. Аня протянула руку.

— Открывать можно только в темноте. Носить очки будешь ночью постоянно. И вот еще. Алиса Генриховна стянула с безымянного пальца кольцо с аметистом.

— Надень сейчас и не снимай. Пстой, тебе, что знакома эта вещь?

— Вам его подарил Борис.

— Да, ладно!

— Он меня еще спросил, понравится вам или нет.

— Ты определенно была права, что его выгнала. Дурак. Это кольцо стоит больше чем три твоих хрущевки. Его купила я, а Борис выступал в роли курьера. Надо же! Похвастался.

— Вы не боитесь доверять мне такую ценность?

— Боюсь, но иначе... в общем сама разберешься на месте. И предупреждаю, ни во что там не вмешивайся. Самым лучшим для тебя было бы запереться в боксе и наружу даже носа не высовывать. Надевай.

Три ее квартиры стоили около десяти миллионов.

— Я не могу, — отказалась Анна, отодвигая кольцо к Алисе.

Камень поймал луч света и засиял розовым с изумрудной каймой.

— Не смей со мной спорить! Надевай и отправляйся. Тебе пора.

Алиса Генриховна встала из-за стола и удалилась, не удостоив внучку прощанием.

Летать вертолетом, тем более военной машиной, Анне пока не приходилось. Ей показали место на лавке у иллюминатора. Команда вносила какие-то ящики, пакеты и мешки. Брюхо винтокрыла заполнили наполовину, когда появились остальные пассажиры — пятеро мужчин в разномастной несвежей одежде и девушка. Она тут же плюхнулась на лавку рядом с Анной.

— Привет.

— Здравствуйте.

Аромат дешевых духов перебил даже сугубо авиационную вонь. Девица тут же начала стаскивать с себя куртку, толкаясь в тесноте локтями. Под курткой оказалась майка, немного не достающая до пояса вытертых джинсов. Когда машина поднимется в воздух, к запаху масла и железа прибавится дух разогретого горючего, плюс этот невыразимо цветочный аромат. Анна поискала, куда бы пересесть. Свободной осталась только огромная, бочка, но она лежала, закрепленная железными скобами, да и вряд ли команда разрешит передислокацию. Анна замерла, стараясь глубоко не дышать.

— Ты кто? — толкнула ее в бок соседка.

— Биохимик.

— Так это я тебе буду убирать.

— Что мне убирать?

— А я откуда знаю. Мне сказали: убирать, готовить, стирать. Тебя как звать?

— Анна Сергеевна. Можно, Анна, только на «вы», пожалуйста.

— А я Ксюха.

— Будем знакомы, — опустила Анна непереносимое «очень приятно».

— Ты первый раз на делянку?

— Мы договорились, на «вы». Хорошо? Почему на делянку?

— Не знаю. Мне сказали: убирать, стирать готовить. А куда, мне вообще по фигу. За такие бабки хоть на Северный полюс. Даже комнату отдельную обещали.

— Вы приезжая? — Анна решила поддержать разговор.

— Неа. Местная. Я в гастрономе работала подсобницей. Уволилась. Два через два с восьми утра до десяти вечера. Восемь тысяч. Еще и сумку каждый раз проверяют, как с работы идешь. Я их послала. У меня подруга в Москве устроилась, к себе звала. Только боязно. Катька мутная. А тут соседка говорит: уборщицей пойдешь? Я как узнала, сколько платят, сразу согласилась.

Ну вот, а в народе молва ходит, будто в «Нутридан» даже чернорабочих по конкурсу набирают.

Пятеро мужчин между тем расположились возле штабеля мешков, выставили на пол засаленный рюкзак и уже раздавали карты. Четверо собирались играть. Пятый достал из такой же засаленной сумки бутылку и два стакана. Но не успел он открутить пробку, рядом образовался парень в форменной куртке, без слов отобрал бутылку и унес. Компания дружно взревела. На рев вышел командир и велел им выметаться с вещичками.

— Вы никуда не летите.

— Да это че, начальник? Не по понятиям.

— Кто тут про понятия говорит? Ты? Вас предупреждали? Подписку давали?

Выметайтесь.

Один тощий лысоватый вскочил, намереваясь и дальше отстаивать собственные права. Его сосед, помассивнее сложением, дернул мужика за куртку, усаживая обратно.

— Все, начальник, молчим. Просим прощения, не повторится.

Бузотер вякнул было, но вбок ему уперся кулак соседа. Карты начали раздавать поновой, теперь уже на всех.

Ане стало не по себе. Ей что, придется жить рядом с этими людьми? Пока за ними бдит вертолетная команда, они будут сидеть смирно и копить злобу, за то уже на месте отыграются на ней, как на главной представительнице фирмы, по полной программе. Вдруг придется жить с ними в одном доме? А что если водной комнате?

Ну вот, как всегда напридумывала себе страхов на ровном месте. Если даже уборщице обещали отдельное жилье...

Обещать, еще не значит дать!

Ксюха достала из объемистой сумки полиэтиленовый пакет, развязала и вытащила бутерброд.

— Хочешь?

Анна промолчала. Беспардонная девица должна бы уже усвоить, как к ней следует обращаться.

— Хотите? — поправилась Ксюха. — Вы только не обижайтесь.

— Спасибо, я позавтракала, — отозвалась Анна и улыбнулась.

Сквозь густой макияж у соседки проступало почти детское личико.

Уже через полчаса полета грохотом забило уши, а вибрацией все остальные чувства. Ксюха рядом что-то пыталась кричать, размахивала руками. Она, кажется, пришла в восторг от полета. Работяги резались в карты, как ни в чем не бывало, одна Анна тихонько сходила с ума. В иллюминаторе сначала тянулись обработанные поля, потом поля вперемешку с перелесками, потом сплошной лес. Среди верхушек, покрытых пуховой весенней листвой стали попадаться черные пятна хвойных. Проплыл где-то сбоку жилой массив. Если это Василихино, осталось совсем немного. Но вертолет все летел и летел.

Анна поняла, что еще чуть-чуть и потеряет сознание. Но тут из-за ящиков выбрался член команды и что-то объявил. По тому, как свернули игру работяги, стало понятно — садимся.

Пока обратно вытаскивали мешки и ящики, Анна медленно приходила в себя. Она выбралась из вертолета последней.

Винтокрылая машина приземлилась на площадку, покрытую бетонными плитами, к которой примыкала стена из колючей проволоки, причем с изысками, каковые используют при ограждении тюрем. На столбах через каждые двадцать метров вращались видеокамеры. Проволочное ограждение тянулось в обе стороны, на сколько хватало глаз. С другой стороны площадки стояло длинное административного вида строение. В колючем ограждении имелись раскрытые на данный момент ворота, по ту сторону которых, дожидался автобус. Вертолетчики и принимающая сторона, все в одинаковой униформе, таскали груз.

— Вы Анна Сергеевна?

В голове еще гудело. Аня не сразу сообразила, что от нее хотят.

— А?

— Биохимик вы?

— Я, простите.

— Ваши вещи уже в машине. Проходите и садитесь на передние сиденья. Девушка

тоже. Ограждения не касайтесь. Периметр под напряжением.

— Дорошенко!

От официального барака к ним бежал мужичок, часто перебирая короткими ногами. Командир вертолета неприязненно поморщился.

— Правил не заешь?

— Прорыв.

— Где?!

— На семнадцатом километре. Когда ворота открывали, пришлось отключать периметр, лоси повалили забор, будто специально караулили.

— Сколько их?

— Голов пять. Там камера...

— Заткнись! Команда, на взлет!

Люди споро попрыгали в машину. Клацнула, закрываясь дверь. Квадратный мужичок поторопил Анну:

— Ну, че встали? Давайте, быстро, иначе волной на ограждение кинет. Бегом!

Анна даже представить себе не могла, что поток воздуха легко может поднять человека над землей. Они успели заскочить в автобус, машину качнуло и даже подвинуло. Двигатель уже работал. Как только закрылись двери, автобус рванул по грунтовке в сторону леса. Рядом тряслась Ксюха. Работяги притихли.

Куда они попали? Это что, концлагерь? Происходящее пока никак не связывалось с представлениями о подсобном хозяйстве. Они тут собрались внедрять запрещенные технологии, для того и огородились не хуже атомной станции? Меньше всего Анне хотелось увязнуть в чем-нибудь криминальном. Но главное — отсюда невозможно выбраться по собственной воле. Вдруг что-нибудь случится с родителями? Ей ведь даже не сообщат. Ее предупредили, что спутниковая связь тут не берет.

— Разворачивайтесь!

Анна вцепилась в плечо водителя. Тот дернулся, сбавил скорость.

— Разворачивайтесь. Я дальше не поеду.

— Не положено, — сообщил тот ровным голосом.

И опять газанул. Автобус взбирался на пригорок.

Село раскинулось в ложбине на краю озера. Вода поигрывала слепящими бликами. За деревьями вдалеке сияло еще одно озеро поменьше, а дальше — сплошной лес.

Вид самых обыкновенных деревенских домов несколько успокоил. Ну, с чего завелась-то? За пятнадцать лет ни с кем из родственников ничего не случилось, за четыре ближайших месяца, будем надеяться, тоже ничего не произойдет. Проехали они от силы километров десять, при необходимости можно и пешочком. Наземные службы должны находится там неотлучно. У них точно есть связь.

Она так себя уговаривала, пока автобус катил вниз, а когда затормозил у деревенского магазина, уже полностью успокоилась. Работяг подняли, таскать продукты. Анна, а за ней и Ксюха выбрались осмотреться.

Магазинчик оказался совсем маленький. Внутри на полках вперемешку лежали крупы, конфеты и консервы. Вкусно пахло свежим хлебом, но на полках его не оказалось. Наверное, закончился. Придется вставать пораньше и приходиться к открытию.

У магазина начал собираться народ. Аня вспомнила, как в детстве бегали в хрюкинское сельпо за конфетами, и несли их потом домой в газетных фунтиках. Надо будет договориться

с кем-нибудь и брать молоко.

Захотелось молока со свежим хлебом. Ближе всех стоял дедуня в меховой жилетке, покрытой когда-то веселенькой шотландкой. Цвета от времени поблекли и затерлись. Интересно, к какому клану принадлежит сей абориген, — хихикнула про себя Анна.

Рядом с дедом вертелась девочка лет пяти, она исподлобья понаблюдала за разгрузкой, по очереди осмотрела Ксюху и Анну и вдруг радостно улыбнулась, будто встретила знакомое лицо. Анна даже обернулась, посмотреть, кому так обрадовалась девочка. Все были заняты делом.

Девочка откачнулась от деда.

— Как тебя зовут, — спросила она глуховатым голосом.

— Анна. А тебя?

— Полина.

— Полька, не лезь к людям! — Потребовал дед.

— Я не лезу, я только спросить. Ты не моя мама?

— Нет.

— Угу, — кивнула девочка, отошла обратно к деду, дернула за безрукавку и что-то начала шептать, когда тот наклонился.

Дед дослушал, взял ребенка за шкурку и потащил от магазина.

Обычная история, наверное, просила конфет или еще чего-нибудь. Клетчатая скособоченная спина, вскоре пропала из виду. Ребенок тащился за стариком почти волоком. На порог магазина вышла высокая продавщица больше похожая на оперную диву, нежели на разбитную сельскую торговку.

— Товар приму, тогда приходите, — велела она сельчанам и захлопнула дверь.

Народ начал безропотно расходиться. Рабочие уже сидели в автобусе, женщинам тоже велели располагаться.

Следующим пунктом стала амбулатория. Анна наблюдала из окна, как в дверь с красным крестом внесли две небольшие коробки. Автобус проскочил главную деревенскую улицу и свернул в сторону невысокого голого холма. Тут, наверное, когда-то стоял лес. Кое-где еще виднелись, срезанные почти вровень с почвой пеньки. А в километре примерно от околицы за густыми высокими кустами обнаружилась еще одна полоса колючей проволоки. Водитель выскочил, сунул в щель на воротах карточку и велел женщинам проходить.

— Вещички с собой берите. Приехали.

— А мы? — заголосили работяги.

— Молчать! Все устроитесь.

Он запер автобус и пошел провожать женщин.

— Вот карточка вам, Анна Сергеевна. Она бессрочная. Можете уходить, приходите, когда захотите. А тебе, — ткнул он Ксюхе в ладонь кусочек пластика с чипом, — с семи утра до семи вечера.

— Почему?! — законно возмутилась девчонка таким ограничением.

— Молчать! Тебе и это много. Видишь дверь в конце коридора? Будешь жить там. А вы сюда проходите. Дальше кухня, через переход лаборатория. Потом посмотрите. Там на столе график: когда, что, откуда на каждый день. Разберетесь.

— Завтра, наверное, придется собрать рабочих, объяснить...

— Никого собирать не надо. Им все без вас объяснят. В восемь утра к вам придет начальник охраны, отдадите ему на руки первый лист. Дальше пошли. Тут кладовая.

Продукты в деревне не брать.

— Даже молоко и хлеб?

— На въезде у дороги стоит дом: крыша красная, стены зеленые, забор синий. Не перепутаете, там живет перкарка. Платить не надо. Пусть девчонка завтра к десяти сбегает. Татьяна подскажет, у кого можно взять молока, и хлеба даст.

— Я не знаю, как к вам обращаться.

— Никак. Я сейчас уеду. Все вопросы к начальнику охраны. Приступайте к работе. Да... вот еще. Колечко у вас интересное. Позвольте?

— Оно не снимается, — оторопела Анна.

Подобного интереса она никак не ожидала. Колечко к тому же действительно не снималось. Если приложить максимум усилий, его, скорее всего, удалось бы стянуть, а так просто — не получалось. Оно не давило, вообще не создавало какого-либо дискомфорта, просто было. Анна успела к нему привыкнуть и не обращала внимания.

— Ну-ну. Может оно и ничего...

И удалился, более не отвлекаясь, не оглядываясь и даже не попрощавшись.

— Класс! — заверещала где-то за спиной Ксюха.

— Что?

Девчоночий вопль ворвался в мысленный сумбур, который никак не хотел разбираться в стройные ряды.

— Что случилось?

— У меня своя комната! Нас в однокомнатной пятеро еще мамка и бабка, но она лежит на кухне, места много не занимает. А мамка работает ночь, через ночь. Мы на кровати по очереди спим.

— А у кого очередь не подошла?

— На полу. Брат себе на чердаке шалаш построил, летом там. А у меня тут целая комната!

— Ксения, погоди, скажи, как тебя на работу приняли? Просто пришла и сразу взяли?

— У нас раньше в соседней квартире жила тетя Люся, потом они переехали. Мать говорит, она хорошо устроилась, ну, в «Нутридан». Вот. Мы с мамкой в магазине стояли. Она подходит, типа, сколько лет, сколько зим.

— Она в отделе кадров работает?

— Неа. Не знаю. Она и говорит, давай Ксюху устроим к нам. Мать, типа, хоть сейчас. Я пришла, мне на голову нацепили какие-то провода. Долго гудело. Потом еще голова болела сильно. Мне говорят: в командировку поедешь? Когда сказали, сколько платить будут, я чуть не подпрыгнула. Говорю: поеду, конечно. Вот.

— Ты готовить-то хоть умеешь? — засмеялась Анна.

— Суп умею, картошку жареную, кашу. Я в кладовке посмотрела, там банками все заставлено. Я только тушенку разобрала, а еще там крупы, молоко сухое — всего завались!

Бедная голодная девочка, которая всю жизнь проспала на полу возле дементной бабки. Ее восторги можно было понять.

— А что у тебя в комнате?

— Кровать.

— А еще?

— Еще видак и куча дисков. А у вас?

— Пока не знаю. Ты мне сегодня только чай приготовь и можешь быть свободна. Завтра

к десяти надо сходить в деревню за молоком и хлебом.

— Я слышала, как вам этот объяснял. А можно мне сегодня, ну, в деревню?

— Ты не успеешь вернуться. Времени уже много.

— Я быстро. Я бегом.

— Нет, — твердо постановила Анна.

Отпускать девчонку не хотелось. Кто знает, какое наказание последует, если та задержится с возвращением. А она определенно задержится. В голове ветер, аж в ушах свистит.

— Сегодня мы моемся, располагаемся, пьем чай и спим. Все дела завтра.

У Ксюхи сделалось тупое лицо. Это она так злиться, поняла Анна, но решила не обращать внимания.

Ее комната оказалась просторным помещением с широкой кроватью, шкафом-купе и видеосистемой. Одну стену сплошь занимали книжные полки. Разброс оказался от мировой классики до бульварных романов родных и переводных. Читиво — на любой вкус. Узкая дверь вела в санузел. Наличие горячей воды и, простите, унитаза вместо умывальника на улице и деревянного сортира откровенно порадовали.

Может быть не все так мутно, как показалось с первого взгляда? Четыре месяца, в конце концов, не такой уж большой срок. Ксюха верещала от шестидесяти тысяч, которые ей посулили заплатить по возвращении. Сумма, которую положили Анне, была в несколько раз больше, что тоже не могло не радовать.

На ночь она открыла окно. В метре от стены проходила изгородь из колючей проволоки и, кажется, слегка потрескивала.

За ночь Анна проснулась только один раз. Приснилось, или за окном действительно прозвучал хлопок, а под веками полыхнуло, как от близкой молнии, но, когда открыла глаза, увидела только темноту, послушала тишину и провалилась дальше в сон.

Солнце уже встало, но еще сохранялась влажная прохлада ночи. Ветер отдувал тонкую штору, она вспучивалась пузырем и опадала. Окошко вздыхало.

Где я? Где эта улица, где этот дом? Это вообще не улица и не дом вовсе, а исследовательская база. Казенная контора, проще говоря. Время?!

Анну вынесло из постели и далее, как при авральном сборе на работу, если проспала. Начальник охраны должен был явиться в восемь. До его прихода оставалось полчаса. Она даже в лабораторию вчера не зашла. Пока разобрала вещи, пока приняла душ, а там и чай под непрерывное тарыхтение Ксюхи. Аня решила, что встанет пораньше и все успеет.

Количеством аппаратуры и стерильностью лаборатория напоминала операционную. Первым на глаза попался хромотограф, дальше установка, которая оказалась портативным электронным микроскопом — ничего себе, мягко говоря! — дальше биоанализатор. С подобной техникой Анна была знакома. В углу притулился наркозный аппарат. А он тут с какого боку? Наверное, купили для амбулатории, а за ненадобностью отправили сюда, дабы деревенские умельцы не приспособили для собственных нужд. Каких? Каких-нибудь! В хозяйстве все сгодится. Назначение следующего прибора осталось неясным. Допотопная установка походила на изящную длинноствольную пушку с системой линз по ходу ствола. Не знам, не ведам, трогать подавно не собираемся.

На столе в специальном зажиме лежала толстенная пачка распечаток. Анна вытянула верхний лист. Число — сегодняшнее, больше ничего понять не удалось. Если учесть, что других документов в обозримом пространстве не наблюдалось, начальнику охраны

следовало передать именно этот лист. Анна посмотрела на следующий. Число на нем стояло завтрашнее, а далее, как и на первом — пять столбцов с непонятными значками.

Ее это касается? Да вроде нет. Пусть начальник караула разбирается с заданием для рабочих. Анне доставят образцы, она их прокрутит и запишет результаты в отчет. Все та же рутина, что и дома, только в деревенском интерьере. Интересно, чем она станет заниматься все остальное время? Для продолжения собственных разработок нужен Интернет, а он, как и вообще любая связь, тут отсутствовал.

Ну и ладно, Ксюха пусть смотрит фильмы. Анна будет читать и гулять. Если закрыть глаза можно представить, что ты в Мексике.

За спиной послышался шорох. Анна вздрогнула и обернулась, готовясь отругать Ксюху за подкрадывания.

Он оказался ростом под потолок. Лицо со смуглой, какой-то даже зеленоватой кожей резали вертикальные морщины. Могучие плечи обтягивала камуфляжная форма. Ни знаков различия, ни даже обязательного логотипа «Нутридана». За ухо у него зацепилась зеленая веточка. По кустам, что ли продирался?

— Кто вы? — пискнула Анна, придавленной мышью.

— Начальник охраны объекта, готов принять план-наряд.

К Анне потянулась рука похожая на лопату. Биохимик и кандидат наук струсила до холодного пота. Она дрожащей рукой вложила в подставленную ладонь распечатку и попятилась, остановившись, только когда уперлась в стену. Справа и слева стояли приборы. Спряталась, да? Если этому монстру захочется, он тебя одним щелбаном отправит на тот свет, только мокрое место на стенке останется.

Страшный человек развернулся и молча канул за дверь. Ни здрасьте, ни до свидания, ни: давайте вечером в клуб сходим. Анна вытерла лоб и машинально выдвинула единственный ящик рабочего стола. В нем лежали два журнала: один для записи результатов исследования почвы и воды, второй — для биологических образцов. Непонятные значки, которые она видела на листке план-наряда, присутствовали и тут. Справа от каждого оставалась длинная пустая графа, куда по логике следовало заносить результаты.

А больше ничего. Ни пояснительной записки, ни вообще чего-либо человеческого, да хоть фантик бы от конфеты под столом. Тут так тщательно все убрали, что жилым не пахло вообще.

В лабораторию без стука ввалилась Ксюха по утреннему времени без макияжа.

— Пойдемте завтракать. Мне в деревню за хлебом надо.

Явление бледненькой некрасивой мордашки так обрадовало, что Анна засмеялась.

— Я с тобой пойду.

— Ой, хорошо, а то мне боязно одной. Вы этого видели?

— Этот или нет, не знаю, а начальник охраны заходил, думала плечом косяк вынесет.

— Ага, шкаф. Даже здрасьте не сказал.

— Мне тоже.

На завтрак Ксюха сумела изобразить вполне съедобную кашку на сухом молоке и кофе со сгущенкой, которым запивали печенье.

Для первого внятного появления в деревне Анна нарядилась в светлый легкий костюм. Хорошо бы его дополнить лодочками на каблуке, но пришлось обувать балетки на плоской подошве. Ксюха осталась в тех же джинсах и майке с голым пузом.

— Не хочешь надеть платье? — спросила Анна.

— А у меня нет. Есть кожаная юбка, только она короткая, комары закусуют. Я лучше в джинсах.

Комаров не оказалось. Даже в городе уже пищали по ночам над ухом отдельные особи, а уж в деревне, тем более возле озера, гнус должен был кидаться на живую плоть роем. С вечера, открывая окно, Анна как-то об этом не подумала, а сейчас озадачилась. Наверное, комаров не пропускает периметр. Высокое напряжение, как ни как. Правда Анна не была уверена, может ли оно задержать насекомых. А вдруг?

Было очень тепло. Не жарко, как летом, а именно комфортно. Ветерок норовил подхватить юбку и завернуть повыше. Ничего, это просто пригорок. Как только спустятся к деревне, ветер уляжется. Вдоль дороги мощеной все теми же бетонными плитами, всю зеленело той особенно сочной зеленью, которая нарождается весной, а потом блекнет в течение лета, чтобы к осени превратиться в желтое мочало. Комары, кстати и тут не появились. Женщины уже прошли больше половины пути, когда Ксюха заорала, указывая куда-то вперед.

— Вон! Вон он!

— Ты с ума сошла? Зачем кричать-то?

— Да вон же дом крыша красная стены зеленые.

— Я вижу. Давай поторопимся, а то пекарка уйдет, останемся без свежего хлеба.

Синий забор вблизи поразил монументальностью. Анна сразу почувствовала себя мелкой и незначительной. Пекарка, которая вышла на стук, только усугубила это ощущение. Она оказалась под стать давешнему охраннику, только вся белая. Мукой запорошило руки, передник и даже лицо.

— Вчерашние? — пророкотала тетка.

— Да.

— Нечисть какую за собой не притащили?

Анна оглянулась — на улице ни души — и пожала плечами. Они вообще ни одного человека по дороге не встретили.

— Проходите, — велела белая дама.

В дом их не пригласили, велели ждать. Ксюха озиралась. Анна рассматривала окна в мелком переплете деревянных рам. На каждом стекле оказалась наклеена цветная картинка. Ребятишки, наверное.

Анна поймала себя на том, что все время что-нибудь домысливает. Куда подевались люди? Хотя с утра все, разумеется, на работе. Чего она себе опять придумывает?

— Вот, — вынесла пекарка и сунула Ксюхе в руки пакет с двумя булками. — Я через день пеку. Завтра не приходите. За молоком пойдете?

— А к кому, подскажите, пожалуйста.

— Через два дома свернете направо, там будет синий забор, как у меня. Скажете, Татьяна послала. Да поспешайте. Нечисть сегодня всю ночь куролесила. Спят, да скоро просыпаться начнут. Идите, себе.

— Кого это она нечистью обозвала? — взъелась принципиальная Ксюха, когда они вышли на улицу.

— Обычно, так называют молодежь. А может, местные алкаши? Откуда я знаю.

За поворотом открылся широкий перекресток почти площадь, посреди которой возвышалось кирпичное сооружение с косой передней стенкой, прикрытой железными створками.

— Это че? — остановилась Ксюха.

— Ты чего пугаешься?

— Не знаю. А это че?

— Деревенский колодец. Открываешь створки, набираешь воду, потом закрываешь створки, чтобы мусор не набился. Смотри.

К сооружению подошла тетка в байковом халате и проделала все в точности, как сказала Анна, подцепила ведра на коромысло и пошла обратно.

— А это она че? — удивилась Ксюха.

— Воду понесла. Ты никогда не была в деревне?

— Неа.

— Где тут синий забор?

— Вон, — мотнула Ксюха сумкой с хлебом.

Они свернули в сторону невысокой изгороди из жердей. Дальше поднимался синий железный бастион молочницы. За деревянным заборчиком землю сплошь покрывали сухие стебли полыни. В них кто-то копошился. Анна присмотрелась. Сквозь заросли пробиралась Полина. Старика видно не было. Девчонка заметила Анну, пошла быстрее. Милое личико. Высоко вздернутая верхняя губа придавала ему не детского шарма, а ресницам позавидовала бы любая гламурная дива.

— Привет, — остановилась Анна.

— Ты моя мама?

— Нет. Я не твоя мама.

Девочка заулыбалась как вчера и протянула руку. Анна тоже потянулась поздороваться. Но тут ее толкнули. Это Ксюха запнулась и зацепила Анну тяжелым пакетом. Пришлось ловить Ксюху за локоть, чтобы не упала. Оказалось, юная помощница умеет ругаться не хуже прораба на стройке.

— Хватить. Ну, хватит же! — прикрикнула на нее Анна. — Сама запнулась. Под ноги смотри.

Ксюха наконец успокоилась. Анна обернулась к девочке и успела поймать жуткий полный ненависти взгляд. Будь Ксения почувствительнее, наверное, умерла бы на месте. Полина молча развернулась и исчезла в зарослях полыни.

Молоко долго ждать не пришлось. Юркая невысокая женщина с плосковатым смуглым лицом вынесла им трехлитровую банку, укупоренную полиэтиленовой крышкой, и велела поспешать.

— Идите, а то эти просыпаться начали.

— Кто — эти? — спросила Анна.

Женщина хлопнула ворота, не сказав больше ни слова. Аня взяла пакет с банкой. Ксения пошла вперед, убыстряя и убыстряя шаг. На околицу они выскочили чуть ли не бегом.

— Ты куда несешься? — попыталась остановить девушку Анна.

— Не знаю, — обернулась та. — Плохо там. О, смотрите.

Метрах в пятидесяти от них по дороге тащилась целая процессия. Человек пять или шесть в оборванных серых рубашках до колен медленно шагали гуськом. Первый дошел до границы деревни, обозначенной двумя полосатыми столбиками, и встал, будто уперся в стену. С остальными произошло то же самое. С такого расстояния лиц было не разглядеть. Они все показалась Анне похожими как братья.

— Вперед, — скомандовала она Ксюхе, но прошла на деревянных ногах шагов десять и не выдержала, обернулась. Компания серых стояла, глядя им в след.

Причина, по которой деревенские не решились дальше пугать приезжих дурочек, выяснилась почти сразу. На дорожку из-за поворота вышли рабочие под предводительством шкафоподобного командира. Женщины посторонились, команда молчком протопала вниз. Как раз на этом повороте тропы росли довольно густые кусты — единственная купа на всем склоне. Надо полагать, преследователи их увидели и решили не усугублять.

— Я туда больше не пойду, — категорически заявила Ксюха, выкладывая на кухне продукты.

— Да с чего ты так перепугалась?

Аня бодрилась, но и сама понимала, что в деревню ее может выгнать только острая необходимость.

— Они не люди!

— А кто?

— Не знаю. Зомби.

— Ты на ночь фильмов насмотрелась?

— Ну да. Ну и что? Чего они за нами ши?

— Новые люди всегда вызывают интерес, — принялась занудствовать Анна. — Тут весьма отдаленный район. Даже связи нет. Местные живут, как сто лет назад. Любой новый человек привлекает к себе внимание. Пекарка же предупредила, что вчера был какой-то праздник...

Вчера было тридцатое апреля, а сегодня соответственно первое мая. Не в смысле День международной солидарности трудящихся, про который в последнее время не очень помнили — а день святого Вальпургия, которому, как известно, предшествует Вальпургиева Ночь.

Они что шабаш тут устроили? Не исключено. Проснулась же она от хлопка, который, скорее всего, был взрывом петарды.

Но из защищенного во всех отношениях помещения базы страхи казались полной ерундой. А пекарка и молочница — обычные угрюмые тетки, которым развлечения местной молодежи поперек горла.

Только полный ненависти взгляд маленькой девочки никак не шел из головы.

\* \* \*

Первые три недели промелькнули почти незаметно. Анна сначала приноравливалась к новой аппаратуре, задействовала даже микроскоп, ничего интересного не нашла и успокоилась. Потом еще какое-то время ушло на то, чтобы разобраться с программами. Интернет бы ей тут не помешал, да только, чего нет — того нет. Ксюха исправно раз в два дня гоняла в деревню за хлебом и молоком и до того осмелела, что как-то попросила ее отпустить после обеда, искупаться в озере. Анна и сама была не прочь, да только ровно в три часа ей приносили образцы, и она отправлялась в лабораторию.

Все программы она запустила, техника стала выдавать результаты по первому клику, журналы заполнялись аккуратно и быстро. Анна обнаружила, что у нее появилось свободное время. С утра и до трех можно было просто ничего не делать, а можно и прогуляться. Май

выдавал легкие прозрачные дождички, которые только умывали пейзаж, не вгоняя в депрессию. Сидеть в микроскопическом палисаднике перед дверью базы с книжкой в руках надоело.

— Я сегодня с тобой, — объявила она Ксюхе после завтрака.

— Пойдемте на озеро, ладно? Мне только разок искупаться. Ну, пожалуйста.

— Вода еще холодная, — засомневалась Анна.

— Ну, мне всего разочек, — продолжала канючить Ксения.

Да и мне не помешает, решила Анна и засунула в плетенную сумку купальник. Переоденется где-нибудь в кустах. И никаких пафосных нарядов вроде того светлого костюма. Она надела легкое ситцевое платье, босоножки и впереди помощницы поскакала в сторону деревни.

В первое посещение она не заметила, а сейчас обратила внимание: избы на окраине стояли, будто не жилые. В огородах только прошлогодняя пожухлая трава да свежие сорняки. Но какая-то жизнь тут все же шла. Чем дальше от околицы, тем чаще попадались монументальные заборы, все как один крашенные в синий цвет. Что за ними, увидеть можно было только с высоты птичьего полета. Наверное, грядки, что еще?

Пекарка не пригласила их во двор, просто вынесла хлеб, глянула вскользь, сказала: ну и захлопнула калитку.

— Она всегда так? — спросила Аня у Ксюхи.

— Ага, — беззаботно отозвалась та. — Только в первый раз, ну, когда я одна пришла, велела приносить свой пакет. Молочницу зовут Фаниля, Фая. Я ей пустую банку отдаю, она мне полную.

У колодца стояли женщины все в домашних халатах и с ведрами, у кого одно, у кого два. Когда мимо проходили Анна и Ксюха, громкий до того разговор оборвался. Их проводили взглядами и опять загомонили. Анна узнала изгородь, за которой в прошлый раз видела Полину. Тут ничего не изменилось, разве среди сухих стеблей полезла молодая сизая польнь.

Они забрали молоко, и пошли в сторону озера. Чем дальше, тем более презентабельный вид приобретала улица. Добротные заборы тянулись теперь непрерывно. По дороге попался медпункт. Анна толкнула дверь. Та оказалась заперта.

— Вы че, заболели? — насторожилась Ксюха.

— Нет, просто захотелось пообщаться с местной интеллигенцией. Думаю, она тоже на озере. Сейчас узнаем.

От крайнего забора вниз уходил коротенький косогор, отороченный у воды полоской песка. Поблизости курчавились подходящие кусты. Анна направилась к ним. Ксюха просто стащила одежду, купальник она надела еще дома.

— Вода теплая, — проорала девчонка, зайдя по колено, прошла еще пару шагов и рыбкой нырнула, уйдя с головой.

Анна попробовала воду зябкой ступней, удивилась такому теплу в середине мая и пошла дальше без всякого страха. Вокруг колючими бликами прыгало солнце. Ксюха вынырнула рядом, обдав фонтаном брызг. Анна засмеялась, смахнула воду и увидела, что это незнакомая девушка.

— Простите, — крикнула незнакомка и ушла в воду, только спина в блестящем купальнике мелькнула.

Ксюха обнаружилась чуть дальше и тоже не одна, рядом из воды выглядывала голова.

Длинные волосы расстилались по воде как накидка.

— Мы на остров, — крикнула Ксюха.

— Нет. Выходим. Нам пора, — решила Анна.

Ближняя девушка вынырнула и попросила:

— Пусть сплывают. Моя подруга боится одна.

— Я тоже боюсь, — засмеялась Анна. — Ксюша! На берег!

Купальщицы рядом уже не было. Под ногами через пару махов оказался плотный песок, А Ксюха все плескалась. Анна выбралась из воды, ушла в кусты и переоделась, а когда вернулась, помощница стояла с тупым выражением, которое означало крайнюю степень недовольства.

— Я же только туда и обратно, — отозвалась она, когда Анна спросила, в чем дело.

— Это далеко. Нам пора возвращаться. После обеда принесут образцы.

— У человека должен быть выходной! — заорала Ксюха.

— Ты же подписывала контракт. На время командировки выходные отменяются.

— А по-людски? По-людски вы не можете? Я же только один день прошу!

Анна подошла, положила руку на плечо все в мелких пупырышках холода. Ксюха подняла пустые, ничего не видящие глаза, в которых вдруг появилась мысль.

— Ой, а мы что, купались?

— Ты разве не помнишь?

— Помню, как подошла к воде... мне же обед готовить!

И быстро начала натягивать джинсы прямо на мокрый купальник.

\* \* \*

А на следующий день у нее поднялась температура. Небольшое личико осунулась. Ксения стонала, но периодически порывалась встать — ей же убирать, стирать. Анна укладывала ее обратно в постель, давала жаропонижающее, поила морсом, наболтанным из варенья. К вечеру температура немного спала. Ксюха уснула. А утром все повторилось. Анна поняла, что не справляется. Напоив девочку чаем, она побежала в деревню.

Какие там страхи, какие несоответствия! Заборы, заборы, заборы, колодец. Оторопевшие тетки, как одна, повернули головы — мелькнули и пропали. Только подбежав к медпункту, Анна попыталась сообразить, какой сегодня день. Если воскресенье, придется искать доктора по месту жительства. Если та опять же не уехала куда-нибудь. Да хоть в район. В какой район? С ума сошла. Тут же... что?

Анна остановилась перед дверью с красным крестом, аккуратно постучала и потянула ручку. Дверь оказалась не заперта.

— Здравствуйте.

За столом обычного беленького кабинета сидела женщина в медицинском халате и смотрела в микроскоп.

— Я вас вчера ждала, — подняла она очень спокойное породистое лицо.

— Почему? — оторопела Анна.

— Купаться в нашем озере, да еще в компании с этими категорически не рекомендуется.

— Почему? Кто такие «эти»? Я тоже...

— У вас на пальце очень интересное колечко. Вам можно купаться хоть в озере с русалками, хоть в болоте с мавками, хоть в навьем омуте. Вас не тронут.

Анна тупо уставилась на собственную руку. Какие русалки и болота? Они тут с ума все посходили?

— Тут все сумасшедшие? — тихо спросила она у флегматичной докторши.

— Не переживайте так, скоро привыкните. Что с девчонкой?

— Температура.

Даша перечислила все, что давала Ксении. Доктор кивала на каждое слово, дослушала открыла тумбочку и достала пучок сухой сизовой травы с мелкими закрученными листиками, отделила пару былинки, взяла чистый лист бумаги и аккуратно завернула.

— На стакан кипятка. Пусть постоит на лунном свете до утра. Сегодня как раз полнолуние. Повезло вашей помощнице. Утром будете давать по чайной ложке каждый час, может и пронесет.

— В каком смысле?

— В прямом — жива останется.

— Я не стану давать ей вашу отраву! Это профанация. Девочка в тяжелом состоянии, а вы...

— А я знаю, как ей помочь. Вы же вообще ничего не знаете, и знать не хотите. По сторонам-то посмотрите хотя бы. Вы, что не догадываетесь, куда попали?

— Нет, — тихо отозвалась Анна, опускаясь на стул для посетителей.

Лицо доктора ей вдруг показалось очень старым. Вокруг сухих синюшных губ залегли морщины. Темно серые глаза смотрели мимо. Она как будто решала что-то про себя.

— Вы заметили, что тут никто не здороваётся? — спросила врач после длинной паузы.

— Да.

— Никогда не знаешь, кто перед тобой: человек или кто-то из Этих.

— Из каких?! — взвилась Анна.

— Не кричите. Называть их не стоит, тут же явятся. Ничего они вам не сделают, да только лишней раз встретаться с ними ни к чему. Некоторые из них могут принять вид обычного человека. Поздороваешься с таким, а он потянет за слово, как за ниточку и утащит твоё здоровье. На солнце они слабеют, могут прилепиться только при тактильном контакте. Зато ночью они тут полные хозяева. По ночам жилище покидать не рекомендуется. Больше ничего сказать не могу. Мне жить позволяют, пока я молчу. А вас просто жаль.

Назад Анна бежала, шарахаясь от каждой тени. У колодца никого не оказалось. За памятным заборчиком из жердей кто-то копошился. Анна прибавила шагу, вспомнив, как к ней потянулась девочка.

Кто такие «Эти»? Доктор в изоляции досиделась до шизофрении, и Анна туда же? Сумасшедшие стараются затянуть в свой круг как можно больше народу, чтобы заразить собственной паранойей. Паранойя заразна не хуже туберкулеза. Следует остановиться, оглядеться, а не лететь будто на пожар. Мокрое от пота платье уже прилипло к бокам. Неловко, если встретится кто-нибудь по дороге. Что о ней подумают?

Почти в самом конце в улицу впадала невнятная тропинка, с обеих сторон отороченная короткой зеленой травкой. Анна краем глаза зацепила человеческую фигуру. К ней приближался невысокий бледный мужчина. Следом, периодически нагоняя и шаркаясь об ногу как собака, бежал розовый кабанчик. Брюхо у кабана оказалось распоротое, края раны полоскались как полы расстегнутой куртки.

— Вы не бойтесь, — крикнул мужчина Анне. — Мы только в магазин. Лимонаду возьмем и обратно.

Неизвестно, что бы с ней стало, подойди мужчина со своим спутником ближе. Но они свернули и направились в другую сторону. Кабанчик изредка похрюкивал набегу.

На холм Анна поднималась медленно, будто перед этим пробежала марафон. Ноги едва держали. Делянка? Подсобное хозяйство? Она завтра же уйдет отсюда. Пешком? Да хоть ползком, только подальше от выпотрошенных домашних животных и их не совсем живых хозяев. Уже, подойдя к воротам, Анна оглянулась. Она помнила единственный въезд в деревню, от него продолжалась центральная улица, перепутанная мелкими переулками, но никаких других дорог, кроме бетонной тропинки, по которой она только что поднималась, не увидела. Даже намек на колею, даже примятой травы. Дорога, по которой они катили от вертолетной площадки, так заросла, что отыскать ее среди поднявшейся травы стало невозможно.

Ксюха металась в бреду. Анна ее полностью раздела, ужаснувшись жуткой худобе. На берегу в купальнике девушка выглядела просто стройной, а за прошедшие сутки будто истаяла. Ребра выпирали, вот-вот порвут сухую горячую кожу. Обтирание уксусом чуть сбило жар, но в себя Ксения так и не пришла. Анна вскипятила воду, вытряхнула туда сизые былинки, и поставила стакан на подоконник собственной спальни.

Надо было чем-то себя занять. Если она останавливалась хоть на минуту, тут же наваливался ужас. Она ушла в лабораторию и там до глубокой ночи перепроверяла свежие образцы. Сверилась с предыдущими результатами и записями — ничего нового.

Спать она пошла около трех часов, приняла душ, переделась в светлую легкую пижамку и уже выключила свет, когда в окно влетел камешек.

Дедок в клетчатой безрукавке плакал. Рядом стояла Полина, придерживая левой рукой, неестественно искривленную правую. Девочка застыла, только слезы ползли по щекам. Полнолуние, света хватало, чтобы рассмотреть все в мельчайших подробностях.

— Помоги, — запричитал дед. — Лекарка пропала. Внучка моя... рука у нее.

Девочка покачнулась. Дед успел подхватить. Поломанная рука мотнулась будто тряпичная. Анна заметалась по комнате, схватила халат, начала шарить по карманам, не нашла ключ-карту, кинулась искать в сумке и натолкнулась на очки, которые следовало надевать в темное время суток. У нас что? Ночь! От того, что нацепила на нос допотопные окуляры в круглой железной оправе, ничего не изменилось, четкости, во всяком случае, не прибавилось. А тут и карта нашлась.

— Заходите! — крикнула Анна, подбежав к окну, и осеклась.

Вместо буколического старичка под окном топтался сутулый, поросший диким волосом урод, голову которого покрывали зеленые шишки. Урод послюнил палец и провел по щекам. Влажные дорожки тут же заструились ручейками. У девочки от прежнего облика остались только огромные серые глаза с пушистыми ресницами. Из-под верхней губы вылезли два клыка. Волосы на голове превратились в колючую поросль. Ребенок, или что оно там было, улыбнулся. Нижние клыки приходились к верхним, как у хищника.

— Внучка... рука у нее, — продолжал надрываться волосатый монстр.

— Не ори, дед. Она нас видит, — остановила его бывшая девочка, скинула поломанную руку, и та с винтовочным клацаньем встала на место.

— У, сука! — рявкнул дед, подхватил камень и запустил в окно.

Анна отскочила, каким-то чудом успев подхватить стакан с настоем. Камень чиркнул

по стеклу, упал на пол и разлетелся фонтаном зеленых искр. Только тут она почувствовала, что кольцо нагрелось и пульсирует. Камень светился.

А за окном уже никого не было. Анна поставила стакан с настоем на тумбочку у кровати, опустилась на пол и на четвереньках поползла в угол комнаты.

Она так сидела в детстве, когда дома полыхал скандал. Если зажать уши руками, почти ничего не слышно. Если закрыть глаза...

Они стояли и кривлялись: выйди к нам, ну, выйди! Анна давила на глаза пока под веками не поплыли оранжевые круги. Заломило глазные яблоки, но жуткая парочка пропала.

Уйти пешком, хоть по лесу, хоть по болоту — только отсюда! Завтра же на рассвете! Она дойдет. Доктор сказала, что у нее на пальце оберег. Ее не тронут. Она найдет дорогу! Найдет, чего бы ей это ни стоило.

Громко застонала Ксюха. Анна не шелохнулась. Ее сковало жутью, превратило в кокон из нервов, пошевелись, они начнут сочиться кровью, пока вся не вытечет.

Ксюха застонала еще раз — слабее, будто на пределе дыхания. И еще — едва слышно.

Пока Анна тут баюкает собственные страхи, там, возможно умирает девочка, которая вообще ни в чем не виновата. Следовало с самого начала смотреть правде в глаза, а не прятаться за надуманными объяснениями. Дура! Сто раз дура! Бабка же велела надевать очки...

А ведь чужая бабушка, любезная Алиса Генриховна, кажется, знала, куда едет внучка, но недогнувшей рукой отправила ее на верную смерть. Или все же — дрогнувшей? Дала же она кольцо и очки. Почему тогда не объяснила, что тут творится? Или ей тоже позволяют жить, пока рот на замке?

Мысль о том, что Анну вроде Красной Шапочки отправили в темный лес, доподлинно зная, что по дороге к ней выйдет серый волк, так разозлила, что даже страх отступил. «Они тебе ничего не сделают», — сказала доктор. Они ей ничего не сделают! Зато она теперь легко отличит, кто свой — то есть человек, кто чужой в прямом смысле: чужой, чуждый, левый, зомбоватый, монструозный, тухлый или вообще выпотрошенный, как тот поросенок.

В серой тусклости, зарождающегося утра — ни солнца, ни тьмы, один застоявшийся бледный туман — Ксюха показалась уже вовсе мертвой. Анна с перепугу тряхнула ее так, что клацнули зубы. Но девочка зашевелилась.

— Вот и прекрасно. Сейчас, сейчас!

Анна принесла стакан с настоем, зачерпнула и осторожно влила темно-зеленую жидкость между сухими губами. Ничего не произошло, то есть мгновенного выздоровления не последовало, но доктор же сказала: каждый час.

Все время до прихода начальника охраны Анна провела возле Ксюхи. Она строго по часам секунда в секунду влила настой в безвольно открытый рот. Солнце разогнало серую муть, и выяснилось, что жар отступил, Ксения ровно дышит, а жуткая хужоба куда-то исчезла.

Главный охранник, как показалось Анне, ухмылялся. Захотелось надеть очки и тут же проверить свои подозрения. Но для чистоты эксперимента следовало, найти товарища ночью, дабы убедиться, человек ли он вообще.

Потеряв со злости всякий страх, Анна подошла вплотную к камуфляжному великану и вложила ему в руку дежурный лист. Тот никак не отреагировал, развернулся и шагнул в дверь. Зеленая ветка, которая по утрам то исчезала, то появлялась у него за ухом, оказалась побегом, который произрастал из ушной раковины. Начальник охраны заметил взгляд Анны,

ухмыльнулся и обломил веточку под корень.

— Дарю.

А поскольку храбрость куда-то подевалась, и Аня как в первый день начала пятиться, заткнул ветку за косяк.

Это уже было немножко множко. Аня сползла по стенке на корточки и зажала уши руками.

Они были кругом, даже тут в, казалось бы, полностью защищенном месте. Деревянный монстр мог в любой момент вернуться... и что? Почему он тогда исправно приходил каждое утро, чтобы исчезнуть до обеда?

Через некоторое время просто сидеть в углу и сходить с ума, показалось не правильным. Раз уже все случилось, следовало как-то жить дальше. Приспособиться, возможно, привыкнуть.

Чтобы стать, как они?

Анна поднялась, опираясь о стену, и пошла в комнату Ксюхи. Подходило время, давать лекарство.

Девушка пришла в себя часа через три, но Анна продолжала вливать настой по ложечке, пока он не закончился. Ни о каком походе в деревню за молоком и хлебом даже мысли не возникало. Есть кладовая, прожить на ее запасах можно не четыре, а все четырнадцать месяцев.

— Я такие сны видела! — с восторгом сообщила Ксюха, уплетая за ужином кашу.

Они сидели на кухне. Готовила Анна. Ксении хватило сил только подняться, накинуть халат и доковылять до стола. Сама Аня прихлебывала жидкий чаек и только со стула не падала от усталости. Впечатлений от предыдущей ночи осталось воз и маленькая тележка, но в сон тянуло — до подушки бы доползти.

— Какие сны? — спросила она чисто из вежливости.

— Будто на озере есть остров и там живут русалки, и я, как будто, тоже русалка. А потом туда пришел наш шкаф в камуфляже и всех прогнал, а меня взял за руку и встряхнул, так, что у меня хвост отвалился. И вот, когда хвост отвалился, я поняла, что до этого не дышала, и чуть не умерла, а потом сразу задышала.

— Это от температуры.

Анна решила пока не посвящать Ксюху в местные реалии. Пусть сначала поправится.

Маленькой Анечка, как и все дети, боялась темноты, бабайки за стенкой и ночных шорохов. Встречались, конечно, дети, которые вообще ничего не боялись из вышеперечисленного. Но это по тому, что им не рассказывали сказок, или у них не было развито воображение, или реальная жизнь этих детей оказалась страшнее выдумок. Анечка верила, но постепенно вырастала из своих страхов, не впадая в возрастные aberrации. Она не ходила к гадалкам, не тарачилась на странные картинки Таро, пытаясь понять, что ей советуют вещие карты. Она как-то так проскочила возрастной эзотерический период, что следа почти не осталось. Образование, знаете ли. Остепененный биолог многому может найти вполне рациональное объяснение.

Ксюха с утра все же выползла на кухню, дабы приступить к своим обязанностям. Анна ушла в лабораторию, надела тонкие резиновые перчатки и вытянула подвявшую веточку из-за косяка.

Тончайший срез лег на предметное стекло. Она взяла материал с самого края у места отлома. Ничего интересного, обычные растительные волокна. Еще срез. Опять ничего. И

только с третьего раза ей удалось найти крохотный кровеносный капилляр, который оканчивался синапсом, от которого разбегались мелкие сосудики с растительным соком.

Раз есть кровеносные сосуды, должны быть и нервные окончания.

За спиной глухо кашлянули. Анна медленно обернулась. Он стоял, подперев косяк плечом, и криво улыбался.

— План-наряд.

— Кто вы? — спросила Анна.

— Начальник охраны объекта.

— Какое вы дерево?

— А разве по листочкам не видно? Дуб, разумеется.

— Вам было больно?

— Да.

— А как вы тут...

— План-наряд!

— Возьмите. Может, чаю?

— В другой раз.

— Сколько вы тут? — спросила Анна, впрочем, не надеясь на ответ.

Человек-дерево украдкой показал на дверь, развернулся и вышел. Анна оставалась на месте еще пару секунд, потом выскочила следом. Он медленно шел в сторону выхода.

— Там нельзя разговаривать.

Они остановились за кустами. Рядом с ним Анна чувствовала себя первоклашкой на последнем звонке для выпускников. Огромный с зеленоватой, кое-где в древесных разводах кожей человек-нечеловек, смотрел печально.

— Почему?

— В лаборатории, кухне, кладовой стоят камеры. В жилые комнаты посторонним входить запрещено.

— Если есть камеры, они куда-то должны передавать сигнал. Тут есть связь?

— Нет. Скоро придет человек и заберет записи.

— Что тут вообще происходит? — взмолилась Анна.

— Я жив, пока молчу. Любые контакты, кроме оговоренных запрещены. Сырое дерево плохо горит, пока его не польют бензином. Живое дерево при этом катается и кричит.

— Вас убьют за то, что говорили со мной в лаборатории?

— Я устроил короткое замыкание. С наступлением сумерек мы уходим в лес и укореняемся. Не открывайте никому двери, будь то родные, близкие, кто угодно.

— Мне страшно, — просто сказала Анна.

Человек-дуб легко погладил ее по щеке. Его пальцы оказались твердыми, но теплыми.

— Ты очень красивая и живая. Такая живая! Пока на пальце у тебя есть кольцо ничего не бойся. Только не выходи из дома по ночам. В темноте Эти могут напасть всем кублом.

— Они кто?

— Не знаю. Мне пора.

— Постой, погоди. Люди, которые летели с нами в вертолете тут?

— Сплошные осины.

— Хоть кто-нибудь отсюда возвращался? — безнадежно спросила Анна.

— За два года я таких не видел.

Бледная Ксюха прихорашивалась, по всему, собираясь в деревню. Аня встретила с ее взглядом в зеркале и только покачала головой.

— Ой, ну я уже почти здорова. Я только туда и обратно. Искупаюсь один разочек, возьму молока, хлеба и вернусь.

— Ксения, забудь пожалуйста про купание.

— Почему?

— Ты чуть не умерла.

— Ну не умерла же! Подумаешь, простудилась. Все уже прошло.

— Ксения, это не простуда. Это... инфекция.

Девчонка надула губы и молчком ушла в кладовую. Ее ключ-карта лежали в ящике стола в лаборатории. И стол, и дверь Анна заперла.

— Я в окошко вылезу! — заорала Ксюха.

— Вокруг базы колючая проволока под напряжением. Давай договоримся, как только ты па-настоящему поправишься, пойдем с тобой вместе в деревню. Я тебе там кое-что покажу. Ты поймешь... я надеюсь.

На самом деле надежды на пустоголовую девчонку не было никакой. Наоборот у Анны появилось подозрение, что та смоется и кинется в русалье озеро, при первой возможности.

Ксения гремела кастрюлями на кухне. Под этот грохот Анна переделалась, прихватили пакет и пустую банку и покинула базу, тихонько притворив за собой дверь.

Луг пронзительно зеленел. В траве появились мелкие яркие цветочки. За гривой серебряной спинкой выгибалось малое озеро. Интересно, — подумала Анна, — там тоже живут русалки? Надо спросить у доктора... если она на месте. «Мне дают жить, пока рот на замке». Но ведь она в сущности ничего и не рассказала, только намекнула и дала лекарство. Эту Анна увидела ночью сама.

Кто-то должен приехать за записями. Как вытряхнуть из него правду? И самое главное: как отсюда выбраться?!

Она остановилась на полпути к деревне. Бетонную дорожку переползала толстая желтая змея. Рептилия подняла голову внимательно посмотрела и двинулась дальше по своим делам.

Анна панически до иррационального ужаса боялась змей. Раньше она, встретив такое, непременно заорала бы, а то и пустилась бежать. Сегодня просто наблюдала, соображая по ходу, что и не змея это вовсе, а безногая ящерица — желтопузик — не ядовитая и вообще полезная. Простые страхи отступили стали смешными, как уютный бабайка за стенкой.

Дальше она пошла все же поглядывая под ноги — вдруг еще кто вздумает прогуляться по солнышку. Да хоть гадюка! Все лучше нежели дедушка с внучкой из прошлой ночи.

Околица встретила покосившимися заборами и сухим шелестом серых прошлогодних сорняков. Трупы растений перешептывались под ветерком: «Не ходи, не ходи, не ходи». Первый шаг, второй, третий... чем дальше, тем шепот становился тише. У ближайшего синего забора он стих.

Я схожу с ума, только и всего. Стоит поддаться панике и внутренний барьер упадет, через него повалят монстры. Мне тогда от них не спастись. Нельзя бояться! А это как? Все равно, что нельзя любить, или нельзя дышать...

Пекарка открыла, будто стояла за дверью и дожидалась. В пакет легла свежая еще теплая булка. Анна приготовилась попроситься, общением их тут пока не баловали.

— Жива девчонка-то твоя? — вдруг спросила суровая тетка.

— Жива. Поправилась, — на одном дыхании выдала Анна. — Спасибо.

— Не на чем. Не пускай ее пока из дому-то. Пусть нитки ослабнут. Опять поди в озеро просится?

— Требует. Кастрюли швыряет.

— Крепко ее. Молоком отпаивай. Дня три-четыре и пройдет. Эти-то полночи завывали, когда ты их турнула. Пока синие огни не пришли носились всей оравой по улицам.

— Какие огни?

— Мертвые. Они всех подряд жгут, хоть людей, хоть Этих. Ну Эти и убрались. Деду, говорят, голову опалило. Жаль не насовсем. Так эта парочка всем надоела. Хитрые они. Иди, Файка-то тебя ждет, поди.

У колодца стояли женщины, рядом плескались полные ведра. Анна подошла и молча поклонилась.

— И тебе привет, — отозвалась высокая тетка с резкими почти мужскими чертами в цветастом халате и вязаной шапочке, завернутой по краю в тугую валик. Головной убор не по погоде делал ее похожей на моджахеда.

— Не знаете, доктор в медпункте?

— Дома лежит. Недужная она. Не ходи к ней. Али тебе занудобилось?

— Спасибо хотела сказать.

— Не тревожила бы ты ее пока. Ей за каждого приходится так-то. Иди себе.

К колодцу подходил мужчина в компании выпотрошенного поросенка. Мужчина поднял бескровную руку.

— Всех приветствую. Открыт ли магазин?

— Открыт, Коля. За лимонадом?

— За ним. Ну мы пойдем. Борька, куда?

Отбежавший в сторонку поросенок, метнулся к хозяину и затрусил следом, как послушная собачонка.

— Плохо ему, — обернулся Коля, уже свернув в сторону сельпо. — Брюхо за траву цепляется.

— Подвяжи чем, — крикнула тетка-моджахед.

— Ага, ага, — покивал Коля и пошел дальше.

— Он кто? — спросила Анна.

Губы и кончик языка онемели. Ужас, с которым она боролась всю дорогу, вот-вот мог обернуться обмороком.

— Ты че побелела-то? Нашла кого бояться. Этих ночью-то погнала, а Коли испугалась. Наш он, тутошний. Нинка-то его сильно злая была. Коля он тихий. Все с Борькой сидел. Строгает, чего или ладит, там, Борька рядом об ногу трется. Он сильно Нинку просил кабанчика не губить, а осенью пошел на гриву за грибами, Нинка возьми и нарежь Борьку. Коля вернулся, Нинка потроха в тазик складывает, сейчас, говорит, печенки нажарю. Коля развернулся и убежал на дальнее озеро, да там и утопился. В том озере давно уже поселилась одна. Этих не любит и к себе не пускает, а людей не трогает. Как уж у них получилось, только Коля тем же вечером к себе во двор вернулся и кабанчика с собой увел. Его эта сильно лимонад любит. Коля за ним в магазин каждую неделю ходит, да за

карамельками.

— Вы его не боитесь? — спросила Анна.

— Колю-то? Нет. Добрый он. А добрый что по эту сторону, что по ту.

Фая забрала пустую банку, вынесла полную и прибавила поллитровую сливок.

— Пусть девوشька поправляецца, и сама попей.

Месяц молчала, а тут! Новое отношение жительниц деревни озадачило. На обратном пути Анна у колодца не задержалась. Женский саммит рассосался. Мужчин кроме первого раза, когда автобус разгружали у магазина, Анна пока не встречала. Добрый утопленник не в счет.

На кухне стоял чад. На сковородке загибались краями сгоревшие оладышки. Расхристанная Ксюха плакала у окна. Анна налила ей молока.

— Выпей. В деревне сказали, так быстрее поправишься.

— От чего? — заорала девочка.

— От инфекции, которую подхватила в озере.

— Вы все врете! Я просто видела сон. Отпустите меня, ну пожалуйста. Хотите, я на колени встану?

— Не хочу. Пей! Быстро, как лекарство.

Девчонка привыкла подчиняться, рука дрожала, но стакан до рта донесла. Ксюха сделал глоток, закрыла глаза и одним духом осушила стакан.

— Это я что?

Взгляд обежал разгромленную кухню. Ксюха посмотрела на свои руки, потом на Анну.

— Это последствия температуры. Ты иногда не понимаешь, что делаешь. Говорят, пройдет. Только кушать хочется. Давай, что-нибудь приготовим.

К вечеру следующего дня молоко кончилось. Ксюху пришлось запереть в кухне. Там до полночи гремело, Ксения орала и материлась. Утром, после обязательного вручения планнаряда Анна побежала в деревню.

— Плохо? — спросила пекарка.

— Я не знаю, что делать. Доктор болеет. Пойду к Фае. После молока девочка часа на два приходит в себя. Я уже по полстакана наливала. Молоко кончилось, начался погром.

— Крепко ее зацепили. Тебе к берегине надо.

— Хоть к кому! Где ее искать?

— Ой, не знаю. Сама я там не была. Говорят, за озером, точно против русальего острова живет одна. Кто говорит, она из Этих, кто — наоборот. Зайди к Файке молока возьми да отнеси. Без подарка нельзя. А вы уж как-нибудь, два дня перебудуете. У колодца спроси дорогу-то. Там вернее подскажут. Эти опять ночью куролесили. К вам не приходили?

— Нет. Что им там делать? Периметр под напряжением.

— И то ладно. Ступай себе.

У колодца на этот раз не оказалось рослой женщины в вязаной шапке. Анна поклонилась. Ей поклонились в ответ.

— Как к берегине пройти, подскажите, пожалуйста.

— Ты к докторше зайди. Она там бывала.

— Поправилась она?

— Нет, но вроде встала. Второй дом от озера.

На стук долго никто не открывал. Анна насмелилась и заколотила в ворота еще раз.

— Кто там? — последовал едва слышный шепот.

— Простите, что беспокою, мне сказали, что вы знаете, как найти берегиню.

Створка приоткрылась. За ней стояла древняя старуха. Длинная белая рубашка сползла с костлявого плеча. Лицо оказалось исполосовано глубокими морщинами.

— Собралась? А знаешь, что не все от берегини возвращаются? — прошамкал беззубый рот.

— Это вас из-за меня? — у Анны затряслись губы.

Доктор же просто дала траву. Да и помогла та трава только вначале. За что ее так? И кто?

— Не обращай внимания. Скоро пройдет. Не ходи к берегине. Она редко помогает, а оставить у себя может. Боюсь, даже твое колечко не спасет. Сила у нее.

— Ксения сходит с ума. Я ее закрыла...

— Раз мое лекарство не помогло, отпусти. Все равно убежит. Они, когда в силу входят дом могут развалить, железо руками рвут. А уж кто по пути попался — все!

— Что все?

— Растерзать могут. Девочка твоя прикоснулась к кромке. Эти которую ночь хороводы водят, к себе ее зовут.

— Я пойду, — решила Анна.

Еще одна ночь с беснующейся, готовой на все девчонкой, могла стать последней для обоих. Снаружи база была защищена. А изнутри? Эти, — Анна впервые так мысленно назвала нежить, — если Ксения их впустит, пройдутся по базе смрадным кублом. Начальник-дуб предупреждал, что с толпой Анна может не справиться.

— Пойдешь по берегу. В воду только не ступай. Тебя будут звать. Не отвечай. Лучше вообще уши заткни. Тебе будут показывать, как кто-то тонет у самого берега. Не смотри. На дальнем конце озера сложена пирамидка из камней. Кто ее поставил не знаю. От нее разбегаются три стежки. Иди по средней. Никуда не сворачивай. Все прямо и прямо. Тропинка тебя сама выведет.

Ноги вязли в песке. В прошлый раз он казался плотным и бархатистым, сейчас тянул как болото. Анна ставила ногу и проваливалась выше щиколотки, пока вытаскивала эту, проваливалась другая нога. Казалось, что топчешься на месте. Высоченный синий забор простирался вперед и назад в бесконечность. Через полчаса Анна решила отдохнуть. Как раз поперек дороги лежало дерево с вывороченным корнем. Голые ветки полоскались в воде. Но стоило присесть, ствол зашевелился. Анна перепрыгнула извивающуюся лесину и побежала, захлебываясь собственным дыханием.

Синий забор кончился, за ним открылся изумрудный луг, мерцающий разноцветьем. Прибрежный песок стал плотным. Захотелось снять босоножки и пройтись босиком. Анна уже наклонилась, расстегнуть ремешок, когда со стороны озера долетела мелодия — что-то дивное, знакомое и не знакомое одновременно. «Под небом золотым... под музыку, под музыку, под трели... мы танцуем, мы танцуем...»

Они действительно танцевали. Семь девушек с длинными по пятки волосами скользили по поверхности воды, едва касаясь ее босыми ступнями. От прикосновений разбегались мелкие круги, которые соприкасаясь начинали искриться. Поверхность озера играла множеством радуг.

— Иди в наш хоровод. Ты ведь можешь. Ты станешь повелительницей вод. Иди-и-и к нам-м-м.

Анна вдруг почувствовала необыкновенную легкость. Только что ее засасывал песок, а

сейчас она уже готова была бежать по воде, доподлинно зная, что не утонет. Тяжелый пакет с продуктами вдруг показался отвратительным, мерзким, инородным.

Она поставила сумку к ногам и опять наклонилась, теперь уже точно освободиться от обуви...

На пальце в кольце, в центре аметиста что-то происходило. Само кольцо сильно нагрелось. Анна вгляделась в фиолетовый туман кабошона.

— Крути быстрее! — кричала Полина. — Сивуха, ты заснул? Она уже почти наша!

Дед в клетчатой безрукавке, будто очнувшись, схватился за свою клюку и начал поворачивать ее в чане с дымящимся варевом.

Озерная вода у самых ног Анна забурлила. На поверхность вырвалась детская ручка, показалась голова. Ребенок беззвучно позвал. На помощь? На помощь!

Заткни уши, закрой глаза. Иди!!!

Берег опять стал зыбким. Песок хватался за ступни ледяными пальцами, не желая выпускать жертву.

Анна закрыла глаза. Она делала пару шагов, смотрела в прищур, делала еще пару, пока не смолкла песня.

Дальняя оконечность озера оказалась узким заливом, на самом кончике которого высилась пирамидка из серых камней. В босоножки набился песок. Анна присела на пирамиду, стянула обувь, вытряхнула. Сил идти дальше не оказалось. В двух шагах от нее плескалась озерная вода, незаметно по сантиметру приближаясь к босым ступням. Это движение заворожило. Когда осталось на пядь сухой земли, Анна заставила себя подняться, прихватила, ставшую неподъемной сумку с молоком и хлебом и шагнула за пирамидку. За спиной со стоном вздохнуло озеро.

От кучки камней действительно расходились три дорожки. Но, стоило ступить на среднюю, как две другие начали вертеться и заплетаться вроде косы. Перед глазами мелькало. Анна сделала шаг и оказалось, что двигается уже по левой тропке в поле. Она вернулась, выбрала опять среднюю тропу, шаг — она стояла у самой кромки воды. Каменный указатель остался за спиной, а набежавшая волна лизнула край босоножки.

Она так никуда не придет. Следовало возвращаться на базу, поить Ксению молоком дальше. Да и время поджимало. Скоро привезут образцы. А в них одно и то же. Та же трава, что и почти месяц назад, та же земля, та же вода. Зачем нужны какие-то исследования? Не исключено, только для того чтобы создать у дурочки биохимика иллюзию деятельности. На самом деле в центре эксперимента находится она сама. Кому-то надо проследить, как скоро она сломается. Сойдет с ума? Наложит на себя руки? Обратится в подобие выпотрошенного поросенка? Попадет в компанию Полины и Сивухи?

Анна не оборачивалась больше. Задержись у пирамиды еще хоть минуту, вода доберется до ног, зальется в босоножки, обласкает горячую кожу нежной прохладой и поведет на глубину. Там спокойно и тихо, как в гробу.

Желтая змея выползла из перепутанной травы на среднюю тропинку, встала на хвост и закачалась из стороны в сторону. Анна закачалась в такт. «Иди за мной», — сказала змея. Она, конечно ничего не говорила, но Анна как-то поняла, тряхнула головой, прогоняя морок озера и шагнула.

Чем дальше от воды, тем легче становился шаг. А когда перестали путаться дорожки, змея исчезла. Тропинка осталась одна — не собьешься.

Маленький домик, по окна заросший лопухами показался из-за деревьев, когда русалий

остров встал точно за спиной. Анна подошла к крылечку и уже ни о чем не думая, шагнула в распахнутую дверь.

За порогом оказалось сумрачно. В щели дощатых сенцев тонкими полосками проникал свет. У дальней двери кто-то стоял. Анна молча поклонилась.

— Я вам... вот, принесла.

Сумка с провизией встала на пол.

— Заходи, — последовал глухой ответ.

Дверь в жилое растворилась, хозяйка спиной попятилась, да так и шла пока не остановилась у подслеповатого окошка. Анна перешагнула через невысокий порожек и только тут подняла глаза.

— Тетя Саша!

— Садись на лавку возле двери, а я тут. Поговорить пришла?

— Тетя Саша, как же так?! Все думают, что вы уехали. А вы...

— Меня уехали. Алиса потребовала, чтобы я ей свой участок передала, я отказалась.

Ночью пришли двое, меня в машину затолкали, долго везли, а выкинули уже здесь. От Алиски только записка была. Хочешь прочитать? Возьми, вон на стенку приколотая.

Анна завертела головой. Большой лист оказался припилен к стене булавкой. Почерк Алисы она знала.

«Тебе отсюда не выбраться. Смирись. Тебе жить осталось только до сегодняшней ночи. Выбирай, кем станешь: с бесами будешь хороводиться, с русалками или сама по себе. Только и всего у тебя выбора. Человеком оставить тебя не могу. Если с бесами — выйди ночью в деревню. Если с русалками — иди в озеро. А еще можешь сплести себе венок из колючего вьюнка, надеть на голову и просидеть в нем всю ночь на ступеньках. Если к утру с ума не сойдешь, останешься себе хозяйкой».

— И ты выбрала?

— Последнее. Сидела смотрела, как кубло вокруг меня завивается, как лапы ко мне тянут. А уж выли! Русалки, все, какие есть, на берег выбрались, танцевали, звали к себе, обещали от бесов защиту. Я на порожке сижу и только кровь вытираю, которая из-под колючек течет. Бесья как сума походили, собрались в кучу. Слышу: «Кровь, кровь!». А мне уже все равно стало. Страх куда-то ушел. Сижу жду последнего мгновения, как кинутся и разорвут. И тут пришли синие огни. Бесов половину сгорело тогда. Ты в деревне крайние заброшенные дома видела? Там они обитали. Теперь остались только Поинка и Сивуха, да еще пяток пожиже. Русалки успели в воду попрыгать почти все. А мя огни не тронули. Я и молилась и в голос кричала, чтобы меня вместе со всеми. Покрутились вокруг, один подлетел и легко так коснулся виска. Я сознание потеряла. Последним проблеском: все, отмучилась! А на рассвете пришла в себя. С тех пор тут обитаю.

— Зачем Алисе понадобился ваш домик, он же совсем маленький был, и от города далеко?

— Место там необычное. Тысячу лет на нем капище стояло. Алиска силу ищет. И тебя вон не пожалела. Остальные-то родственники твои где?

— Далеко: дядька в Канаде, мать на Дальнем Востоке, отец на крайнем Севере, Ванька на черноморском побережье.

— Всех разогнала, чтобы значит не мешали. Ты же чистая. Только такая может на Источник выйти.

— Какая же я...

— Такая! Ни зла в тебе, ни зависти, ни подлости. Но и страха в тебе тоже нет. Есть, конечно животный, глубинный, только ты с малолетства научилась через него перешагивать. Ко мне-то зачем пришла? Ты ж не знала, что я — это я.

Прежняя тетя Саша не умела так разговаривать. Она была мягкой и очень доброй. И кошка у нее никогда не царапалась, ласкалась и легко шла к Ане, а от Ваньки пряталась. Но Ваньку привозили редко, его отправляли на все лето в лагерь или детский санаторий. Ванька постоянно нуждался в каком-то лечении. А в чем нуждалась Аня? Наверное, в доброте, в теплых плюшках, в карамельках за двадцать копеек, которые несла из магазина и потом угощала ими тетю и кошку; в свободе от скандалов и в тихих вечерах вдвоем...

— Девочка, которая со мной сюда прилетела, искупалась в озере. Нас же ни о чем не предупредили. Она с ума сходит, беснуется. Я ее молоком отпаиваю, только не на долго хватает. Я ходила к доктору.

— Что она тебе сказала?

— Сначала дала траву. Отвар помог, только не до конца. Я просто не знаю, что делать.

— Отпусти ее.

— Почему?!

— Девчонка купаться побежала, а у нее как раз в этот день месячные пошли. Через кровь озерная вода к ней попала. Тут уже ничего не сделаешь. А будешь держать, она или тебя порешит, или на себя руки наложит. Отпусти. Пропавшая она. Да тут ей, может, и лучше станет. С русалками кружить веселее, чем по чердакам да подворотням тощее тельце на стакан водки менять. Или ты боишься без прислуги остаться?

— Нет, тетя Саша. Этого я не боюсь. Просто без нее вообще рядом ни одного человека не останется. Старший охранник...

— Знаю. Был он у меня, просился или обратно в люди, или уж деревом. Только я ведь ничего этого не могу. Просидел до вечера, все про свою жизнь рассказывал, а как сумерки легли, вышел за порог, да тут и врос, до утра простоял и ушел. Всю жизнь его будто ветром мотало, убивал, но не со зла — работа такая. Но лжи в нем нет. Иной деревянный лучше живого станет. Только он тебе не помощник. Подневольный, что прикажут, то и сделает. Ты у Алиски-то часто бывала?

— Нет. Раз в полгода-год. Мы в последнее время редко встречались. Перед самой командировкой она мне дала это кольцо и очки. Ночью, когда Эти пришли, я про очки вспомнила, ну и увидела их... настоящих. Кто они?

— Бесы. Колечко никому не давай. Тут за него тебе не то что полмира, космос со всеми звездами пообещают и гору золота в придачу. Ты у Алисы мужчину не встречала? Высокий такой, худой, жилистый, лицо одутловатое, а глаза белые?

— Я вообще никогда в ее доме мужчины не видела.

— Если такой появится, обходи десятой дорогой.

— А Источник — это что?

— Ключ. Бьет раз в году в купальную ночь. Кто его найдет, получит великую силу. Но главное, кто его найдет, сможет закрыть этот мир от кромки.

— Я не понимаю.

— Бесы, упыри, русалки, мавки, да и я тоже — кромешники. Те, кто на переходе задержался и ни к тому миру, ни к этому. Вокруг озера место прозрачной границы. Тут кромешники могут жить как бы людьми. А для нас даже видимость жизни много значит.

Тетя Саша поднялась с табуретки и отвернулась к окошку. Кофточка сзади оказалась

порвана. В дыру виднелись сухие желтые реберные кости, за которыми шевелился мрак.

— Я тебе сразу показывать не стала. Ты и так перепугана. Теперь знаешь: видимость жизни. Прости, Анечка, ничем я тебе помочь не смогу. Иди, скоро темнеть начнет. Моя подружка тебя вокруг деревни проводит. Так-то быстрее доберешься.

Ане захотелось подойти, прижаться к тете Саше, как в детстве, когда теплее этих объятий ничего не было. Та как услышала, подняла руку в отвращающем жесте. Иди!

Желтопузик свернулся за порогом в солнечном пятнышке. Когда Анна вышла, змея распрямилась и легко заскользила по траве. Без тяжелой сумки, без необходимости все время смотреть под ноги, дорога показалась легкой. Анна как бы летела над травами. Никаких кочек или колдобин. Дорожка легла зеркалом.

Человек-дуб ждал у ворот базы, что называется, чернее тучи.

— Стоять!

Анна остановилась, змея тоже, но не уползла, наоборот, встала на хвост, будто приготовившись драться. Дуб заметил рептилию и отступил в сторону, давая дорогу.

— К берегине ходила? — тихо спросил, когда Анна с ним поравнялась.

— Это моя тетя. Все думали, что она уехала. А она тут.

Анна заревела. Шла боялась, увидела начальника охраны, приготовилась отбиваться, и вдруг разом пролилась слезами — так стало их жалко. Жалко своей жизни, которая уже никогда не вернется в прежнее русло. Не будет больше Анечки с фунтиком карамелек. Теперь всегда при воспоминании о детстве перед глазами будет вставать край рваной кофты из-по которого торчат мертвые ребра.

Ее обняли твердые осторожные руки. Анну трясло, она никак не могла остановиться. А дуб гладил ее по голове и что-то нашептывал, шелестел, ожидая пока не кончатся слезы.

— Уже почти стемнело. Ни тебе ни мне тут оставаться нельзя. Иди в дом.

— А вы?

— Я своих соберу, и в рощу. С девчонкой что делать будешь?

— Отпущу. Тетя Саша сказала, ничто ее не удержит. Пусть идет. Так лучше будет для всех.

— Не боишься, что увидят, как ты сама ей двери открыла? Я сейчас камеры отключить не смогу.

— Не боюсь.

— Скоро проверяющий пожалует. Дождись, пусть он решает. На него вся ответственность ляжет.

— Мне все равно! А девочку я отпущу, пока она с ума не сошла. Пусть к русалкам идет.

В кухне грохотало. Ксения колотила чем-то железным в бронированное кухонное окно. Анна распахнула дверь. Входную она тоже закрывать не стала. Калитка стояла нараспашку.

Ксюха развернулась от окна. Волосы у нее стояли дыбом. Майка и джинсы оказались изодраны и изрезаны. В руках девушка сжимала огромный тесак.

— Отпусти!!!

— Иди. Иди, слышишь? Я тебя не буду останавливать. Только умоляю, не задерживайся. Беги!

Нож выпал у Ксюхи из рук. В глазах на мгновение прояснилось, но они тут же подернулись дымкой. Анна едва успела отскочить. Девчонка вылетела из кухни, пробежала коридор, вырвалась на улицу и дальше, дальше в сумерки. На волю.

Ноги стали будто свинцовые. Анна кое-как доплелась до ворот, заперла их, закрыла

ключ-картой входную дверь и пристанывая как старуха зашаркала в ванную. Одежду до последней нитки и босоножки она сняла, сложила в пакет и крепко завязала. От них как будто исходил запах тления. Ничего подобного скорее всего и не было. Но Анне стало спокойнее. Пребывая в некоем оцепении, она пошла в душ и простояла под горячими струями не меньше получаса.

\* \* \*

Она находилась в центре, очерченного мелом круга. По спирали летели и завивались вверх формулы и уравнения. Все время мелькало что-то знакомое, но бензойное кольцо на глазах разрывалось, обрастая радикалами, а простейшее уравнение из школьного курса физики, получая переменную, выросло до размеров вселенной, на периферии которой по внешнему кругу скакали Поинка с Сивухой в компании мелких чертенят. Рогатый недомерок нес орифламу, пытаясь ею вытолкнуть из формулы интеграл. Русалки кружили на пределе видимости. Среди них танцевала Ксюха в рваных джинсах. Налетевший шквал вырвал древко из рук мелкого беса, оно зацепило вселенную, от которой начали отделяться строчки, складываясь в подобие лестницы. Нижняя ступенька вплотную легла к нарисованному кругу и начала его теснить. Анне оставалось все меньше и меньше места. Она уже встала на цыпочки, когда по лестнице к ней спустился Борюсик, взял за руку и выхватил из спасительного круга. Мир символов обрушился ей на голову. Стужа сковала тело. Твердые кристаллы воздуха забили горло...

За окном полыхало. Ливень хлестал по железной крыше базы, периодически переходя на градовую дробь. От грома тряслись стены. Оконные шторы свились в два спиральных жгута и мотались, будто танцующие змеи. Анна сползла с кровати, кое-как добралась до окна и захлопнула створку. Стало немного тише. Весь пол оказался залит водой. Она прошлепала до шкафа, достала стеганное одеяло и замоталась в него, пытаясь согреться.

Вспомнился сквознячный полустанок, страх от сознания, что может легко тут замерзнуть, и неожиданное спасение. Кто был тот человек? Куда он делся. Электричка уехала без него. Анна потом еще какое-то время просыпалась по ночам от воспоминаний. Даже звонила кому-то... кому? Ах, да — Максиму. Был какой-то Максим...

Над головой грохнуло, будто проломилась крыша. Исчезли огоньки индикаторов на панели видеосистемы. Стало абсолютно темно. Дробный шум заполнил все пространство спальни. Анна как в детстве накрылась одеялом с головой, чтобы пережить минуту жути, а когда выглянула, зеленый электронный глазок уже горел. Шум дождя стал утихать.

\* \* \*

— План-наряд.

По щеке начальника охраны тянулась светло-розовая дорожка. Веточка над ухом оказалась обломанной.

— Что случилось? — Анна указала на кровь.

— Буря. Двое сломались под корень. У меня пара веток. План-наряд.

— Возьми. Как тебя звать?

— Дуб.

— А человеческое имя?

— Виктор.

— Ночью отключалось электричество.

— Я знаю. Есть резервный генератор, включается автоматически. Эти не успели. Сильно испугалась?

— Не знаю. Наверное. Спряталась под одеялом. Тут есть какое-нибудь оружие, вдруг еще раз...

— Осиновый кол. Лучше пока никто не придумал. Я тебе принесу.

— Обломки твоих...?

— Да. Еще, говорят, серебряная пуля помогает. Только, чего нет — того нет. Девчонка убежала?

— Да. Я ее во сне видела. Это Они устроили бурю?

— Я не знаю.

Анна подошла и стала вытирать ему щеку салфеткой. Виктор перехватил ее руку, прижал к прохладным твердым губам, другой рукой подхватил под коленки и посадил на сгиб локтя. Показалось, она и вправду сидит на дереве.

— Увидят. Камеры...

— Пусть. Мне уже все равно. Я сегодня ночью видел, как из переломленного ствола течет кровь. За что с ними такое? За что со мной? Хотя, со мной, наверное, по справедливости. Я контрактник. Убивал... много. Расплата.

— Если тебе прикажут, ты обязан выполнить волю хозяев. Будешь сопротивляться?

— Не знаю.

Он поставил ее на пол, легко, едва касаясь, погладил по голове и ушел. А в три часа вместе с образцами принес сырой осиновый сук. С одного конца торчали волокна розоватой древесины, с другой дрын оказался остро заточен.

— Носи с собой. Эти в поселке совсем озверели. Полинка кинулась на женщин у колодца. Но там каждая, выходя из дому, осину берет. Отбились. Этот кол посильнее обычного выйдет.

Анна все перебирала образы своего сна. При чем тут Борюсик? Не пришлют же его в качестве проверяющего. Можно, конечно, нафантазировать, будто весь их брак был заранее подстроен. Но если даже и так, инициатором такого перформанса могла быть Алиса, но никак не руководство корпорации.

А что ты вообще о них знаешь? Ничего. На вывеске обычный пищевой синдикат. По сути — вообще не понятно, что. Чем она там занималась? Да ничем!

Анна осторожно спускалась по влажной бетонной дорожке к деревне. Траву прибило бурей. Даже цветы не распустились, хотя к обеду в черных тучах стали появляться просветы. Она сегодня надела джинсы и ужаснулась, так похудела. Осиновый кол болтался на шнурке. Прятать не стала, пусть, если кому интересно смотрят.

Пекарка молча сунула ей булку и захлопнула дверь. У колодца никого не оказалась. Молочница долго не открывала. Анна уже приготовилась к неприятному моменту, когда с ней не станут разговаривать — не уберегла девчонку — но заплаканная Фая, наоборот, пригласила во двор.

— Сахади. Щего там стоять? Эти по поселку с утра бегают.

— У меня вот.

Анна продемонстрировала свое оружие. Фая только махнула рукой.

— Что тут случилось, почему у колодца никого? — спросила Анна.

— Доктор померла. Все на погост ушли, хоронят.

— А вы?

— Молоко возьми.

Фая на вопрос не ответила, стояла вытирала слезы краем платка. Анна поставила банку в пакет.

— Где кладбище? Как туда пройти?

— Не ходи. Люди тебя ругают. Лучше вообще в поселке больше не появляйся. Злые все.

А эти празднуют. Хоть твоя девочка к русалкам ушла, а все им в радость.

— Мне берегиня сказала ее отпустить, иначе могла большая беда случится.

— И так случилась. Иди себе.

На обратном пути Анна увидела Колю в компании кабанчика. Они шли от магазина. Коля издали поклонился. Анна тоже кивнула, хотя не была уверена, можно или нет.

— Магазин закрыт. Мавка конфетку попросила. А магазин-то закрыли. Завтра приду. У вас веревочки никакой нет, Борьке брюхо подвязать, а то репы набиваются?

Анна отцепила осиновый кол, отвязала шнурок и бросила Коле, тот поймал на лету и тут же начал обвязывать кабанчика. Шнурок оказался короток. Коля жалко развел руками — не получилось.

— Я ему фартучек сошью, — пообещала Анна. — А шнурок выбрось. Мне он не нужен.

— Тогда я его себе оставлю. Можно?

— Конечно.

Коля заулыбался. Не нашел конфетку, принесет своей подруге игрушку.

Слезы лились, не переставая. Руки были заняты: в одной несла пакет в другой осиновую палку, которая совсем недавно, возможно, была человеком. Было жаль доктора, жаль утопленника и его подругу, жаль злосчастного кабанчика, которому в выпоторшенное брюхо набивались репы. Как теперь будет жить деревня? За что люди разозлились на Анну? Не удержала девчонку? Пошла за советом к ведьме? Не помогла доктору?

Почему она опять во всем виновата? В детстве тетя Саша говорила: не обращай внимания. И Анна со временем научилась отгораживаться от обвинений, которые сыпались на ее голову дома беспрерывно. Не вымыла пол, плохо вымыла пол; моешь пол, чтобы я поскользнулась; сиди в своей комнате, не сиди в своей комнате как затворница, не смей гулять во дворе, там одни хулиганы...

У нее в спальне кто-то был. Анна поставила пакет, перехватила осиновый кол в правую руку и рванула дверь. В мягком креслице у книжных полок сидел молодой человек с журналом на коленях.

— Вы кто? Что вы тут делаете?!

Анна была готова к тому, что из пушистых светлых волос вычикнутся рожки, а ботинки превратятся в копыта. Но ничего подобного не случилось. Молодой человек поднял глаза и улыбнулся.

— Я проверяющий из фирмы. Зовут меня Станислав. А вы, вероятно, Анна Сергеевна Рад знакомству. И очень жду объяснений.

Не выпуская свое оружие, Анна дошла до стула и опустилась на краешек. Светловолосый проверяющий улыбался, на щеках собирались сухие морщинки, лицо при этом становилось не то чтобы злым, а каким-то брезгливым. Не улыбка, а маска

фальши в чистом виде. Светло-серые глаза смотрели будто в микроскоп на давно знакомый ничтожный объект — то ли оставить препарат, то ли выкинуть в помойку.

— Объясняться придется вам!

Анну затрясло. И этот туда же — обвинять. Пусть сначала расскажет, зачем ее сюда отправили.

— Вы контракт подписывали? Подписывали. Никаких объяснений до окончания срока командировки вы не получите. Разглашение для вас может вообще обернуться тюрьмой. Так что ваше изложение событий будет первым... и единственным. Что тут произошло? Куда делась кухарка? Она не ночевала, хотя имела пропуск только до девятнадцати часов. Я наскоро просмотрел записи с камер. Вы ее сами выгнали. Если девушка не найдется, ваше дело будет направлено в прокуратуру.

— Я согласна прямо сейчас идти в правоохранительные органы. Я сейчас соберу сумку и уеду отсюда вместе с вами. А уже что решат в полиции, меня на данный момент волнует меньше всего.

— А зря. Они вам назначат психиатрическую экспертизу и отправят на обследование в закрытое заведение, из которого, могу поклясться хоть чем, вам никогда не выйти.

Он одновременно говорил и улыбался. Слова выползали сквозь улыбку. Перед Анной сидел инквизитор. Но те в средневековье ратовали по большому счету все же за Свет. А этот — за что?

— Зачем все это? — тихо спросила Анна.

— Обыкновенный эксперимент. Следует выяснить, как долго человеческая популяция продержится, если соседствует с не совсем простыми существами. За десять лет произошло уменьшение на пятьдесят процентов с той и с другой стороны. В последние два дня случилось нарушение паритета. У русалок прибавилась одна единица, у людей одна сбежала, одна выбыла полностью. Знаете, как тут хоронят? Жаль не догадались сходить посмотреть. Зрелище то еще. В грудь покойника вбивают осиновые колья, ждут, пока тело рассыплется в прах, только тогда закрывают крышку и опускают на глубину не менее трех метров. Из-за вас нам пришлось срочно искать двоих пригодных для работы в здешних условиях сотрудников. Доктор уже приступил к своим обязанностям. Вам я привез новую помощницу. Часть времени она будет проводить тут — вас нельзя оставлять без присмотра — часть в медпункте, работая медсестрой. Да еще, не советую любезничать с начальником охраны, это пагубно скажется на его судьбе. Он и так себе наворожил наказание со всеми отягчающими.

— Это когда дерево обливают бензином и поджигают?

— Его еще можно рубить ветку за веткой. Можно вырезать на нем пентаграмму, чтобы он банально сошел с ума. Представляете, такую махину в состоянии буйного помешательства? То, что творила тут ваша помощница, вам покажется детскими забавами.

— За что?!

— Вам и исключительно вам в назидание. Вы обязаны были оставаться один на один с зараженной кухаркой до последнего. А вы банально нарушили правила, испортили ход эксперимента, что плачевно отразилось на расстановке сил.

— Кто дал вам право использовать людей как подопытных крыс?

— Никто. Но мы имеем такую возможность и будем дальше продолжать свои изыскания. Ваша так называемая бабушка начала эту работу, но потом ей не хватило элементарно здравого смысла — возжелала абсолютной власти. Алиса Генриховна пала жертвой собственных амбиций. Быстро, сознавайтесь, что она вам приказала делать?

Абсолютная власть! Ни много, ни мало. Анна от потрясения даже не услышала последнего вопроса.

— А вы вообще кто? — тихо спросила она.

— Мы международный синдикат с очень большими возможностями. Президенты, партии и политические течения по сравнению с нами — детки в песочнице. Так что вам лучше забыть о вопросах и выполнять приказы. Иначе от вас даже пыли не останется. Сотрем и вытравим из памяти людей. Была такая Анна Сергеевна и не стало. Вас даже вспоминать некому. Брат только обрадуется, что вы пропали. Ему немного доплатят, чтобы не булькал. Пару копеек. Большого вы не стоите.

Он уже не сидел, расхаживал вдоль полок, пальчиком сталкивая на пол книги. Потом резко развернулся, надвинулся, навис над Анной.

— Быстро, отдала мне кольцо! Ну!!!

Остро отточенный кол разорвал элегантную рубашку мужчины, осаднил кожу и застрял под мышкой.

Вниз поползла красная ниточка крови. Сухие губы шевелились, стараясь что-то выговорить, но наконец мужчина собрался с силами, открыл рот и заорал, одновременно отталкиваясь от Анны, от воздуха, от орудия, которое его пригвоздило.

Анна испугалась и выдернула кол. Мужчина мешком осел на пол, задрал руку, стараясь заглянуть подмышку. Там оказалась небольшая царапина. Анна выставила свое оружие, на случай, если Станислав кинется еще раз. Но он предпочел отползти подальше.

— Ты за это ответишь!

— Что случилось?

— В дверь влетела миниатюрная женщина лет тридцати с пышными черными волосами и кинулась к пострадавшему.

— Станислав Геннадьевич, что с вами?

— Упал. Представляешь? Поскользнулся и упал, а тут эта палка. Хорошо Анна Сергеевна успела ее убрать. Только поцарапался. Помогите мне, Лена.

Медсестра-кухарка подхватила его под здоровую руку и повела. Ноги у проверяющего тряслись. Он кое-как преодолел два шага до креслица и со стоном опустился, держа крыло на отлете.

— Я сейчас. Не опускайте руку.

Елена быстро вернулась с плоской коробкой, в которой нашлись средства первой помощи. Вскоре Станислав Геннадьевич оказался профессионально перебинтован, но бледность так и не прошла — вот-вот наладится в обморок.

Наконец проверяющий и Елена покинули ее спальню. Анна заперла дверь на ключ-карту. С проверяющим с самого начала все было понятно, но и женщина вызвала мгновенную неприязнь.

Раньше такая неприязнь возникала, при встрече с цыганками. Не со всеми. Но иногда Анну прямо в дрожь бросало от невидимого, неслышимого, но всей кожей осязаемого наката. Однажды такая цыганка выскочила на нее в безлюдном переулке.

— Дай денег! — потребовала расхристанная тетка в грязном платке.

Рука с обломанными черными ногтями потянулась к лицу. Анна оторопела от внезапности нападения и от наглости требования. Но уже в следующий момент все мысли снесла волна ярости. Она развернулась и въехала сумкой попрошайке по физиономии. Не ожидавшая отпора цыганка отлетела к стене дома и сползла на асфальт. Анна побежала,

подгоняемая в спину проклятиями.

Не иначе, черные волосы медсестры напомнили ту цыганку. Надо просто привыкнуть. Все же живой человек будет рядом. А какой?

На остром конце осиновой палки запеклась кровь.

\* \* \*

Елена не плохо готовила. Гречневая каша с тушенкой и луком оказалась очень вкусной. Анна вспомнила, что не ела толком несколько дней; налила себе еще и молока из кувшина, но оно прокисло — к вечеру станет простоквашей, а сейчас можно было выпить кофе.

Утро Анна решила посвятить себе. Она давно не заглядывала в зеркало, как-то не до того было. Елена ушла в поселок к месту службы, никто не мешал хоть чуть-чуть привести себя в порядок. Новая кухарка оказалась словоохотливой, проболтала весь завтрак. В основном она рассказывала о своих знакомых.

— Вы как сюда попали? — осторожно спросила Анна.

— Я работала в «Нутридане», потом уволилась, пришла проситься обратно, мне предложили командировку. Всего-то три месяца. Я квартиру сдала на это время. Денег заработаю, поеду на море. Вы на море были?

— Да.

Анне не хотелось продолжать разговор. Поведение Ксюхи было понятно и оправдано. Миловидная женщина с пышными черными волосами, желто-коричневыми глазами и осиной талией не проявляла даже тени настороженности. Или все это паранойя? Может, Елена как раз нормальная, а Анна — сходит с ума?

Станислав Геннадьевич отбыли еще вечером. После инцидента с осиновым колом Анна его больше не видела. И замечательно, могла ведь не сдержаться и еще раз приложить.

Все его страшилки сводились к одному: надавить, довести до синего ужаса и вытребовать кольцо. Или отобрать, как получится.

Утром на вручении план-наряда Виктор выглядел как обычно, но как только Анна собралась задать неурочный вопрос, едва заметно сдвинул брови. Представить его беспомощным обрубком было страшно.

Мысль пришла, угнездилась и не желала уходить. Анну скорее всего отсюда вообще не выпустят. А даже если такое и случится, куда она пойдет, кому расскажет, кто поверит в дела, творящиеся на затерянной «делянке»? Прокуратура? Действительно смешно! Перспектива, оказаться пожизненно в сумасшедшем доме, могла стать вполне реальной.

Безысходность навалилась душным облаком. Анна легла, натянула одеяло до самого носа и даже подышала на руки, так вдруг стало холодно. Фая права, в деревне появляться опасно, лучше вообще никуда не выходить, сидеть тут, запершись в своей комнате. Будет в отсутствие Елены, пить воду, грызть сухое печенье, выдавать план-наряд по утрам и смотреть образцы после обеда. Что они могут сделать? Да хотя бы отключить напряжение на периметре... тогда черноволосая ведьма с глазами цвета старого болота приведет сюда бесов, и они разорвут строптивного биохимика на миллион частей, а потом соберут свой собственный пазл. А хозяева проанализируют процесс восстановления и сделают соответствующие выводы.

Она так точно рехнется! Анна вылезла из-под одеяла, натянула спортивный костюм и

пошла на кухню. В углу валялся фартук, в котором щеголяла Ксюха. Елена себе нашла другой. На подоконнике стояла коробочка с нитками и похожей на ежа игольной подушечкой. Анна разорвала на полоски одну из своих блузок и пришила по краю фартука длинные завязки. Она завтра пойдет за хлебом и молоком, если встретит Колю — отдаст. Неправильно, в самом деле, чтобы репьи набивались в брюхо несчастному поросенку.

Небо хмарилось. До трех оставалось еще время. Анна никогда не обходила базу по периметру. Осинový кол она подвесила на удобный пояс, который сшила из остатков блузки. Ничего, что он болтался и иногда больно стучал по колену, зато так она чувствовала себя почти в безопасности.

Колючая проволока под напряжением тянулась вдоль всего здания, захватывая еще и заросший лесом участок, в глубине которого стоял домик с односкатной крышей. К нему шли провода. Едва заметная тропинка бежала от домика к воротам, запирающим территорию базы с этой стороны.

— Что ты тут делаешь? — проскрипело за плечом.

Виктор стоял, широко расставив ноги и слегка покачивался. Анна могла поклясться, что только вот проходила мимо этого места и его там не было. А что было? Ага дерево.

— Я думала, вы только ночью укореняетесь.

— Ночью — обязательно. Днем могу так, могу не так. Решила прогуляться?

— Что в том домике?

— Адская машина.

— В каком смысле?

— В прямом. В одной комнате нары, в другой тебе предлагают встать у стенки, якобы надо сделать дополнительные фото на документы. Ты только приехал, ничего не знаешь, идешь, встаешь. У противоположной стены аппарат вроде того, что стоит в лаборатории только больше, а между вами дерево в кадке. Из аппарата вылетает «птичка» в виде белого луча, насквозь прошивает деревце и человека. Это не больно. А через несколько дней у дурачка начинают в разных местах расти ветки, ночью тянет выйти на улицу и стоять, чувствуя, как ноги превращаются в корни. Совсем не хочется есть, только хлещешь воду с утра до ночи. Тебе пора уходить.

— Почему?

— Женщина, которая вчера приехала, возвращается из деревни.

— Можно я тебя поцелую? — внезапно для себя самой спросила Анна.

— Не надо. Вдруг я потом буду плохо спать, — невесело хохотнул Виктор. — Иди.

Анна едва успела переодеться и зайти в лабораторию, как услышала шаги. Елена проскочила коридор, подошла к двери и некоторое время стояла, прежде чем постучать.

— Да войдите.

— Анна Сергеевна, что вам приготовить на обед?

— Все равно.

— Но как же так? Давайте, я сделаю, что вам нравится.

— Лобстеров нет, свежей клубники тоже нет. Готовьте, что хотите.

— Вы зря шутите. Надо было попросить Станислава Геннадьевича, он бы распорядился.

— Идите, Елена. Скоро принесут образцы. Мне надо работать.

Женщина улыбнулась и тихо прикрыла дверь. Анна подошла к странному аппарату в углу и, стараясь, не пересекать траекторию возможного луча, начала рассматривать. Система линз, какой-то блок, еще один блок, назначения которого не определить, но видно, что

изготовлено все кустарным способом. На торце станины виднелись значки напоминающие клинопись, их линия обрывалась на середине.

Как-то на конференции в столице на междусобойчике биохимиков и физиологов зашел разговор об опытах китайских коллег по выведению межвидовых гибридов. Сразу вспомнили заявления одного отечественного физика, который якобы добился подобных результатов, но никто всерьез его изыскания не принимал и гибридов не видел. Еще тогда дружно посмеялись над авантюристами от науки, коих развелось, как собак нерезаных. Но у китайцев речь шла именно о межвидовых скрещиваниях. Если принять на веру, то что говорил Виктор, тугошние умельцы пошли куда дальше.

Открылась дверь.

— Эта машинка не работает. Можешь не волноваться — это просто кусок железа со стекляшками. Образцы принимать будешь?

— Камеры звук тоже пищут?

— Нет. Сбой в программе.

— Виктор, но это же все чудовищно! — сказала Анна не поворачиваясь. — Какие образцы? Кому они нужны? Меня заставляют делать ненужную работу. Ну в первое время — понятно — чтобы создать иллюзию занятости, но сейчас-то зачем?

— Ты не права. Иначе проверяющий не забрал бы журналы. Что-то они ищут.

— Ты знаешь о источнике, который якобы дает силу?

— Слышал. Биохимик, который до тебя тут работал, ушел его искать и не вернулся. Вообще-то источник вся деревня в купальную ночь ищет и люди и Эти. Никто пока не нашел.

Анна забрала коробку с образцами и привычно устроилась у микроскопа, включила остальные приборы. В дверь сунулась Елена.

— Ой, вы разговариваете, простите, что помешала.

— Нет.

Виктор невежливо отодвинул ее плечом и вышел.

— Такой большой и такой грубый! — в след ему засмеялась Елена. — Обед через час. Милости прошу.

— Нам не положено, — донеслось из коридора.

Что они могут искать? Все образцы были одинаковые, будто набирались из одного места. Буквально: земля из одной ямы, вода из одного источника. Отклонения в результатах в пределах погрешности. Что? Жаль она не догадалась скопировать старые результаты. Но все идет через центральный сервер, вдруг в памяти что-то осталось. Если засесть тут с выяснениями, насторожится Елена. Лучше Анна дождетя, когда она уйдет и тогда покопается в памяти компьютера.

Почему новая помощница была ей так неприятна? Казалось бы, самая обычная тетка из среднего персонала. Почему ее присутствие на базе лишило Анну ощущения безопасности? Или все же паранойя? Значит, что? Значит будем улыбаться до выяснения.

А Елена, между прочим, дважды заглядывала в лабораторию до обеда, что сомнений по ее поводу никак не убавило. А еще вспомнилось, мимоходом брошенное замечание проверяющего, вас дескать нельзя оставлять без присмотра.

За обедом Анне очень хотелось спросить у Елены, знает ли она, что случилось с ее предшественницей. Но та опять болтала, так что слова не вставишь. К концу обеда Анна просто перестала ее слушать и видимо что-то пропустила.

— Что?

— Вы так задумались. Можно мне пригласить завтра доктора к нам на чай?

— Как хотите, — безразлично отозвалась Анна, поднялась и ушла к себе.

Бесконечный разговор ни о чем ее у томил. Доктор? Пусть приходит. Может быть с ней удастся поговорить без перманентного чувства, будто тебя проверяют на вшивость.

В младших классах их проверяли после каждого каникул. Анечка каждый раз боялась, вдруг у нее найдут. Третью класса после лета отправляли в кабинет школьной медсестры, дабы вытравить подхваченную на каникулах гадость. Однажды вшей нашли у умницы и отличницы Маши Иваниловой. Маша плакала. Они с родителями ездили на море, вернулись под самое первое сентября — и вот такая неприятность. Аню возили только к тете Саше. Но в ее аккуратном чистеньком домике взяться вшам было не от куда.

Если новый доктор окажется адекватной, Анна постарается ее предупредить, а Елена, если захочет, пусть прислушается. Отчего-то казалось, что новенькой любые предупреждения без надобности.

Вечер прошел тихо. Мадам кухарка в своей комнате смотрела фильм с криками, выстрелами и погонями. Анна начала собирать и расставлять сброшенные на пол книги. В руках оказался томик серебряного века. Она когда-то «Капитанов» могла продолжить с любой строчки хоть пьяная, хоть трезвая, хоть во сне. Анна наугад раскрыла книгу. «Пять коней подарил мне мой друг Люцифер...»

А мне не моя бабушка-ведьма подарила кольцо и очки. Интересно — это чтобы остаток жизни прошел особо насыщенно? Чтобы видела и понимала, кто меня ест?

Анна села в оскверненное креслице у полок и раскрыла книгу. Пусть за стенкой стреляют, а потом истошно стенают, она будет читать, дабы зарядиться светом, а завтра пойдет в деревню.

\* \* \*

Пекарка долго не открывала. В глубине двора шаркали, брякало железо об железо. Наконец калитка приоткрылась.

— А, это ты. Чего пришла-то?

— Хлеба взять.

— Не велено тебе отпускать. Чем-то ты свое начальство озлобила.

— Я куплю.

— Дорого станется.

— Мне все равно. Сколько скажете, столько и заплачу.

— По сто рублей за булку будешь брать?

— Возьму. Только у меня денег с собой нет. Послезавтра принесу.

Пекарка быстро вернулась с круглым еще теплым караваем. До этого она выдавала только стандартные буханки серого. Сегодняшний хлеб оказался из белой муки с румяной коркой и одуряющим запахом. Анна не удержалась и откусила. На что пекарка вдруг заулыбалась.

— Ну, иди себе. Про деньги не забудь. Тут даром нельзя. Даром тут только Коля в магазине лимонад берет да конфетки иногда. Говорит, мавка у него беременная. Кого родит-то? Лягушку? Да хоть кого. Иди себе.

Анна обгладывала булку до самых ворот молочницы. Там разговор повторился почти в точности. Фае тоже запретили давать молоко. Правда запросила она совсем уже пустую цену.

— Я послезавтра принесу деньги.

— Неси, неси. Я тебе сливок соберу. А наших не бойся, не тронут. Не ты виновата. Иди.

У колодца стояли женщины и высокий мужчина. Вид его показался вовсе не деревенским. Пока Анна пробиралась по тропинке, стараясь не приближаться к покосившемуся забору бесовских владений, мужчина ушел. Анна вышла к колодцу, молча поклонилась теткам и двинулась к себе. Пара кивков в ответ, означали примирение с деревней. Колю по дороге она не встретила.

Дальнейшая жизнь оказалась похожей на маятник. Качание утором и в полдень в сторону лаборатории, чередовались с широким размахом в сторону деревни раз в два дня. Селянки кланялись. Пекарка продавала всегда горячий и румяный хлеб, молочница выносила с молоком еще и баночку сливок. Деньги они обе забирали безразлично. Ни та, ни другая даже ни разу не пересчитали. Анна прикинула, что до конца командировки ее заначки должно хватить. Доктор на чаепитие не пришла.

Тишина последних дней развернула мысли на сто восемьдесят градусов. Если так пойдет дальше, она возможно и выберется. Что ей могут предъявить хозяева «Нутридана»? Отпустила Ксюху? Но та совершеннолетняя, а что не вернулась, так именно они должны были организовать поиск.

Иногда приходила мысль, пойти к озеру, вдруг к берегу приплывает бывшая помощница, посмотреть на нее, может быть даже поговорить. Анна себя останавливала. Достаточно ей бледного самоутопленца, его поросенка, внезапно постаревшей докторши и парочки бесов. Надо ли еще отягощать мозг? Он и так по временам плавился.

Виктор утром и в полдень повторял одни и те же слова да хмурился на любую попытку со стороны Анны заговорить. Обход базы вдоль периметра ничего не дал. До седьмого июля оставалось две недели.

\* \* \*

— Ой, вы такая бледная. Я сегодня испекла пирог на ужин. Помните я спрашивала, можно ли пригласить доктора? Он сегодня придет.

— Он?

— Да.

— Доктор мужчина?

— В прошлый раз он не смог, сегодня согласился. Посидим, чаю выпьем. Жаль тут вина в магазин не завозят.

— Зато есть лимонад и карамельки, — закинула Анна длинную удочку.

Елена никак не отреагировала. За все время так ни разу и не встретила Колю?

Общаться с новым доктором от чего-то расхотелось. Анна натянула джинсы футболку и отправилась в деревню, прогуляться. Осиновый кол теперь все время был при ней. Очешник она сунула в небольшой рюкзачок, вдруг придется возвращаться в сумерках, будет на что посмотреть. Туда же сложила поросячий фартучек.

Она решила больше не бояться. Постоянно трястись, показалось унижительным. В

голове тлело подозрение, что выхода отсюда может и не случиться. А раз так, месяцем раньше, месяцем позже...

За высокими синими заборами теплилась жизнь. Там ходили и разговаривали, оттуда долетали запахи жизни. Прощитые молодой сизой полынью заросли сухостоя на выморочных огородах затаились. Только у Сивухи с Полиной из трубы тянулся мелкий дымок. Анна вспомнила картинку в кольце, поднесла камень к глазам, но кроме сиреневатого свечения ничего не увидела. Ноги сами понесли на берег озера.

Плоское серебряное зеркало лежало в золотой раме песка. Ни дуновения, ни всплеска, ни стрекоз, ни водомерок — тишина и покой уснувшей сказки. Почти у самой воды лежало бревнышко — как раз присесть, полюбоваться.

Ксения появилась без всплеска, вынырнула и замерла в двух метрах от берега.

— Здравствуйте, Анна Сергеевна.

Анна молча кивнула в ответ. Девушка переменялась. От мусорного полуподростка не осталось ничего. Угловатое мелкое личико разгладилось, стало похожим на средневековые портреты: тонкость, нежность, бледность. Светлые волосы веером растекались по воде.

— Вы по мне скучаете? — спросила новая Ксюха.

— Да.

— А за вами кто-нибудь ухаживает?

— Да. Женщина...

— Она вам не нравится?

— Нет.

— Я ее видела один раз. Она злая.

— Почему?

— Она пришла на берег и начала кидать в воду сухую полынь. Мы просили ее этого не делать. Она обозвала нас отродьем и ушла.

— Как тебе... — Анна хотела сказать, — живется, — но проглотила неуместное слово.

— Ой, Анна Сергеевна, у нас прекрасно, — все поняла Ксюха. — Девочки такие добрые. Мы все время танцуем. Я во втором классе записалась в кружок танцев. Мне там нравилось, но потом оказалось, что за каждое занятие надо платить. Я ходила смотреть в окно зала, где они занимались. Меня охранник прогнал. А здесь меня все любят. И рыбы на глубине совсем не боятся. Мы же их не пугаем. Они сами в руки идут. Мы с ними играем. А под корягой живут раки. Они трусливые. Анна Сергеевна, я совсем, совсем не хочу обратно. Я как вспомню нашу квартиру и магазин, в котором работала, так сразу ухожу на глубину. Там тихо, прозрачно и очень красиво. Девочки говорят, я скоро все забуду.

— А ты хочешь забыть?

— Не знаю. Вы иногда приходите. Я вам ничего не сделаю и звать к себе не стану. Просто приходите, ладно?

— В деревню новый доктор приехал. Ты его тут не видела?

— Девочки рассказывали. Он купался. Они его окружили, а потом их наша старшая позвала и запретила к нему подплывать.

— Почему?

— Я не знаю. Она не сказала. Ой мне возвращаться пора. Вечерняя заря, мы сейчас петербургские будем. И вам, наверное, идти надо?

Анна спохватилась. Солнце сегодня как-то очень быстро спустилось к горизонту. Одно дело храбриться белым днем, другое оказаться в деревне ночью. Тут и двери-то никто не

откроет, хоть обстучись.

Когда подходила к колодцу сельцо накрыл уже настоящий вечер. За синими заборами все замерло, люди попрятались в дома, зато на худых огородах началось шевеление. Анна прибавила шаг.

До околицы оставалось совсем немного, когда впереди зашевелились густые сиреневые сумерки. Пять смутных фигур встали на дороге, запирая выход из деревни. Анна сделала еще пару шагов и остановилась. Смутные начали приближаться.

Дверей никто не откроет, разве новый доктор отзовется на стук, если конечно он в данный момент не сидит на их кухне. Анна развернулась. От колодца в ее сторону сворачивали двое. Она и без очков узнала старика и девочку.

— Идите за мной, — раздался из темноты голос Коли. — Я вас выведу. На нашу гриву Этим хода нет.

Пробираясь переулком, она смутно различала перед собой спину доброго утопленника. Следом за Анной, почти наступая на пятки, скакал похрюкивая поросенок. От деревни клубилось и нагоняло. Эти приближались почти неслышно, только волна гнусного запаха настигала, потом откатывалась. Анна уже бежала, не разбирая дороги. Когда смрад накрыл, а до слуха донеслось бормотание, Анна остановилась и обернулась, сжимая в руке осиновый кол.

Было темно, но толпа Этих светилась как ворох гнилушек. Передние встали, на них налетели задние. Из кучи тел проорал Сивуха.

— Хватайте ее!

Поросенок Борька развернулся к нападающим, изогнул спину, на которой вырос щетинистый гребень и начал рыть копытом землю. Он уже не хрюкал, а раскатисто ревел.

— Быстрее, — позвал из темноты Коля. — Нам осталось совсем немного. Борька от них отобьется.

Когда Анна вслед за Колей взлетела на заросшую густым лесом гриву, внизу завывало и рычало сразу в несколько голосов. Их перекрывало рокотание вепря.

Ноги заплетались. Не хватало воздуха. Анна прислонилась к дереву и в свете восходящей луны увидела, как на гриву забежал ее спаситель. Ирокез на спине улегся, края распоротого брюха болтались, цепляя траву. Коля подошел к Борьке, присел на корточки, погладил по голове.

— Я вас заждалась, — прошелестело где-то рядом.

Луны стало так много, что Анна рассмотрела фигуру беременной женщины под деревом. Коля поднялся, приобнял мавку, поцеловал в висок.

— Мы пойдем и вам поспешать надо, — обернулась женщина.

Коля позвал Борьку. Они двинулись в сторону малого озера.

— Подождите!

Вроде и не далеко ушли, а догонять пришлось бегом.

— Вот возьмите. Это для Борьки.

Она кинула сложенный фартук. Мавка на лету поймала, развернула.

— Благодарствуйте. Коленька смотри.

Мужчина тут же стал наряжать поросенка, завязывая на спине веселые бантики.

— Ой, как хорошо получилось. Когда у нас ребеночек родится, мы его в ваш подарок заворачивать будем.

— Я вам еще принесу... — кое-как выговорила Анна и заревела в голос.

Перед ней была любовь. Не которая неумолимая страсть, а просто любовь без мелких суетных претензий, без необходимости соответствовать посторонним взглядам, моде, требованиям времени. Любовь без границ, которая, как оказалась, оставила смерть в дураках.

Вой прилетел издалека. Где-то в дебрях пробовал голос матерый волк. Низкие волны звука накатывали, смолкали на мгновение, и опять нарастали. Семья утопленников исчезла. Анна вдруг сообразила, что не знает, куда идти. Где-то внизу между деревьями вспыхивали и пропадали блески воды.

Если встать к малому озеру спиной, примерно в том направлении должна находиться база. Анна пошла. Под ноги все время подворачивались коряги и толстые корневища. Деревья загораживали свет луны. Под кронами мрак становился вовсе непроглядным. Зато начал приближаться вой.

Она побежала, но тут же споткнулась и упала. Волнами накатывало отчаяние. Не разорвали те, сожрет самый обыкновенный хищник. Его колом не отпугнешь, только разозлишь еще больше.

Она пошла медленнее, стараясь выбирать лунные прогалы. Что будет, то и будет. Забиться под корни дерева и досидеть до естественной развязки она всегда успеет.

Поляна оказалась залита лунным светом, как ртутью. Траву ровно примяло ветром. Под ногами пружинило. Анна огляделась. На дальнем конце пространства стояло высокое дерево, раскинувшее ветви будто две мощные руки. Пока взбиралась, она сильно ободрала колени. На ветке можно было сидеть, даже не цепляясь, до того она оказалась толстой. Анна перекинула ногу и уселась верхом, привалившись спиной к стволу, свалишься только если заснешь. Но это вряд ли. Вояли совсем рядом.

Зверь выметнулся на серебряную поляну, сделал круг и остановился в центре. Он походил на сгусток мрака, только отдельные шерстинки поблескивали под луной. Волк сел, вскинул голову и выдал низкий стон. Анне показалось, что ее сейчас стащит этой волной. Она судорожно вцепилась в ветку. Зверь заметил шевеление и медленно пошел в ее сторону.

Колобок, колобок, я тебя съем! Не ешь меня серый волк, я не хочу...

Лучше не смотреть, закрыть глаза и погрузиться во внутренний мрак. Но и внутри угнездился огромный черный волк с горящими желтым глазами.

— Что тебе, лесной зверь? — спросила Анна. — Видишь, я высоко, ты меня не достанешь. Иди по своим волчьим делам.

По стволу зескребли когти. Волк встал на задние лапы, пытаясь дотянуться до Анны. Она поджала ноги, понимая, что зверь ее не достанет, но не в силах справиться с паникой.

Второй волк выметнулся на поляну беззвучно, словно тень. Первый почуял соперника, оставил свои попытки и вздыбил холку.

Они не ходили кругами, не присматривались. На середине поляны, как будто встретились два старых давно знакомых врага. В полной тишине они спелись и пошли кубарем, только черные и белые всполохи метались, как клочья шерсти.

Анна еще успела увидеть, как белый волк встал над черным, придавив того к земле, когда от поверженного полетели клочья. Один достал до нее и коснулся лица. Ее накрыло мраком и через мгновение болью.

Следующим мгновением случилось видение белой волчьей морды, с которой в траву капал мрак. Зверь надвинулся, загородив лунный свет.

Все! Ужас наконец сделал свое дело. Анна потеряла сознание.

Было очень жестко и холодно. Сильно болел бок. Анна пошевелила рукой. Рядом что-то упало. Нормальные звуки немного успокоили, но вспомнилась тетя Саша, ее рваная кофта и то, что под ней. Вдруг Анна уже не человек? Клок мрака прилетевший в лицо она помнила отчетливо и дальше смутно: белого зверя и еще... ее кто-то нес на руках.

В непроглядном мраке появился узкий луч, который начал разрастаться, пока не приобрел вид распахнутой двери.

— Очухалась? — неласково спросил оттуда голос Елены.

Анна попыталась ответить и не смогла. Во рту пересохло, язык походил на деревянный брусок.

— Сука, — констатировала Елена. — Сейчас я тебя напою.

Анна лежала на ящиках с консервами в подсобке базы. Вывод сам по себе принес облегчение, сравнимое с первым глотком воздуха после утопления. Как тут оказалась, она не помнила, да оно и было не важно, важно, что в безопасности. За что Елена обозвала ее сукой? Тоже не важно! Пусть только принесет попить. Но почему ее положили в кладовой, а не в спальне? Или спальню успела занять злобная помощница, думая, что Анна уже никогда не вернется? Да и черт с ней. Воды! Елена все не шла, а когда появилась, в руках у нее дымился ковшик.

— Воды, — кое как выговорила Анна.

— Ага, вот. Попей ка...

Женщину оттеснила от двери огромная фигура. В подсобку шагнул Виктор, неловко зацепил ковшик, содержимое которого выплеснулось на пол.

— Дубина! — обругала его Елена, развернулась и кинулась вон.

— Живая, — констатировал Дуб.

— Пить...

— Сейчас, подожди маленько. Я принесу. Только ничего не бери у этой.

Он быстро вернулся со стаканом воды, приподнял твердой рукой голову Анны и напоил.

— Почему я здесь, а не у себя в комнате?

— Нужна ключ-карта. Я не нашел.

— Я ее положила в рюкзачек. Потеряла, наверное, в лесу. Это ты меня нес?

— Я. Я все видел. Только ничем не мог помочь до рассвета.

— Кто они?

— Не знаю.

— Мне страшно.

— Мне тоже.

— А будет еще страшнее! — прошипела за его спиной Елена. — Уж будь спокоен, я все доложу и про нее, и про тебя. Если хотите, чтобы я молчала, пусть она отдаст свое кольцо.

— Что тут происходит?

Силуэт мужчины загородил свет под самую притолоку.

— Юрий Борисович, как вы тут оказались? — опомнилась первой Елена.

— Прибежал какой-то мужчина постучал в окно и крикнул, что на базе плохо. Вы на работу не явились. Вот пришел посмотреть, не нужна ли помощь.

— У нас Анна Сергеевна где-то гуляла до рассвета. Ее охранник принес в совершенно

непотребном виде, — сладким голосом сообщила Елена. — Ключ-карту она потеряла, а больше положить нашу гулену некуда. Но уже, кажется, все в порядке. Не стоит беспокоиться. Пойдемте, я вас чаем напою. Нам же на работу. Там, наверное, люди ждут.

— Может быть, я все-таки осмотрю женщину? А Вы, Елена, в сама деле идите в амбулаторию. Посторонись-ка, любезный.

Врач вошел, стало больше света. На мгновение две тени слились, Елена выскользнула из кладовой. Виктор попятился, освобождая место, но не ушел, остался на страже. Аня попыталась сесть и охнула. В боку зашевелилась острая иголка.

— Что с вами случилось?

Врач присел на ящик рядом с Анной. Высокий подтянутый, среднего возраста. Его профиль напоминал древнюю монету: высокий лоб, тонкий крючковатый нос, узкий крутой подбородок. Волосы рассыпались надо лбом на две стороны и поблескивали в полумраке сединой.

— Я заблудилась в лесу. Залезла на дерево и кажется упала с него. Больше ничего не помню.

Мягкие длинные пальцы прошли по ее бокам, нащупали болезненную точку, переместились на крылья таза.

— Так больно?

— Нет.

— А так?

— Нет. Только ребра, где вы надавили.

— При дыхании боль есть?

— Нет. Только, когда шевелюсь.

— Ну и замечательно. Отделались легким ушибом. Полежать пару дней, и все пройдет. Но желательно не здесь. Как-то тут неудобно. Где ваша комната?

— Я в лесу потеряла свой рюкзачек. Там ключ. Без него...

— Я пойду, поищу, — прогудел от двери Виктор.

Как только охранник удалился Юрий Борисович без спроса легко поднял Анну и вынес из темной кладовой.

— Где у вас кухня?

— Дальше по коридору, — проблеяла болящая.

Голос перехватило. Врач донес ее до мягкого табурета и аккуратно усадил, а сам отвернулся к плите.

— Вот. Пейте.

На столе перед ней встала огромная чашка с чаем.

— Я добавил холодной воды, а то еще обожжетесь. Пейте.

Анна всосала всю чашку единым духом. Сразу отпустила внутренняя дрожь, и даже захотелось есть.

— Есть пока, не советую, — как подслушал доктор.

— Я вас однажды видела у колодца, — сообщила Анна. — Издалека, когда подошла, вас уже там не было.

— Тетки тут забавные. Все в халатах. А мужчин, считай, и нет.

— Парочку из-за покосившегося забора не встречали?

— Деда с внучкой? Видел однажды. Ребенок куда-то тащил старикашку. Я позвал. Они не откликнулись.

Перед Анной был нормальный человек. Тетки его забавляли, Сивуха и Полина даже тени сомнений не вызвали. Что если Анна банально сошла с ума? Что если бесы и русалки плод исключительно ее воображения? А веточка за ухом охранника Виктора мерещится!

По коридору пробухали шаги. Дуб-охранник ввалился в кухню с Аниным рюкзаком в руках.

— Нашел!

— Ну мне пора, — поднялся Юрий Борисович. — До комнаты сами дойдете?

— Уже да... наверное.

Врач двинулся из кухни. Виктор распластался по стене, пропуская. Кожа на его щеках как-то особенно позеленела и приобрела обычный желтоватый оттенок, только когда хлопнула входная дверь.

— Точно сама дойдешь? — уточнил он, поворачиваясь к Анне.

Она дошла, отыскал ключ-карту, открыла дверь и наконец оказалась в нормальной постели под одеялом.

Сразу сморил сон. Ничего не болело. Анна перевернулась на бок и тут же провалилась в темноту без сновидений.

\* \* \*

Она не сошла с ума! Все, что с ней происходило, имело реальную основу. Она была, но Эти в купе с русалками и утопленниками тоже были!

Вывод по пробуждении явился сам собой и потащил следом нехорошие подозрения. Если с Еленой почти с самого начала все было ясно, то добрый доктор, которого так хотелось предупредить о странностях места их нынешнего пребывания, не казался теперь таким уж наивным. Он тоже происходил из команды противника, только был не так прямолинеен? Если они с Еленой работали в паре, чем не тандем: плохой следователь — хороший следователь?

Лабораторные образцы, набранные за два дня, как обычно лежали в контейнерах. Анна взялась за них, лишь бы себя занять. По большому счету можно было вообще не заходить в лабораторию, но многолетняя привычка не позволила, послать обязанности к черту. Вот и сидела, пялилась сначала в окуляр микроскопа, потом в монитор. Все как обычно... почти. Во всех последних пробах обозначилось защелачивание. Даже в биологических образцах отмечался сдвиг pH.

Гипотеза возникла сама собой, Анна не вдумывалась. Идея прошла фоном. Хозяева «Нутридана» или чего там еще пытаются понять, какие изменения предшествуют появлению купальского родника. Зачем еще изо дня в день брать пробы с одного и того же места? Возможно именно там родник бил в прошлом году. Тогда — да. Тогда и она станет тщательнее изучать образцы. Вон уже и Елена вернулась, гремит посудой на кухне. В лабораторию не суется, справедливо полагая, что может получить в лоб. Пусть себе гремит. К ее стряпне Анна больше не прикоснется. Есть кладовая. Но если злобная тварь закроет ее на ключ, может стать совсем кисло. Желудок скрутило голодным спазмом.

Анна еще раз все перепроверила, записала результаты в журнал и выползла на поиски съестного. Кладовая, естественно, оказалась запертой. Елена выглянула из кухни.

— Откройте, — потребовала Анна.

— Замок заклинило. Не открывается. Будете есть, что я приготовила, — только раздвоенный язык не высунулся.

— Не буду. А дверь просто взломаю. Можете прямо сейчас бежать докладывать.

Интересно, чем она станет ломать дверь? Ничего похожего на шанцевый инструмент в жилой части базы Анна не видела. Разве попросить Виктора. Но за окном вечерело. Зеленые скорее всего, ушли в лес.

— О! Вы уже встали. Рад за вас. Смотрите, девочки, что я вам принес.

Длинноногий Юрий Борисович преодолел коридор в три шага, на ходу распахивая сумку. В ней булькало молоко в банке и бугрился каравай, рядом с которым в промасленной бумаге лежал кусок чего-то копченого.

— Как вы вошли? — потребовала Елена, забыв подпустить в голос патоки.

— А там открыто. Калитка настежь. Я ее притворил. Вы знаете, что ваш забор бьется током?

— Опять охранник не запер! — заключила Елена. — Дубина!

— Торопился, наверное, — беззаботно отмахнулся Юрий Борисович. — Пошли на кухню.

В котелке на плите, что-то кипело. Запах был приятный, но Анна ни за что не стала бы это есть. С Елены станется, подмешать в пищу снотворное и стянуть у сонной Анны кольцо с пальца. Травить ее насмерть, она вряд ли решится.

В пакете оказалась копченая рыбина. Анна чуть слюной не захлебнулась, пока доктор ее чистил и резал.

— Это вы сами поймали? — заглянула ему в глаза Елена.

— Да что вы! Я на такое не способен. В деревне купил. Ешьте. Должно быть вкусно.

Мысли о том, что добрый доктор может быть сообщником Елены куда-то испарились. Много ли человеку надо, дабы поменять мировоззрение? Не корми его пару дней, не давай воды, а еще посади в темный холодный погреб, и вот вам полный непротивленец. Первый кусочек рыбы со свежим хлебом улетел мгновенно. Анна потянулась за следующим, почти случайно стянула с тарелки самый большой и еще молока прихлебнула. Ночью ей станет плохо? Зато сейчас организм находился в состоянии эйфории.

— Юрий Бо...

— Просто Юрий, можно даже Юстас. Меня так... дедушка называл. А вас как звали в детстве?

— Тетя Асенькой, а мать по-разному, чаще всего девчонкой.

— А вас, Елена?

— Ленчиком, Ленусенькой, Аленкой. Выбирайте любое имя, я откликнусь с огромным удовольствием, — постаралась кухарка вытеснить Анну на периферию общения.

Доктор понимающе улыбнулся и принялся за свой кусок рыбы. Анна исподтишка его разглядывала. Лет сорока пяти или чуть больше. Широкий лоб, светлые серо-голубые глаза. Когда он улыбался на щеках собирались морщины. Но не возрастные, а какие-то очень мужские. Волосы имели странный оттенок: у корня темно-стальной, который к концам переходил в платину.

Не дожидаясь, пока женщины доедят, Юрий выплеснул из чайника остатки воды, налил свежей и поставил кипятить.

— Заварка где?

— Ой, а у меня есть травки, — влезла Елена, чуть не подавившись последним

куском. — С ними будет вкуснее.

— Леночка, не все травы одинаково полезны. Давайте, просто чай. Очень пить после рыбки хочется.

— Да, конечно, давайте.

Он Елене нравился и в то же время раздражал. Женщина поднялась из-за стола одернула и без того туго натянутый топик, так что в декольте показался край лифчика. Очень короткая юбка открывала идеальные для ее возраста ноги. Анна никогда в жизни не решилась бы на такую провокацию.

Вот и отправляйся спать. Попьешь чайку, и под одеяло. А эти пусть дальше на кухне воркуют. Доктор уже точно никуда не пойдет, темно на дворе. Тут останется. Спать, кроме кухаркиной постели негде. Договорятся!

Аня вдруг неожиданно для себя широко улыбнулась. Она, оказывается, злится. Или завидует? Ну, нет. До этого пока не дошло. Хотя... хотя...

— А почему дедушка так вас называл? — спросила Елена.

Двигаясь к плите она как бы ненароком задела Юрия бюстом. Тот посторонился, не выпуская заварного чайничка из рук.

— Он и сейчас меня так называет.

— Он юрист? — хохотнула развеселившаяся Анна.

— Скорее, философ. О, чай должен уже завариться. Давайте попьем и мне пора.

— Вы уходите? Но, там же темно!

Домоправительница, кажется, была по-настоящему обескуражена.

— У меня есть фонарик. Добегу, как-нибудь, — беззаботно откликнулся доктор. — Кстати, я днем забыл у вас в кладовой свой фонендоскоп.

— Там замок сломался, не открывается, — влезла Анна, подталкивая мужчину к единственно правильному решению.

— Отвертка найдется? Хотя, вот нож. Откроем.

Дверь клацнула секунды через три.

— Я оттуда прихватил печенья. Вы не против?

— Что с замком? — поинтересовалась глуповатая Анна.

— А черт его знает. Я на всякий случай заклинил язычок, а то вы без припасов останетесь. Чай вкусный, печенья замечательное, а вы, девушки, вообще волшебницы. Я побежал. Елена не опаздывайте завтра на работу.

Юрий Борисович пошел к выходу. Анна потащила следом, исключительно, чтобы проверить заперта ли внешняя калитка. Доктор намотал на руку куртку и толкнул железную створку под напряжением. Запахло паленым. Юстас вышел за контур, встряхнул прожженную куртку.

— Обидно, но в темноте и так сойдет.

— Я сейчас поищу какую-нибудь ветку, — засуетилась Анна. — Иначе ворота не закрыть.

Возле скамейки валялся изогнутый сухой прут. Анна наклонилась и краем глаза заметила, как Юстас толкнул пальцем калитку, запор клацнул. Палец при этом засветился зеленым. Юрий Борисович спрятал его под курткой.

— Она сама захлопнулась, — сообщил доктор, обернувшись Анне. — Спокойной ночи.

— И вам... добраться без происшествий.

Пожелание вылетело на автомате. Двести двадцать — это вам не абы что. Ночные

обитатели зачумленного села должны такой десятой дорогой обходить. Анна сама примерилась коснуться калитки, но прислушавшись к ровному гулу и потрескиваниям, передумала. Что можно Юстасу, не пройдет даром тихой козе вроде нее.

Дверь в дом стояла нараспашку, оттуда на дорожку выпадал ровный четырехугольник света. Анна опустилась на скамейку, на которой обычно проводила свободное время с книгой. Ее вдруг посетило странное ощущение свободы. До сего момента вокруг существовала невидимая пелена или вернее сеть. Она вроде и не сковывала, но не давала дышать в полную силу. И в одночасье исчезла.

За спиной отцветал сумасшедший жасминовый куст. Слегка кружилась голова от густого как сироп аромата.

Она поняла, что больше не боится. Елена, женщины в поселке и даже Виктор ей представились очень маленькими, только за краем их небольшого круга стояли в полный рост доктор и берегиня. Анна вдруг расхохоталась. От ощущения силы, от свободы, от того, что только вот узнала тайну доктора, которого дедушка когда-то прозвал Юстасом.

Из помещения донесся вой и соединился с ее смехом в причудливую какофонию шакалей песни. Анна сорвалась со скамейки.

На стене коридора рядом с дверью в ее спальню висел старый телефонный аппарат. Елена сидела против него на корточках и завывала.

— И всего-то! — опять расхохоталась Анна, подошла и сняла трубку.

Там немного помолчали и подышали, после чего щелкнул отбой и понеслись короткие гудки. Анна аккуратно пристроила тяжелую трубку на раздвоенный крючок. Елена сидела на корточках сильно зажмурившись.

— Чего вы так испугались? Это только телефон. Он скоро исчезнет. О уже! Можете открывать глаза.

— Что это было?

— Думаю, безвредная галлюцинация.

— Какая галлюцинация?! — заорала Елена. — Этого не может быть.

— А русалки в озере, бесы в деревне, деревянные люди в обслуге вас не смущают? Вы же знаете больше моего, от чего такой переполох?

Елена поднялась, шаркая о стенку спиной, развернулась и молча пошла на кухню.

«Пять коней подарил мне мой друг Люцифер...»

\* \* \*

А на завтра в раскрытое окно лаборатории ворвался подозрительный гул. Анна оторвалась от своих журналов и пошла посмотреть новую напасть.

Нет, ну в интернете она такое видела конечно, но принимала за вести с полей какой-нибудь Канзастчины или австралийские приколы. На просторах родной страны пока такого не летало. У ворот мужчина в прикиде байкера освобождался от лямок портативного двигателя. Елена не очень торопилась отпирать калитку, кажется она была поражена не меньше Анны. Это просто прилетело. Оно было довольно высокого роста и видимо все же мужчиной. Хотя женщины под метр девяносто тоже не редкость.

— Вы к нам? — спросила кухарка сквозь изгородь.

— Нет. На соседнее болото.

Гость расстегнул замки шлема и стащил его с головы. Мужчина. С ног до головы его обтягивал костюмом с упругими вставками. Чтобы мягче падать? Хотя на какой высоте летать.

— Открывайте, — потребовал гость.

Ранец с двигателем он втащил за ляжки, бросил под лавочку и уткнулся носом в недоцветший жасминовый куст.

— Я-то думал тут три елки и две кочки, а оно — просто рай. Давайте знакомиться. Меня зовут Сергей Аркадьевич. Можно просто Сергей.

— А дедушка вас как называл в детстве? — прыснула в кулак биохимик.

— Серым он меня называл. Вы Анна? А вы Елена?

Бесцеремонный гость без приглашения прошел в дом и тут же в коридоре начал стаскивать свои доспехи. Под ними оказалась униформа «Нутридана». Елена мгновенно расслабилась. Анна задумалась. Предыдущий проверяющий прибыл и убыл на вездеходе. Машина даже к деревне не спускалась. Бледнолицый Станислав топал к ним с соседнего холма по бездорожью, что сильно утомило офисного работника, от того и злобствовал, надо полагать. Этот летун походил на клерка как ахалтекинец на левретку.

— Где у вас душевая? — нахально потребовал гость.

Вполне, кстати, обосновано — спину ему облепила насквозь мокрая рубашка.

— Пойдемте, я вас провожу, — тут же подсуетилась Елена.

— Пойдите, — окликнула Анна.

Она заглянула в кладовую и вытянула из стопки хлопковый лабораторный костюм. Ими никто пока не пользовался.

— Благодарю, — равнодушно откликнулся Сергей и пошел в комнату прислуги наводить гигиену.

Елена метнулась на кухню: готовить, сервировать и далее ублажать до полного растворения. Надменный летун вызвал у Анны осторожное недоумение. Если предыдущий товарищ был с Еленой накоротке, этот видел тетку в первый раз. Не исключено, он прилетел с самых верхов «Нутридана». Там припомнили ее демарш с осиновым колом и прислали самого главного борца со строптивыми научными кадрами?

Анна пошла в свою комнату, достала кол и повесила на пояс. Она не станет больше подыгрывать всяким разным. Все уже почти ясно. Пусть гость, кто бы он ни был, видит оружие.

Костюмчик пришелся точно впору. Под тонкой тканью отчетливо проступал рельеф. У Макса было очень красивое тело, мышцы перекачивались под кожей, но почему-то напоминали ватные шары. А этот будто всю жизнь мешки таскал!

Из душевой Сергей проследовал на кухню. Анну не звали, она сама пришла. Не то чтобы сильно хотелось есть, скорее — уже до конца прояснить диспозицию.

Сергей вынул из нагрудного кармашка айфон.

— Здесь нет связи, — напомнила Анна.

— Это не телефон, — отозвался гость, не отрываясь от экрана. — Что у вас вчера произошло?

Елена чуть не уронила тарелку с супом, покачнулась, обрела равновесие, поставила на стол и уселась на свое место. Анна не стала церемониться, налила себе сама. Что можно

есть проверяющему никоим образом не повредит и ей. Елена только глазом зыркнула.

— Вчера ночью на стене коридора появился телефон, — отрапортовала кухарка.

— Ладно, сейчас посмотрим, — кивнул гость и взялся за ложку. — Вам, — кивнул он Анне, — это есть не советую. В суп бросили ветку прыщавника розоцветного. Знаете, что это такое?

— Нет.

— Сильно повышает уровень тестостерона. Пара ложек и у вас к утру борода вырастет.

— А у вас?

— У меня, все что надо давно выросло, в дополнительной стимуляции не нуждается.

Он быстро как очень голодный человек начал работать ложкой. Елена сидела, уставившись в стол. Анна видела только плотно сжатые губы, да побелевший подбородок. Молодец Юрий Борисович, вовремя сломал замок в кладовую. С такой помощницей можно к концу испытаний либо помереть голодной смертью, либо превратиться в неведому зверушку.

Анна ходила в кладовую, принесла оттуда банку консервированных ананасов и печенье. Воду из чайника наливать не стала, набрала стакан из-под крана и принялась обедать. На что Сергей Аркадьевич опять заглянул в свой айфон, кивнул и продолжил трапезу.

В нем было что-то знакомое. Нет, в жизни она таких точно не встречала. Разве в кино. Угу, человек паук, или вообще супермен. Бред. Бред сто раз! Сейчас она дохрустит печеньем и пойдет в лабораторию. Пусть мадам кухарка одна растекается перед начальством.

— Далеко собрались? — потребовал нахальный гость, когда она уже выходила с кухни.

— У меня работа.

— Подождет. Чая не надо. И не сыпьте столько зелья в еду. У меня устойчивость ко многим токсинам. Мне пофигу. Показывайте, где у вас висел телефон.

Анна ткнула пальцем в стенку у своей двери. Сергей Аркадьевич вытащил айфон поводит им над стеной, потом ладонью.

— Что вчера ели?

— Рыбу, хлеб, молоко, чай пили.

— С травками?

— Нет.

— Рыбу сами ловили?

— Доктор принес, а он в деревне купил, — обстоятельно отчиталась Анна.

— Рыба из местного озера?

— Тут других нет, — бесцеремонный допрос ее начал раздражать.

— Покажите мне лабораторию.

— А как же...? — влезла со своего шестка Елена.

— Галлюцинация. От вашего озера за пять верст разит.

— Чем?

— Мертвечиной. Где лаборатория?

Елена, естественно, потащилась за ними, но Сергей захлопнул дверь перед ее носом, достал свой многофункциональный телефон и нажал какую-то кнопку на ребре плоской панели.

— Вот приборы, вот журналы. Что вас интересует? — спросила Анна.

— Все. Так с этим понятно, это что? «Панасоник смайл»? Очень неплохо. Ага, ну-ну. Т-а-ак. Вы этим прибором пользуетесь? — указал он на сложную конструкцию из трубок и

линз в углу.

— Нет. Я вообще не знаю, что это. Начальник охраны сказал, это музейный экспонат.

— Принесите пустой пакет из кладовой.

Когда Анна вернулась, Сергей аккуратно уложил древнюю конструкцию в мешок и туго завязал.

— С этим понятно. Покажите остальные помещения.

— Да вы их уже видели. Осталась моя комната. Но там ничего интересного.

— Показывайте.

Он пропустил Анну вперед, выпятился из комнаты, на пороге достал свой айфон и снова нажал кнопку на ребре панели.

Находку можно было считать маленькой победой. Сколько он бегал за этим морфотизатором? Вечность! Осталось найти еще один. Придется задержаться и все досконально проверить. Собственно, спешить пока было некуда. Жаль, обычной связи тут нет, а собственной пользоваться — себе дороже. Тут же засекут, активизируются, набегут и начнут отслеживать, просеивая сквозь мелкое сито. А оно ему надо? Неа. Так проживем. Если поднимется волна, он-то вывернется. Не впервой. А тетки? Интересная кстати, парочка. Одна инициированная ведьма, ведунья, травница и некромантка. Но слабовата. Вторая — будто вчера родилась — ни пятнышка, ни червоточинки, а потенциальная сила тянет на пятый, если не на четвертый уровень. И колечко у нее заметное. Сергей слышал про это колечко. Только не его это дело. Пусть, те кому положено, за ним гоняются. У каждого своя работа.

Интересно, почему она спросила, как его называл дед? Интуиция? Скорее всего. Только не задавала бы она лишних вопросов. Не им сказано и не вчера: много знаешь, плохо спишь. Кстати, вопрос о том, где он будет ночевать пока оставался открытым. Поселить женщин в одну комнату не получится. Они друг друга на дух не переносят. В кладовой Сергей заметил упаковку с надувным матрасом. Можно, конечно, расположиться в комнатке с припасами. Но там нет окон. Ни тебе проветрить, ни выйти незаметно. Можно спать с открытой дверью, только элементарный комфорт необходим даже ему. По нужде ходить под кустик как-то не комильфо. Придется проситься на постой. К ведьме — удобнее во всех отношениях: пустит, обогреет, обласкает, попытается даже привязать чем ни то. Сыпанула же она ему в суп приворотного зелья, не исключено, будет продолжать в том же духе. Можно у нее переночевать пару раз, а потом перебраться к рыжей простушке. Ага, так она его и пустила. С этой, пожалуй, станется, послать высокого гостя, которому заблажило прыгнуть из одной койки в другую. Но даже случись договориться, черная ее тогда точно со свету сживет.

Сергей пребывал на лавочке под сенью жасминового куста. Вроде все сроки прошли, а этот все еще полыхал. Ну да места тут вовсе необычные. Одно ближнее озерцо чего стоило. Даже сюда накатывало. А вот второе озеро следовало прояснить. Над ним поднималась едва ощутимая радуга. Обычному глазу оно не заметно. Но у него то как раз глаз был вполне себе непростой, а наметанный.

Решение проблемы с ночлегом явилось само собой. Ни к кому он подселиться не станет. Переночует в лесу.

Дверь в комнату биохимика оказалась закрытой. Хотелось застать ее врасплох, вот и ломанулся, но пришлось стучать и ждать пока отопрут. А на улице между тем уже хорошо вечерело.

— Что вы хотели? — рыжая держала наперевес осиновый кол.

— Откройте мне пожалуйста калитку своей ключ-картой.

— Поздно уже. Здесь не рекомендуется гулять по темноте, — она заметно расслабилась, но кол не опустила.

— Ну так одолжите мне ваше оружие, с ним будет спокойнее.

— Нет!

— Вас успели сильно напугать? Но у вас же кольцо. С ним...

— Если Эти кинутся всей сворой, даже оно не сможет защитить.

— Эти — население деревеньки?

— Не все. Зачем вы мне голову морочите? Если вас прислали из «Нутридана», должны были проинструктировать.

— Значит, не дадите. Ну как-нибудь обойдусь. Воротца-то откроете?

Женщина попятилась, будто опасаясь нападения, нашарила рюкзачок на столе и вытащила карту. Переступить порог своей комнаты она ему так и не позволила. Когда уже подошли к воротам, Сергей смиренно попросил:

— Обрато пустите?

— Предупреждаю, у меня есть прибор, который в темноте позволяет отличить живых от... не совсем. Если ваш внешний вид не будет соответствовать, останетесь снаружи.

А вот это уже было никчему. Мало ли что она увидит. Может даже то, что видеть ей совсем не обязательно. Хотя, хорошо, что предупредила. Он просто усилит защиту. Вряд ли у нее найдется анализатор второго уровня. Вот тебе и тихоня. Однако, боится по-настоящему, не наигрывает. Она вообще вся настоящая. Таких почти и не осталось уже. Бедная, как же ее угораздило сюда вляпаться!

Случайность, или ее целенаправленно загнали на этот островок зыбкой реальности? Об этом Сергей думал всю дорогу до ближнего лесочка, но прямо на опушке посторонние мысли махом вылетели из головы. Три корявые осинки стояли в рядок. Можно было даже свой многофункциональный анализатор не доставать. Пришли недавно и укоренились, где придется. Корни вгрызлись в рыхлую землю, размочалив походу траву и палые прошлогодние листья. Сергей закрыл глаза и прислушался. Осины едва слышно переговаривались: «Видишь? Вижу. Кто? Кто? Кто?»

Проверяющий в казенном пальто! Не могли их модифицировать при помощи кустарной безделушки. Значит использовали настоящий прибор. И он тут!

Захотелось как в детстве пасть в траву и валяться, дрыгая ногами и руками. Нашел! Теперь хоть снег на голову, хоть камни с неба, хоть нашествие диких трав, он прибор добудет.

Давно в самом начале поисков ему удалось подобраться к нему совсем близко. Его тогда опередили. Самое обидное, что даже отчетливого следа не осталось. Пришлось начинать все сначала. Сергея, конечно никто ни в чем не винил. Реквизитор только укоризненно покачал головой, да велел искать дальше.

Прибор был результатом труда всей жизни одного сумасшедшего изобретателя. Сам он давно почил, а прибор с той поры менял своих хозяев, никому, кстати, не принеся ни славы, ни власти, ни богатства, зато регулярно засоряя прилежащее пространство модификантом. Его даже попытались скопировать.

«Где надо» постановили: изъять, как опасный артефакт.

\* \* \*

Он тогда был молод и просто шел по следу как собака, полагая, что впереди вечность. С возрастом и с тем, что поиск затягивался, появилось нетерпеливое раздражение. Серый его не выказывал, даже когда в очередной раз журили, дескать опять нет результата. Ему просто надоела эта бесконечная гонка по Ойкумене. Прибор, будто заговоренный постоянно уходил из рук. Следы путались, один сектор сменялся другим и все повторялось.

А еще следовало оставлять как можно меньше собственных следов. Ладно, если сектор вроде этого похож на проходной двор. В иных местах сам момент входа был связан с такими сложностями, что и камнем придорожным случалось прикидываться. Пару раз Серый замечал к себе повышенный интерес оппонентов. В таких случаях следовало сворачивать поиск и просто уходить в нейтральное пространство. Даже кураторы считали чудом, что противник пока не понял, что именно он ищет.

Будь здесь нормальная связь, он бы уже дал знать, кому следует и не чинясь — те времена остались в далекой юности — попросил помощи. Но чего нет, того нет. Рассчитывать следовало только на себя.

Небо уже основательно затянуло. Ветер тащил под кроны холодную сырость. Вдалеке полыхнуло и грохнул раскат.

Дед назвал его Серым. Были еще Пегий и Рыжий. Три брата — последняя надежда семьи. Они кочевали нигде не задерживаясь подолгу. Иногда удавалось поселиться рядом с людьми. Их принимали, когда равнодушно, когда настороженно, но рано или поздно все равно приходилось спешно сниматься и уходить. По всем обитаемым землям таких как они объявили вне закона.

Кому они мешали? Следуя Кодексу, они никогда не охотились на людей. Они всегда делились своей добычей и часто спасали людские поселения собственными умениями. За что?

Так и осталось неизвестным. Во время одного из переходов, когда семья забралась уже в совершенно дикие края, на них напало местное племя. Тогда удалось отбиться, но за теми землями начиналась совершенно уже неизведанное. Дед отправил их троих в разные стороны, искать место пригодное для жизни. Вторая жена отца должна была вот-вот родить. Их стало слишком мало. Каждый младенец ценился выше любых благ.

Серому выпало идти на север. Ничего кроме непролазных болот в той стороне не оказалось. Он по дороге охотился, рисовал на обрывках коры свой путь и уже собрался поворачивать, когда провалился в волчью яму.

Полет в никуда продолжался и продолжался. Даже первоначальный ужас отступил, а он все летел и летел, но уже не вниз, а по черному пространству без верха и низа и, кажется, без времени...

Воспоминания накатили совершенно не к стати. Грохотало уже в непосредственной близости, сквозь кроны деревьев начали срываться отдельные капли. Сергей прикинул, что малое озеро должно находиться где-то рядом и пошел быстрее. На склоне обязательно найдется нора, навес или еще какое укрытие.

Молния нарисовала в небе причудливое дерево и погасла. Ознобная рябь озерной воды отразила тысячу острых бликов. Гром прогремел чуть погодя. Серый успел досчитать до шести. Следовало срочно найти укрытие. Таким как он оставаться в грозу под открытым небом мягко говоря не рекомендовалось.

Он хорошо видел в темноте, да толку-то! Склон сплошь порос короткой мягкой травкой. Ни пещерки, ни навеса. Единственное, что удалось разглядеть — шалашик у самой воды. Серый рванул в ту сторону. С неба так и падали отдельные капли, сухая гроза полыхала уже совсем близко.

Где-то на пределе слышимости раздался дружный вой. Не волки, вообще не звери. Там

завывали порубежные твари.

Из шалашика первой выбралась женщина. Она подхватила руками большой живот и пошла в воду. Следом выскочил мужчина. Вместе с ним в озеро полезло нечто. Судя по тому, что оно подхрюкивало и подвизгивало, все же поросенок.

— Идите за нами, — крикнул Серому мужчина. — Тут они вас не достанут.

Они меня нигде не достанут! Верх глупости купаться в грозу...

В следующую секунду, даже долю секунды, Сергей сгруппировался и чуть ли не с середины склона прыгнул в воду. Дно оказалось топким как каша-размазня! Но каша, утыканная корягами. За одну из них он уцепился и терпел, пока хватало воздуха в легких. Выныривание грозило мгновенной смертью. Он дотерпел до зеленых кругов, которые разбежались под закрытыми веками, ринулся на поверхность, схватил полную грудь воздуха и опять ушел на глубину.

Вот оно! Рано обрадовался. Нашел он. Не исключено, что как раз его-то и нашли. Почему каждый раз, когда он вплотную приближался к цели поиска, происходило что-нибудь из ряда вон, что отбрасывало его в самое начало? А на данный момент могло вообще испепелить, аннигилировать, уничтожить...

Рядом кто-то появился. Сергей зашарил в воде руками и наткнулся на покрытый щетиной бок. Поросенок хрюкнул, будто и не на глубине бултыхался, ухватил Сергея за рубашку и потащил вверх. Сопротивляться сил не осталось.

Вынырнул Серый почти в бессознательном состоянии. По глазам резанул бритвенный свет звезд. Грозовая туча улетала. За ее быстро удаляющимся краем уже обозначился размытый лунный свет. Две головы выглядывали из воды на небольшом удалении. Поросенок плыл к своим. Вдруг он развернулся и истошно взвизгнул. Сергей не рассуждая ушел в воду, успев краем глаза заметить синий сполох совсем рядом.

Когда его в очередной раз ухватили за рубашку и потянули на воздух, даже мысли о сопротивлении не возникло. Только дышать! Вынырнув, он еще какое-то время просто лежал на воде, собирая сознание, мысли и чувства в кучку.

На Кромке пока бывать не приходилось. Синие огни появлялись только тут, уничтожая все, до чего могли дотянуться. От них спасали крыша над головой и вода.

Хозяева шалашика уже выбрались на берег. Поросенок плюхался на мелководье. Сергей поплыл к ним. Дна тут как бы и не было — одна сплошная жижа. Поросенок буксовал в ней, впустую перебирая короткими ножками. Мужчина с берега протянул ему длинную палку. Поросенок вцепился в нее зубами как собака. Сергей подтолкнул его под задницу. Только так удалось выволить животинку на сухое.

Когда выполз сам, понял, что обвалян в грязи от пяток до макушки, но первое что сделал, нащупал в кармане анализатор. Если выронил, в таком иле черта с два потом найдет.

— Вы можете встать? — тихонько спросила женщина. — Тут недалеко есть родник.

Тоненькое мокрое платье облепило живот. Она поглаживала его, одним для всех женщин движением — успокоить того, кто внутри.

Сергей отлепился от травы, встал на четвереньки и так двинулся за своей провожатой. Локти и колени скользили, но подняться во весь рост сил не осталось. Родник стекал в небольшую заводь с твердым дном. Серый влез в воду по макушку и почувствовал, как с него сползает грязная, успевшая уже кое-где схватиться корка. По краешку заводи скакал поросенок с распоротым брюхом. Женщина его подозвала и нарядила в веселенький фартучек, завязав на спине ряд бантиков.

— Я пойду.

Он встал наконец в полный рост. Женщина доходила ему макушкой до груди. Мужчина чуть повыше. Оба бледные. Понятно, кто они. Только он все равно чувствовал исходившее от них тепло.

— Они редко прилетают, — пояснил зачем-то мужчина. — Мы каждый раз прячемся.

— Они не любят воду, — зачем-то согласился Сергей.

Очень далеко, на краю тьмы небо стало серым, предвещая рассвет. Ему в след смотрели трое. На верху косогора он обернулся. Утопленник обнимал мавку за плечи. Поросенок терся об его ногу.

— Фартучек у него красивый, — сказал Сергей.

— Нам его женщина подарила из большого дома на холме, — улыбнулась мавка. — А еще сказала, пеленку для ребеночка принесет.

Ай да тихоня! Или не она? Она! Черная скорее бы удавилась. Обе боятся. Только страхи у них разные.

В ботинках хлюпало. Снять что ли? Но идти предстояло еще далеко. Доковыляет как-нибудь. На пути оказалась поляна с примятой травой. Тут недавно произошел бой. Флюиды той схватки еще летали над истрепанными стеблями. Сергей достал анализатор. Встретились двое. О, и еще кто-то тут побывал. Он подошел к раскидистому дубу на дальнем краю поляны и аж присвистнул. И тут отметилась! Над головой вдруг отчетливо кашлянули.

В коре высоко над землей начало проступать лицо. Оно становилось одновременно отчетливее и ближе. Листья и ветви как бы складывались, сливались узором, чтобы в конце превратиться в рисунок камуфляжной формы.

— Рассвет, — пояснил дуб. — Пора на работу.

— Ты кто? — тупо поинтересовался Сергей.

— Начальник охраны объекта. А кто ты?

— Проверяющий...

— Женщинам ври.

— Я просто из другой конторы.

— Из головной что ли?

— Ага. Из самой, что ни на есть.

— Зачем сюда пожаловал?

Дуб-человек развернулся и расставил руки, вознамерившись не пустить высокого гостя, а то и вовсе изловить. Сергей решил. С одной стороны существовала вероятность получить полный облом в виде команды модификантов, которые станут до последнего защищать вверенный объект. С другой — поддержку. С этим громилой он если и не справится, сумеет уйти, оторваться, по любому остаться целым. Человека-дерево убить очень сложно...

— Тут творятся странные дела, — зашел он издалика.

— Кто бы спорил, — подтвердил дуб.

— Ты тут давно?

— Два года.

— Таким уже сюда попал?

— Значит так, — проигнорировал последний вопрос дуб. — Разбирайся сам с местными непонятками, но предупреждаю, тронешь Анну, я тебя убью.

И потопал на опушку, будить свою команду — ни тебе противник, ни союзник.

Калитка стояла нараспашку, дверь базы тоже. Не иначе начальник охраны озаботился.

Сергей прошел в коридор, сделал шаг к кухне, развернулся и без стука ввалился в комнату Анны.

— Что вам нужно!?

Она стояла у двери душевой в коротком халатике. Мокрые темные кудряшки подсвечивало утреннее солнце.

— Принесите мне другой костюм и свежее полотенце.

— Сами принесете, — озлилась рыжая.

— Если я отсюда выйду, вы запрете дверь и обратно уже не пустите.

— Разумеется.

— А мне надо принять душ. Желательно теплый. Я полночи в озере просидел в компании ваших знакомых с поросенком. Он мне, кстати, жизнь спас.

Под ноги уже натекла грязная лужица с непросохшей одежды и мокрых ботинок. Анна выскочила из комнаты и тут же вернулась с требуемым. Серый, не спрашивая разрешения, шагнул в душевую и запер за собой дверь. А после с тем же нестерпимым нахальством свалился в ее кровать и уснул. Даже для его могучего организма оно было немножко множко. Он таким образом проспал встречу Анны, которая направлялась в лабораторию к ежедневному присутствию и кухарки, которая спешила к месту службы в деревню.

\* \* \*

— Где проверяющий? — потребовала Елена.

Анна на нее даже не взглянула. Тетка выругалась и ускакала. Утренняя процедура прошла без каких-либо нарушений. «План-наряд». «Получите». Виктор только чуть задержался, но тут же канул.

\* \* \*

— Что произошло ночью? — потребовала Анна.

Она сидела на своей лавочке под жасмином. Серый выбрался на солнышко с чашкой чая в руках, когда время уже подходило к обеду.

— Пограничники.

— Тут до ближайшей границы тысяча верст.

— Не все границы одинаково видны, — заявил Сергей тоном воспитателя детского сада. — Их еще называют синими огнями. Контакт смертелен. Жгут все, что попадает по пути. Не приходилось встречать?

— Видела однажды из окна вспышку. Что это?

— Неподконтрольное по большому счету явление, призванное исключить контакт с экзоселенной.

— Кому неподконтрольное?

— А практически никому.

— Даже «Нутридану»?

— Это контора, которая считает себя тут хозяйкой? Им еще в меньшей степени, чем куда более мощным силам.

— Хватит! — вдруг рывкнула тихоня биохимик. — Хватит морочить мне голову. Кто вы? Вы же прилетели в форме той самой конторы. Ведете себя...

— Форму я купил. Кстати, где она?

— Спросите у Елены.

— Боюсь с костюмчиком придется распрощаться. Ваша прислуга разбирается в травах, да и в грубой ворожке тоже. С нее станется иголок в швы натолкать...

— Зачем? — натурально удивилась Анна.

— Чтобы извести или подчинить, или навести любовную порчу. Мало ли, что ей придет в голову. У таких в ход идут любые средства.

— Думаю, — заговорила Анна, глядя себе под ноги, — на случай форсмажора существует тревожная кнопка. Я вообще решила, что вы прилетели из-за того телефона на стене. Мадам перепугалась до синего ужаса. Хотя, спустись в деревню, там жутики пострашнее на каждом шагу.

— Сейчас поищем.

Серый достал из нагрудного карманчика анализатор. Если на базе есть автономное передающее и принимающее устройство, оно обязательно обнаружится.

— Что это? — потребовала Анна.

— Прибор, — отозвался он, не отрываясь от монитора.

— А позвонить по нему можно? — робко попросила женщина.

— К сожалению, нет. Самому связь нужна. Однако, никакой тревожной кнопки в пределах базы нет, — он отправил анализатор в карман. — Полная автономия. Ваша помощница возвращается. Жаль не успели поговорить.

— Вы вообще кто? — напоследок успела спросить Анна.

— Серый.

\* \* \*

Коня пришлось вести в поводу. Он еще вчера потеряла подкову и захромал. На копыте с самого краю оказалась небольшая трещина. Вроде ничего страшного, Серый куда надо и пешком дойдет. Только как бросить лошадь, к которой успел привыкнуть, но, главное, которая не шарахалась от него самого?

Когда не капало с неба, висел такой туман, что приходилось просто останавливаться. Потерять во мгле дорогу — вообще ее больше не найдешь. Никогда и ни при каких обстоятельствах. Потому как имелась она и всего-то одна, да к тому же изрядно заросшая. Не природный бы нюх, он бы и эту не нашел. Не посещались здешние края в последнее время. И что характерно, едва заметные следы людей вели только отсюда, сюда — не попадались пока вообще.

За месяц ему встретилось всего два крохотных лесных поселения. Оба за высокими заборами. Оно и понятно, поживи-ка на отшибе, будешь пуще глаза блюсти свое добро и чад с домочадцами.

В первой веси ему не открыли. Никто вообще на стук не отозвался. Из-за высокого забора долетало только редкое бляение да мычание. Судя по наличию скотины, насельники тут не бедствовали, но и отпирать кому ни попадя не торопились. Значит безопасность считали дороже любых денег, которые мог отвалить усталый путник.

Во второй веси на стук в монументальные ворота откликнулся густой бас.

— Кто таков?

— Путник. Иду в Нордгау, наниматься к тамошнему синьору на службу, — покладисто отозвался Серый. — Пустите переночевать. Я заплачу.

— Отколе идешь?

— Из Льежа.

— Как прозываешься?

— Лука де Ги.

— А у вас в Льеже все такие дурные, или только ты?

— Зачем обижаешь, добрый хозяин?

— Вымер твой Нордгау. Али до Льежа еще слухи не дошли?

— Я весной человека встретил в трактире, он мне про тамошнего синьора рассказал, будто тот нанимает людей. Целый отряд собрался. Я от них приотстал вот один и добираюсь.

— Не было тут никакого отряда. Они, если что, по южной дороге пошли. Да и возвернулись уже, поди. Вымер, говорю, Нордгау. А синьор точно собирал людей, да только ты припоздал суетиться. Год уже как там другие правят.

— Кто не знаешь?

— И знать не хочу. Оттуда мало кто спасся. А которые остались... не знаю, врут ли, правду ли говорят, что новые господа там над людьми страшное колдовство творят. Так что поворачивай, откуда пришел.

— Пусти переночевать. Мне бы обогреться и коня подковать. Плачу серебром.

На той стороне крепко задумались. Мужик точно не уходил, скрипел кожей, чем-то звенел, вздыхал. Серебра тут ходило мало. При случае на монетку можно было пару коров купить.

— Вот пуцу я тебя, а ты меня зарежешь. Серебро — оно конечно. Да только жизнь дороже.

— Я слово даю.

— Эка! Кто ж нынче слову верит?! Или ты Старому Кодексу присягал?

— Присягал.

— Отчитайся.

Серый на одном дыхании выдал формулу клятвы. Она считалась священной и даже в нынешние смутные времена имела вес. Человек, нарушивший такую клятву, становился вне закона.

— От же напасть. Как тебя пустить? А как не пустить? Ладно, ворота я тебе открою, да только ты мне тут же все оружие отдашь. Будешь уходить, я тебе его верну.

— Тогда и ты, добрый хозяин, мне отчитайся.

Бас за воротами еще покряхтел, но клятву принес от первого до последнего слова.

— Принимаю, — откликнулся Серый.

С той стороны застучали железом, ворота дрогнули, и створка на чуток отошла. Серый просунул в образовавшийся просвет меч в ножнах. Хозяин принял и распахнул двери настежь.

Пока Серый заводил коня, его успели окружить.

— Коня мальчишкам отдай, обиходят, а сам за мной иди в дом. Сыро, спасу нет. За все лето два дня солнышко светило. И сеет, и сеет.

— Грибов много будет, — поддержал беседу гость.

— Грибы? Да. На грибах зимовать придется. Ты, Лука из каких будешь?

— Вольный однощитный рыцарь.

— Наемник, стало быть.

— Можно и так сказать.

— Забирай левее, а то по колено провалишься. Размыло тут.

Двор от края до края покрывала черная жижа. Пацанва бегала босиком, утопая выше щиколотки. Хозяин месил грязь опорками, поверх которых натянул промасленные бахилы; подошел к крыльцу, стянул их и бросил тут же, на гостя неодобрительно покосился — щас грязи натащит. Серый как мог почистил сапоги, перешагнул порог и понял, придется обувь скидывать. По деревянному полу стелились чистые пестротканые дорожки. Ткацкий станок занимал угол первой комнаты. Во второй стоял длинный стол с лавками по бокам, там же топилась большая удобистая печь.

Такое жилище скорее подошло бы мелкому синьору, нежели хуторянину, проживающему не просто на отшибе, а и вовсе в глуши, куда никто телят паче чаяния не гонял.

Серый присел у порога на скамеечку и стянул сапоги.

— Ага, ага. Тут и брось. Девкам скажу, отмоют и просушат. А ты вона овчинные чуни надевай. Давно в дороге-то?

— Всю жизнь.

— Я тебя не биографию спрашиваю, а интересуюсь, с какого льда ты сюда припожаловал?

— Я ж тебе доложил: иду в Нордгау.

— Брысь! Чтобы я вас не видел! — прикрикнул хозяин на двух девушек, появившихся из боковой комнаты.

Те порскнули без пререканий. Серый пока решил не снимать кольчуги. Уж очень странным оказались и дом, и сам хозяин. Одни деревянные полы чего стоили. В крестьянских домах да и в замках большинства синьоров пол забивали глиной. Чаще такими изысками вообще не заморачивались — утапывали землю и на этом все. Печь, опять же. Не делали тут таких, а ставили открытый очаг и топили по-черному. В лучшем случае, сооружали что-то вроде камина из дикого камня, в нем на крюк подвешивали котел, или приспособливали вертел. Стены очень быстро покрывала сажа. А тут бревна сруба изнутри обшили тесанными досками. Кое-где на них проступала смола.

Пока гость оглядывал углы, хозяин уселся на лавку, полез за пазуху и вытащил плоскую деревянную пластинку с зазубренным краем. В центре пластинка имела металлическую инкрустацию, рисунок которой обрывался на зазубринах. Хозяин поскреб краем пластинки невидимое пятнышко на столе, а гость аж зажмурился. Разом отпустило напряжение.

Серый вернулся в прихожую и начал стаскивать куртку и кольчугу. Гамбизон под ней сваялся до плотности кошмы и вонял соответственно. Рубашка, которую не снимал две недели тоже оставляла желать. Под ней на толстом гайтане болталась похожая пластинка. Гость стянул гайтан и протянул пайцзу хозяину. У того мало глаза на лоб не вылезли, но аккуратно принял и приставил к своей. Зубцы сошлись. Инкрустация сейчас являла собой картинку горы, из верхушки которой валил дым.

— Ну, не ожидал, так не ожидал. Дошли, значит мои послания, куда надо. Меланья, Таисья, — взревел хозяин, выбираясь из-за стола. — Одна за чистой одеждой, вторая парням

скажи, пусть баню топят. Паисия иде? О, вот и ты. Быстро на стол все, что есть. Гость у нас.

— Я, признаться, тоже не ожидал, — сознался Серый, усаживаясь за стол. — Думал опять в лесу ночевать придется. А уж встретить своего — и подавно. Мне про тебя говорили, да только место, где ты обосновался никто не знает.

— Я сам так решил. Дойдет моя писулька до Высших или не дойдет, еще вопрос, а если попадет не в те руки — опять сниматься с места. Набегался я тут. Три раза пришлось переезжать. Да и на новом месте тоже...

— Успели побеспокоить?

— А-то! Хутор на отшибе, чем не пожива.

— Судя по тому, что ты тут как сидел, так и сидишь, отбились?

— Жена случайную стрелу поймала. Да у старшей дочери мужа потеряли.

— Сколько у тебя детей?

— Восемь. Три девки остальные парни. Женить пора, да где я им столько невест наберу? И как от себя отпустить, когда в округе такие дела творятся?

— Давай про дела подробнее. Да и представился бы.

— Николаем меня зовут. Погоди, сейчас доча стол накроет, то и поговорим.

Паисия в белой вдовьей повязке быстро управилась и ушла.

— В Нордгау стихийный коридор то появляется, то исчезает, — начал Николай, наблюдая как Серый ест, сам же только поклевывал, подкладывая угощение гостю. — Я про то случайно узнал, ну и перебрался поближе. Возле самого устья, считай, поселился. С Эриком Нордгау договорились быстро. Да только он не зажился, а как помер, там синьором встал его племянник, спесивый, на кривой козе не подъедешь. С ним все договоренности пошли прахом. Пришлось мне сниматься с места и уже сюда перебираться. Вроде и не так далеко, а присмотр за коридором уже не тот. Когда там появились чужие точно сказать не могу. Года три назад стали оттуда приходить нехорошие вести, будто завел молодой синьор себе домашнего чародея, и будто с этого сильно разбогател. И ладно бы тот черноумник ему золото из помоев варил, нет, он что-то такое с людьми делал, что их потом Нордгау другим синьорам продавал и брал золотыми цехинами. Якобы у маркграфа Фердинанда в охране такой объявился: днем человек, а ночью во двор выходит и в дерево превращается. И ни стрела его не берет, ни копье, ни яд. Слышал ты про такое?

— Я собственно за этим сюда и прибыл. Сказать страшно, сколько я за тем чернокнижником гоняюсь. А с чего Нордгау начал отряд собирать? Или не поладили?

— Я как услышал про эти непонятки, прикинулся ветошью и к ним, вроде на ярмарку поехал. Пропустить-то меня пропустили, да только с самой границы смотрю, будто вымело графство. Деревни стоят пустые, замки мелких синьоров за глухими заборами — не достучишься. Я себе еду примечаю: то тут, то там вижу вроде человек, а вроде и не человек уже. Приехал на ярмарку, а торгового никакого и нет. Люди в городе за стенами прячутся, а команда из таких вот деревянных ходит и из домов их вышелушивает — налог взимают по одному живому от усадьбы. Повезло тогда, приветил меня старый знакомец, да он и рассказал, что граф сам в замке как в осаде сидит. Чернокнижник, который ему сначала сильно помог, теперь правит от его имени. Да только дружба врозь пошла. От него же узнал, что граф тайно послал человека набрать наемников. Ты верно того человека и встретил. Ну я все добро бросил и обратно выбираться пешком по лесам. Отсюда уже восточку послал. Тогда еще людишки по тракту нет-нет туда-сюда бегали. Последний, которого встретил, и рассказал, что в Нордгау теперь новый синьора, а племянник Эрика Нордгау и вовсе утонул.

Пошел купаться на речку — только его и видели. А той речки ровно по колено.

— Набег оттуда случился?

— Нет. Банда обычная. Только и таких в последнее время не стало. Вымирает край. А еще мне тот знакомец рассказал, будто люди деревья коротко живут.

— Зато их много можно наделать.

— Убить их можно?

— Спилить ночью. Из пенька тогда кровь идет. Еще можно на стволе руну вырезать, они, когда утром просыпаются на своих же нападают. С деревянными справиться можно.

Мне сам чародей нужен и машинка его, которой он людей увечит.

— Дам я тебе двоих сыновей. Осилите втроем-то?

— Нет. Там деревянных, надо полагать, уже полчища. За одну ночь не справится никто.

— Что же делать?

— Кто в самых ближних соседях у Нордгау?

— Эргау. Он-то как раз успел людей набрать и даже напасть попытался. Погнали их. Сидит теперь Эргау за стенами, носа не высовывает.

— Вот к нему я и пойду. Только делать все придется быстро и тайно. Каков человек-то?

— Жадный, туповат, но рубака. Если почует, что ему кусок отвалится, на все пойдет. Но и тебе придется все время быть настороже. В деле захвата соседских земель лишние свидетели никчему. Перекусил? Пошли в баню.

— На улицу выходить не хочется.

Серый зевнул. Упал бы прямо тут на лавку и уснул.

— Пошли, пошли. Щас, как новенький будешь.

\* \* \*

Он распарился, но не разморился, наоборот, даже некая бодрость появилась и соответственно...

— У тебя служаночка помоложе не найдется?

— Нет у нас рабов. Сами управляемся. А к тебе дочка старшая придет. Смотреть на нее сердце кровью обливается. Вчера тихонько завернула полено в тряпицу и качает. Замужем-то всего месяц пробыла. Не успела понести.

Серый сидел на лавке в предбаннике, откинувшись головой на теплую стену. Глаз не открывал. Если Николай не знает, он ему просто обязан рассказать.

— Есть махатмы, есть реквизиторы, есть первопроходцы открыватели, даже одного закрывателя знаю, есть исполнители-палачи, есть такие как ты — стражи-хранители и простые наблюдатели. А я — поисковик. Забыл из кого нас набирают?

— Не забыл.

— Тогда должен знать, чем может дело кончиться.

— Знаю.

— Дочь предупредишь?

— Нет. Если кто родится — там ведь и так, и так может быть — я все на себя возьму. Не откажи в милости.

— Какая милость! Это ты меня прости, что не таков оказался.

— Есть хочешь?

— Нет.

— Тогда иди. Тебе в дальней клетке постелили.

\* \* \*

Он опять летел по черному коридору без верха низа и времени. Понимал, что спит, но не мог справиться с ужасом.

Тогда полет оборвался внезапно. Стало светло и легко. Его качала белая вода, текущая среди белых берегов. Он понял, что умер, но все же поплыл к берегу. В его роду представляли посмертие как вечную охоту. Сейчас он выберется на твердое и все останется, как в жизни, только не будет рядом близких. Зато он обязательно встретит своих пращуров. В роду говорили, они Там ждут нового родича...

На берегу топтались двое мальчишек в светлых рубашках до пят. Серый выметнулся из воды и на всякий случай принял боевую стойку. Вдруг это и не родичи вообще? Мало ли кого Сюда заносит.

— Ты кто? — спросил тот, что ростом повыше.

Голову ему обрили. У второго во все стороны торчали золотистые патлы. В руках он держал трубку. Серый не видел раньше такого оружия. Но мальчишки не старались подобраться поближе, наоборот, бритый даже отступил на шаг.

— Я — Серый. А вы — пращуры?

— Нет. Мы ученики первой ступени. Ты тут посиди, не уходи никуда. Мы сейчас взрослых позовем.

— Зачем?

— Так положено.

Оба разом развернулись и порскнули вверх по ступенчатой дорожке.

Ага, будет он их тут дожидаться! Уроки, усвоенные с молодых ногтей,годились и в посмертии. Серый вскочил и помчался в другую сторону, на ходу освобождаясь от лишней одежды, пока не остался только в коротких штанах из рыбьей кожи и меховой безрукавке. Одежку он потом подберет, если жив останется. Могут конечно и покрасть, хотя, зачем пращурам его куртка, если тут такое тепло? Серому за всю короткую жизнь считанные разы было по-настоящему жарко. Места, в которых кочевал род, особым теплом не отличались. Иногда случались очень холодные зимы, но чаще слякотные. В лето шли дожди, редко выпускаая солнышко. В такие дни дед заставлял мальчишек раздеваться до гола и пускал под крышу, только когда солнце уходило за виднокрай. Кожа потом горела, будто просидел голым у костра. Да солнце и было небесным костром.

Значит, сделал вывод Серый он попал в небесный чертог. Люди говорили, что такие как он попадают только в подземелье, где их ждет Трехглавый. Все его описывали по-разному. Но дед говорил, что люди врут. Никто от подземного царя пока не вернулся. Про верхний мир тоже много ввали. В роду считалось, что тут всегда светит солнце, леса полны дичи, а на родичей Серого никто не охотится.

Все это он вспомнил набегу и даже поумерил ход. Если он в Верхнем мире, от кого спасается? Но вот солнца-то как раз и не было. Вместо него вокруг плавал легкий белый туман и таким же оставалось небо.

С разбегу он чуть не ударился о скалу. Берег тут обступили отвесные стены, а река

сузилась, превратившись в бурлящий поток. Серый понял, что оказался в ловушке. За спиной уже, наверное, его настигали преследователи. Прыгни в воду, она если не утопит сразу, вынесет к старому месту.

Он полез на скалу, сорвался, больно ударился спиной о камни, полез опять, перебирая руками и ногами как паук касиножка, но скоро цепляться стало не за что, и он опять сорвался. Удар о землю выбил дух. А когда вернулось сознание, Серый увидел, что у самой воды на камешке сидит древний старик в долгой белой одежде. На его плечах лежала потертая клетчатая шаль.

Серый начал отползать, но у старика не было никакого оружия. Да и будь оно, от такого он всяко отобьется. Но паника уже поселилась внутри. Мальчик приготовился бежать обратно. Он найдет склон по-положе и вскарабкается, чтобы уйти, затеряться, запутать следы...

— Не надо бежать, — сказал старик, кутаясь в свою шалочку. — Тебе тут ничего не грозит. И преследовать тебя никто не станет.

— Ты кто? — рыкнул Серый, приготовившийся на всякий случай защищаться, если его просто отвлекают.

— Я — махатма Мита. Я тут почти самый главный. А ты — испуганный подросток, который думает, что умер.

— Я не умер?

— Нет.

— Где я?

Серый не то чтобы поверил. Словам людей доверять нельзя. Но, исходившее от старика спокойствие, как-то передалось и ему. Он больше не отползал. Белый песок кое-где запачкался кровью. Ныла спина.

— Иди сюда. У тебя раны. Сейчас мы их залечим, — позвал старик и постучал сморщенной ладошкой по камню рядом с собой.

Серый попытался вскочит, но тут же упал и взвыл. Он, кажется сломал ногу. Старичок поднялся и сам к нему подошел.

— Вот какая неприятность. Ты только не бойся и не шевелись. Сейчас все пройдет.

Сморщенная рука провела по грязной коже над быстро набухающей опухолью. Кость как будто сама выправилась. Боль отступила. Но от самого прикосновения вдруг стало так хорошо, как было только, когда Серый совсем маленьким щенком припадал к соску матери.

— Вот и прекрасно, — констатировал старик. — Ты уже здоров. Пойдем. Тут и сесть-то некуда, а у воды прохлада.

Старик устроился на своем камне, Серый — рядом. Темная рука легла на его голову, и он, не понимая от чего, вдруг заплакал.

В их роду такое не прощалось даже детям, а Серый разменял уже тринадцатую весну. Но понимание того, что прежней жизни больше не будет никогда, что она осталась за водами белой реки, не давало высохнуть слезам. Он их не вытирал, пока не кончились сами. Старик терпеливо ждал.

— Где я? — наконец спросил Серый.

— В Беловодье.

— Оно где?

— Везде и нигде одновременно. Это трудно понять, но ты привыкнешь. А еще привыкнешь, что вокруг друзья.

Кто такие друзья Серый не знал, но почему-то сразу поверил в хорошее.

\* \* \*

Анна сидела в низком креслице с книгой в руках. За окошком клубился синеватый вечер. Зажженная лампа не прибавлял света, только окрашивала все в старое золото. Гость проспал весь день.

— Что пишут? — спросил Серый, приподнимаясь на локтях.

Пять коней подарил мне мой друг Люцифер  
И одно золотое с рубином кольцо,  
Чтобы мог я спускаться в глубины пещер  
И увидел небес молодое лицо.

Кони фыркали, били копытом, маня  
Понестись на широком пространстве земном,  
И я верил, что солнце зажглось для меня,  
Просияв, как рубин на кольце золотом.

Много звёздных ночей, много огненных дней  
Я скитался, не зная скитанью конца,  
Я смеялся порывам могучих коней  
И игре моего золотого кольца.

— Кто это написал?

— Николай Гумилев.

— Найду, расцелую. Это про меня.

— Его расстреляли сто лет назад. А стихи, наверное, про всех...

— И про вас тоже? — усомнился Серый.

— Вставайте, наша кухарка уже два часа гремит на кухне кастрюлями. Суп, наверное, варит из жабьих ножек.

— Очень, кстати, вкусно. Не пробовали?

— Не приходилось, и не собираюсь.

— Да, мадам может такого наvertеть, что и не расхлебаешь. Вы сами-то умеете что-либо в плане колдовства?

— Нет. И опять же не собираюсь. У меня, если вы не знаете, ученая степень по биологии. Я все больше в микроскоп смотрю.

— Одно другому не мешает.

— Вставайте. Мадам от подозрений уже, наверное, с ума сбрендила.

— Отвернитесь, — потребовал гость.

Анна открыла рот чтобы отказаться, но тут же его и закрыла. Возражать хотелось из чистого упрямства. Этот двухметровый не пойми кто, пожалуй, даже в простынку заворачиваться не станет. А неловкость выйдет исключительно для нее. Ему-то как раз все

безразлично. Он инороден, обособлен, будто отгорожен некоей стеной. Добрый доктор с галлюциногенной рыбой — даже больше похож на человека. Анна закрыла глаза и для пушей надежности, отгородилась от гостя книгой.

Стукнула дверь ванной комнаты. Сергей Аркадьевич убыли для наведения вечернего туалета. Вернулся он облаченным в лабораторный костюм, который делал его похожим на травматолога. Хирурги представлялись Анне более утонченными. А этот громила — чистый костоправ. Или костолом? Она так про него ничего и не знала.

\* \* \*

Она стояла в углу с книгой в руках, положила томик в серой обложке на полку, готовая развернуться и ускользнуть в коридор. Следовало этому как-то помешать, но пугать не хотелось. Если поднимется шум — не страшно, жаль было разрушать хрупкий мостик, который только-только между ними протянулся. Но ему-то нужен был тактильный контакт. Хотя бы одно прикосновение. Собственно, он бы и от более тесного общения не отказался, но зачем торопить события?

Контакт был необходим. Прикасаясь к человеку Серый, как правило, узнавал о нем много нового. Вот хотя бы откуда у нее такое заметное колечко?

— Подождите, не прячьте книгу, — попросил он.

— Зачем она вам?

— А зачем вообще книги? О, вон еще одна. Позвольте.

Серый взял ее за локти и чуть сдвинул, якобы посмотреть, заинтересовавший том. Прикосновение оказалось похоже на электрический разряд. Он ее узнал!

— У вас температура. Руки очень горячие, — прозвучал за спиной голос Анны.

— Перекупался, — сообщил Сергей, аккуратно положил книгу на столик и вышел из комнаты.

\* \* \*

Как только Серый узнал, что разыскиваемый аппарат попал в руки старой ведьмы по имени Алиса, отправился к месту ее обитания и устроился в непосредственной близости. Рядом с поселком где обитала карга приютился крохотный фермерский союз. В такие как правило требовались рабочие руки. На него посмотрели с сугубой подозрительностью, отобрали паспорт, но на работу взяли, однако, очень скоро перестали коситься. Работал и работал. Бегал в деревню к молодой разведенке, не пил особо, деньги копил — мало ли какая беда загнала видного мужика в батраки. Прижился.

В поместье местной «барыни» его отрядил управляющий. Требовалось починить крыльцо. Серый уже несколько лет провел в этом секторе, успел адаптироваться к реалиям. Гаджеты сильно упрощали коммуникацию. Многофункциональный приборчик, который он таскал в кармане, использовался не только в качестве телефона, но мог кроме всего прочего усилить защиту до практически полного стирания личности — это если вдруг кто вздумает проверить новичка на вшивость. В результате старая ведьма увидела просто высокого красивого здорового мужика. Что там с умственными способностями? А практически

ничего. Почти олигофрен. Что с эмоциональным планом? Тоже самое! Ведьма бегло прощупала парня и перестала обращать на него внимание: вязкий, косноязычный, пока сообразит, пока выговорит, второй завтрак пора подавать.

Дело давнее: в процессе своего поиска Серый однажды сумел подобраться к модификатору так близко, что даже его пометил. Любой хоть ты трижды колдун не понял бы в чем тут дело. Такую метку мог распознать только его родич. Так потом по следу и шел. Алиса с модификатором дело имела, но в доме его не оказалось. Из всех, кто посещал сельскую барыню, нашелся всего один контактер, но в последнее время он редко появлялся. А так чего бы проще: выследить, прижать, добыть информацию, дальше — по обстоятельствам.

Сергей решил ускорить процесс, добыл домашний телефон агента и просто позвонил. Ответила женщина. Серый отключился и приготовился ждать. Но агент так и не проявился. К Алисе прикатила та самая тетка, которая говорила с ним по телефону, пробыла полчаса и отбыла, завернув на обратном пути к соседям. Трюк с телефоном на стене, который то появлялся, то исчезал, был задуман, чтобы сбить вероятных оппонентов со следа. Если они вообще по нему идут. На замороженном полустанке Серый убедился, что женщина с модификатором не контактировала.

Он ее тогда даже толком не разглядел, помнил только холодные губы, да ответ ее тела. Но сколько было у него в жизни женщин? Он их забывал почти сразу. Они не приходили к нему в снах. Разве дочь Николая изредка. Серый так и не узнал, кого она родила.

Он с самого начала запустил прослушку телефона Алисы. Домашний телефон ее гости тоже ничего интересного не принесли, а в конце весны и вовсе отключился. Серый уже приготовился к длительной осаде. Он буде слушать и анализировать. След модификатора так или иначе всплывет.

Алисе позвонил какой-то Станислав и в грубой форме помянул некую Анну, которую Алиса рекомендовала как ценного специалиста, но которая мягко говоря, не оправдала. Корпорация была недовольна такой рекомендацией.

— Не корпорация, а ты, — парировала Алиса. — Что случилось?

Станислав сбавил обороты и уже в более парламентских выражениях пояснил, что Анна, находясь в командировке на суперсекретном объекте, пользуется запрещенным артефактом, а еще он потребовал, чтобы артефакт был передан ему. Реакция Алисы не заставила себя долго ждать. Престарелая ведьма набрала дирекцию «Нутридана» и без здарсьте очень сухо предложила гнать Станислава в три шеи. На том конце связи сказали: «Есть» и, кажется, даже каблуками прищелкнули.

Серый испарился из поселка в тот же день, даже паспорт забирать не стал. Зачем суетиться, если есть еще несколько? Секретный объект важнее. Если там пустышка, он всегда успеет вернуться в Хрюкино и продолжить слежку за Алисой.

У Стасика была, как выяснилось определенная эзотерическая подготовка. Они происходили из одной секты с ведьмой Еленой. Эта организация втерлась в «Нутридан», желая прояснить тот самый засекреченный объект. Алису они считали кем-то вроде научного консультанта, отошедшего от дел. Стасик с большого ума и наехал на безобидную, как он считал, бабуся, желая всенепременно получить колечко. Чем оно является на самом деле, неудачливый колдушок даже не представлял.

Чтобы получить эту информацию, Станислава даже трести не пришлось — все выболтал за стаканом виски, в который попало несколько капель очень специфической

«своротки правды». Дальше пришлось решать радикально. В самоубийстве недавно уволенного сотрудника никто не усомнится. Серый забрал пакет нутридановской формы, которую нашел в шкафу, купил ранцевый полетный агрегат и прибыл на объект. Судя по тому, что пока не поднялась общая тревога. Следящие камеры периметра, его не заметили.

\* \* \*

Елена встретила неприветливо.

— А где наша ученая? Из постели выползти не может?

— Она считает, что ты тут зелье варишь. Есть, думаю, вообще не станет. А насчет постели, ты ошибаешься. Я просто спал, а наша девушка в это время книжку читала.

Сергей намеренно сокращал дистанцию. Что ведьма купится, он не сомневался. Та исключительно для повышения оценки поджала губы, но переходу на «ты» обрадовалась. Над супом на этот раз плавал едва заметный флер ключ-травы. Елена решила таким образом выведать все тайны непонятного проверяющего.

— Очень вкусно, — решил подыграть Сергей.

— Ни молока, ни свежего хлеба нет. В деревне со мной разговаривать отказываются. Почему, как думаешь?

— Они тут колдовство за версту чувят. Думаешь, оберег в карман сунула и все? — Сергей доверительно положил ей руку на плечо.

Внутри у ведьмы клубилась мелкая злоба пополам с амбициями. А еще имелся второй уровень посвящения. По местным меркам — почти вершина мастерства. Покойный Стасик стоял на две ступени ниже. Ну, правильно, его послали для разовой инспекции, ее, как постоянного наблюдателя. Но обоих отправил сюда «Нутридан» — околонуучное учреждение и колдовское кубло в одном флаконе. Все это было не так важно, важнее, что тут делала Анна. Метки на ведьме Сергей не нашел. К модификатору она не приближалась, но игру бросать не следовало. А посему после ужина они плавно переместились в постель Елены.

Ведьма оказалась нимфоманкой. Куда в тебя столько, — решил Сергей и сделал вид, что устал.

— Ты потрясающий! — похвалила его Елена.

Голову она пристроила ему на грудь, рисуя пальчиком на животе знаки. Было щекотно. Сергей прихватил ее руку. Ожидался серьезный разговор, зря что ли она всю ключ-траву в супчик бросила. Ингредиент кстати весьма редкий и очень ценный. Те, кто ее заслал, не поскупились.

— Ты видел у нашей крали колечко на руке? — начала Елена.

— Видел, — безразлично откликнулся Сергей.

— Знаешь, что это?

— Знаю.

— Помоги мне его получить. Аньку так и так отсюда не выпустят. Зачем оно ей?

Сергей незаметно подобрался, чтобы ни один флюид заинтересованности не проскочил. Хоть и слабенькая, а Елена могла что-то почуять.

— Нет.

— Ну, почему-у-у? — томно протянула подруга.

Ее рука переместилась вниз. Мадам готовилась ублажать его до полного растворения, лишь бы согласился.

— Она его не отдаст.

— Давай отберем. Ты ее поддержишь, а я стяну кольцо с пальца. С двумя она не справится.

— Видишь ли, — Сергей вернул ее руку на прежнее место, — это кольцо можно или подарить или продать. Можно бросить и попросить защиты. Тогда оно потеряется, а кто-то потом найдет. Насильно снять его нельзя даже с мертвого тела.

— Откуда ты это знаешь? — взвилась Елена, забыв про игру.

— Я много знаю, чего тебе не положено.

— Странно, что я тебя раньше не встречала в «Нутридане». Ты знаешь Станислава?

— Его уволили.

— Как?!

— За сокрытие важной информации. Что у вас тут произошло?

Сознание Елены при таком тесном контакте являло собой открытую книгу. В ней досада на дурака Стасика, мешалась с желанием получить кольцо любой ценой. Еще присутствовало глухое недоумение, почему не предупредили, что может нагряться «такой» проверяющий, желание получить Сергея всего без остатка, не отпускать, сделать рабом и глубинное понимание, что это невозможно. Еще — зарождающийся страх. Но на всем лежал отпечаток ненависти. Елене хотелось уничтожить Анну растоптать, разорвать в клочья, увидеть растерзанное тело. Тут бабское брало верх над всеми остальными резонами. Елена ненавидела тихую Анну на биологическом уровне. А еще нечто мелькнуло и кануло как второстепенный факт. Анне тут предстояло что-то исполнить? Елену это не интересовало. А еще ведьма не знала, что можно говорить Сергею, а что нет.

— Они со Станиславом подрались.

— Из-за кольца?

— Меня там не было — вывернулась ведьма. — Эта ударила Станислава осиновым колом. Он чуть не погиб.

Пытается выгородить своего, — сообразил Сергей. Очень хотелось надавить. От необходимости отвечать ни оберег, ни магическая подготовка бы не спасли. Она все расскажет, а после, весьма вероятно, замкнется и обозлится еще больше. Ему она точно ничего не сделает, но будет путаться под ногами, а еще обязательно попытается отыгаться на Анне.

Он нежно провел пальцами по шее женщины, нащупал нужную точку и почти нечувствительно надавил. Елена мгновенно уснула.

\* \* \*

Таким образом, начавший складываться пазл, развалился на отдельные фрагменты, которые пока никак не хотели вставать по местам. Сергей привычно раскидал проблему на составляющие. Первое: он точно знал, что модификатор где-то рядом. Второе: ведьма ему в этом не помощница и не враг. Он даже намека не нашел на ее заинтересованность. Третье: следовало как можно быстрее разобраться каким тут боком присутствует Анна, которая знакома с Алисой, отправлена сюда «Нутриданом» и носит кольцо, которому никоим

образом не соответствует ее статус. Четвертое: если ее статус соответствует, и вовсе вырисовывалась мрачная картинка. Если Анну сюда направила команда заклятых оппонентов, Сергей может вообще не добраться до модификатора. Вполне реальная перспектива. Допустим, Серым заинтересовался противник, определил, что именно следует искать и направил сюда своего агента. И пятое: какую тайную миссию тут предстояло исполнить тихоне с энергетическим потенциалом Везувия?

Он поспал совсем немного. Для надежности пришлось выставить дополнительную защиту. Вдруг ведьмочка проснется раньше и попытается влезть в его подсознание? Когда окно превратилось в серый прямоугольник, он ушел на кухню. Чай, сахар, сухое печенье и посыпающаяся земля за окном. Ничего не отвлекало. Он думал. В результате, когда со стороны леса показались деревянные с начальником охраны во главе, проблема разделилась на две половины: первое — что представляет из себя местный биохимик, второе — все остальное.

Когда Анна проскользнула к себе в лабораторию, Елена все еще спала. Сергей решил остаться, дабы понаблюдать, как себя поведет предполагаемый контрагент. В кухню заглянул начальник охраны. Веточки росли у него теперь из ушей с обеих сторон и оттого походили на рога. Дуб нахмурился и молча канул. Не случилось диалога и в лаборатории, после чего тот отбыл.

Анна чуть задержалась на пороге, будто споткнулась, но прошла, поздоровалась, набрала свежей воды в чайник, включила. Ни заинтересованности, ни агрессии — закрытый на семь замков железный сундучок. Только камень в кольце поигрывал розовыми и зелеными бликами. Сергей понял, что без тактильного контакта ему и на сей раз не обойтись. Благо, кухня маленькая двоим в тесном пространстве не разминуться. Он поднялся и слегка невзначай коснулся ее руки. Электрическая искра больно кольнула кожу. Анна вздрогнула, а он не получил ровным счетом никакой информации.

— Не считите за труд, — церемонно поклонился Сергей, — откройте мне калитку вашей картой.

Ему пришла пора прогуляться в деревню. Анна молча пошла открывать.

Серый начал злиться. Он мог на раз расшифровать любого человека и почти любого, кто относился иной категории. Во втором случае следовало приложить толику усилий и результат обычно не заставлял себя ждать. А тут перед ним был чистый лист. Он даже анализатор достал и поводил им за спиной женщины, пока она шла к выходу — результатов ноль.

А деревня-то оказалась ого-го! Ее населяли женщины, окруженные чудовищной первобытной защитой, суровые и неприступные как камни. А кроме них — еще чистые бесы, которые копошились на своих заросших делянках. С одной ему помахала ручкой девочка-химера. Зеленый дедок весь в корявых наростах схватил ее за ручку и утащил в дом. Амбулатория оказалась закрытой. Сергей постучал, подергал ручку двери и пошел дальше.

Посреди сказочного озера русалки водили хоровод. Длинные светлые волосы стелились по воде. В центре плюхалась совсем молоденькая девчонка. Сергей сбросил одежду и пошел в воду. Жаль если украдут анализатор, пока он купается, придется потом тратить время и силы, выкалупывая аппарат из вороватых ручек. Но это чепуха. Зато русалки!

Круг распался, девушки синхронно рванулись к нему, куда там профессиональным плавчихам. Они уже окружили Сергея, когда из-под воды прилетел истеричный вопль. Девушки разом нырнули, только молоденькая задержалась. Он успел ухватить холодную

скользкую руку. Но и эта вырвалась, поспешая следом за сестрами.

Жизнь девочки до того, как она попала сюда, его не интересовала. А тут: купание, озарение, страшный сон с пробуждением, осунувшееся лицо Анны, капелька эликсира, вырывающая из объятий кошмара... стакан молока, который летел в лицо спасительницы... открытая дверь: «Иди, только не задерживайся!» Погружение, судорога смерти. И последнее: «Вы просто приходите. Я вас звать к себе не стану...»

— Эй!

В высоком синем заборе приоткрылась калитка, из нее выглянула низенькая женщина с плоским желтым лицом. Сергей подошел, улыбнулся. Такая улыбка обычно располагала. Плосколицая коротышка протянула ему в щель пакет с банкой внутри.

— Коля сказал, ты в большой дом приехал. Передай Анне. Деньги пусть потом занесет.

— Я вам сейчас отдам.

— У тебя не возьму. — отказалась женщина и захлопнула воротца.

Это кто у нас Коля? Не тот ли бледный тип, в компании которого спасались от пограничников? Так, идем дальше.

Тетки у колодца о чем-то судачили. С приближением Сергея, все головы повернулись в его сторону, как под рентгеном прошел, издали поклонился, ему ответили и опять заспорили. У последнего нормального дома на улице тоже открылась калитка. Присыпанная мукой тетка протянула ему сумку с хлебом. Деньги и эта брать отказалась. Ученые они тут. И мужчин не видно, будто нет их вовсе. А еще остался не проясненным доктор, который приносил рыбу накануне. Хотя бы одним глазком посмотреть фигурант это или статист.

Защелачивание превысило все разумные пределы в четырех образцах. Последний, пятый одномоментно и непонятно пришел в норму. Зато в четырех остались только основания, что противоречило законам химии, биологии и вообще мироздания.

Анна в третий раз все перепроверила, записала данные в журнал и тупо уставилась в стол. Такого не могло быть. Русалок и влюбленных утопленников — тоже. Но были! В голове оно не связывалось, потому что не могло связаться никогда!

Она поняла, что плохо соображает. Формулы мешались в голове с криками и стонами, которые полночи раздавались из комнаты прислуги. Анна сначала пыталась уснуть, потом читать, потом вообще решила убежать подальше в лес, только бы не оставаться свидетельницей торжества черной ведьмы. Потому что...

Врать себе было бессмысленно. Черные непроницаемые глаза Сергея преследовали ее повсюду. В них плавали насмешка и угроза. Она вообще постоянно ощущала его присутствие. Все время хотелось обернуться, посмотреть не стоит ли он у полки с книгами, да просто за спиной. Он убажрал Елену и одновременно лежал в постели Анны. Она почти физически чувствовала его присутствие. Заснуть удалось только под утро, когда за окном уже вовсю рассветало. Но сон не вымыл ночного безумия: только бодрствование, провал, бодрствование. Короткая утренняя встреча на кухне вообще, как бы прошла мимо. Все свои силы Анна употребила на то чтобы держать марку — это, если внутри рвется, а во вне — полное безразличие. Она чуть не сорвалась, когда между ними проскочил электрический разряд. Такое с Анной случалось и раньше. В смысле, искры летели от пальцев, но происходило это обычно зимой, когда высыхал воздух в помещениях. Она не обращала внимания, просто старалась ни к кому не прикасаться.

Елена зашевелилась только к обеду. Укатали сивку крутые горки. Анна уже привычно завернула в кладовую, взяла сухих хлебцев и перекусила у себя в комнате. Чтобы окончательно не утонуть в собственном безумии, следовало хоть что-то делать. Легкий спортивный костюмчик, изрядно запачканный позапрошлой ночью, успел высохнуть после стирки. Не обращая внимания на небольшую дырку — порвала, наверное, когда свалилась с дуба — она натянула брючки и майку. Осинový кол занял сове место. Анна отправлялась гулять.

Сколько она просидела взаперти? Три дня? А кажется месяц. Или тут ландшафт менялся, не сообразуясь с законами природы? Травы встали по колено. Колокольчики величиной с чашку и саранки в ладонь перемежались ромашками, какими только на великана гадать: любит — не любит...

Виктор стоял с закрытыми глазами. Руки он раскинул и, кажется, спал. В сторонке в рядок шелестели мелкой большой листвой три осинки. Анна подошла, положила ладони на грудь великан. Там уверенно бухало сердце.

— Спрашивай, — прогудело над головой.

— Ты как?

— Ты не за тем сюда пришла. Спрашивай, что хотела.

— Я тебя чем-то обидела?

— Глупенькая. Это я тебя так пытаюсь отогнать. Мне слабым стать нельзя, ломает первая буря. Я видел, как наши, кто своими хотеньями жить пытался, высыхали на корню.

Если не станешь тревожить, я еще побарахтаюсь, а так — пропаду.

— Прости, — отступила Анна. — Давно надо было уточнить, вы образцы берете из одного и того же места? Буквально, из одной ямки, из одного источника...

— Нет.

— Показать можешь, откуда?

— Пойдем. Тебя не хватятся? Больно гость у вас пряткий.

— Ему не до меня он с Еленой развлекается, — как можно беззаботнее отозвалась Анна.

— Ну пошли. Тебе конкретно, что показать?

— Любой участок или пару участков, где брали пробы, а потом — последний.

— Сегодняшний?

— Да.

— Что-то изменилось?

— Понимаешь, все, что вы приносили раньше имело совершенно идентичный состав и изменения во всех пробах происходили одинаковые. И только последняя проба сегодня выдала непонятное. Хотя, что я говорю, она как раз оказалась нормальной, а остальные ушли в такую химическую даль от всего живого, что на месте забора должна быть чистая щелочная пустыня, как на Венере. Состояние несовместимое с жизнью. Даже состояние биологических объектов. Трава не может иметь pH 2. Стой...

— Я ничего не понял, но стою.

— А если взять кровь у тебя, у меня, у... хотя у нее вместо крови, наверное, змеиный яд.

— Хочешь, я гостью юшку пущу?

— Боюсь, он сам может кому угодно кровопускание устроить, и тебе в том числе. Тетки в деревне на такое не пойдут. Доктор, думаю, тоже.

— Ты и доктора подозреваешь?

— Его поперед всех, — засмеялась Анна. — Чистого эксперимента с его кровью точно не получится.

— Видела что-нибудь, или одни догадки?

— Видела.

— То-то я смотрю, только он в озеро, русалки тут же прячутся. А этот, новый ночь у Коли с Мавкой в озере просидел, — наябедничал Виктор.

— Я знаю. Проспал потом весь день.

— Кто он?

— Никто!

— Ты, если он... обидит, только скажи.

— Скажу, — мстительно пообещала Анна.

Два участка оказались на гриве, два в деревне с разных огородов. Лесные были самыми обычными. Не знай, что химия с биологией тут взбесились, пройдешь мимо, не заметишь. В деревню Анна решила не спускаться. Последний участок лежал не небольшой впадинке, окруженной валунами. Травка тут удалась не такой высокой, как на лугу, но очень густой и шелковистой. Анна не удержалась, скинула балетки и сделал несколько шагов. Она будто ступала по облаку или по нежной пуховой подстилке. В самом центре очерченного валунами круга, язвой чернело пятно с вывороченной землей. Именно тут брали пробу. Анна присела, провела по земле ладонью, отняла руку...

Она шла по тонкому белому, белому песку. Океан поигрывал цветом от прозрачной

зелени у берега до темной синевы на горизонте. Прихотливо скрученные пальмы касались перистыми листьями воды. Мимо пробежал очень темный некрасивый мальчишка с кокосом в руках. Остро захотелось скинуть одежду и уйти в воду. Люди? Ей было все равно...

Она очнулась в деревянных руках Виктора.

— Что?!

Он держал ее в охапке, не торопясь отпустить. Только когда Анна заколотила его кулачками в грудь великан разжал руки.

— Что случилось? — потребовала Анна, которую до бешенства разозлил переход от блаженства к действительности.

— Ты начала таять.

— Как?

— Как мороженое. Там в середине, поди жарко, вот ты и поплыла.

— Не там никакой жары... стоп, а когда утром брали пробу тоже так было?

— Спроси. Много ты с моих осинок добьешься! Но вроде все как обычно. Что с тобой приключилось?

Анна уже окончательно пришла в себя. Желание вернуться в nirvanу пропало, оставив по себе только некий дискомфорт. К коже на ступнях прилип мелкий белый песок. На автомате она соскребла его и сунула карман.

Завтра, нет уже сегодня в ночь-полночь она уйдет на вертолетную площадку. Направление она знает, доберется как-нибудь. Вот только волки...

— Не убежишь отсюда, — будто подслушал Виктор. — Я пытался. Пойдешь по кругу, а потом сюда же и вернешься.

Анна присела на камень от жуткой догадки. Они все, включая местность, находятся в замкнутом пространстве, которое непрерывно сужается и практически уже превратилось в точку, а плешка с зеленой травкой — дыра в иную реальность.

— Можно уйти туда, — мотнула она головой в сторону полянки. — Только уже никогда не вернешься.

— А что там?

— Океан, песок, мальчишка... что же делать?

— Может, вместе?

— Если хочешь, иди. Я остаюсь.

— Тогда давай возвращаться. Тебя уже точно на базе хватились.

Обратный путь показался намного длиннее, оба едва переставляли ноги. С Анной понятно, но и деревянного будто придавило. К базе они подошли уже в густых сумерках. Виктор захлопнул калитку и отбыл в сторону леса. Больные осинки шелестели там, где укоренились еще днем. У них тоже не осталось сил.

Очень хотелось есть. Если питаться дальше печеньем и чаем, так она скоро из комнаты выйти не сможет. А оно ей вообще надо? Командировка, исследования, деньги, которые ей насулили по возвращении? Смешно. Все нормальное осталось за пределами обтянутого периметром пространства, которое сошло с ума.

— Явилась!

Голос пришел откуда-то со стороны. Анна сообразила, что стоит возле своей двери, упершись в стену лбом.

— Уйди, — потребовал Сергей.

— И не подумай, — огрызнулась ведьма.

Анна, не отрываясь от стены, которая придавала хоть какую-то устойчивость, повернулась в их сторону. Сергей ухватил Елену за локти, впихнул в комнату и захлопнул дверь. С той стороны заколотили руками и ногами.

— Будешь дергаться, — пригрозил мужчина, — вообще оттуда не выпущу. Умрешь голодной смертью.

Он не шутит, поняла Анна. Она как-то сразу поверила в серьезность намерений жуткого гостя. А тот повертел в руках ключ-карту от комнаты Елены, засунул ее за косяк двери и надвинулся, загораясь светом и, кажется, вообще жизнью. Анна зажмурилась.

Он не ударил, не стал душить, вообще не притронулся.

— Где твоя карта?

Анна нащупала в кармане квадратик пластика и сунула в щель. Как она оказалась в кресле не помнила, окончательно пришла в себя, когда Сергей протянул ей кружку с молоком и огромную краюху хлеба.

Ну да, она тоже лечила кого-то молоком. Девочку звали Ксения. Она стала русалкой. А кем стала Анна?

Ноги остались просто ногами. На щиколотке прилип песок. Сергей оставил еду на столике и присел рядом на корточки.

— Что-то случилось?

— Угу, — отозвалась Анна с закрытыми глазами. — Я сошла с ума.

— Поешь, и, может, все окажется не так страшно.

— Кто ты?

— Давай сначала за папу, за маму...

— Вот только их сюда вмешивать не надо!

Анна от чего-то разозлилась, открыла глаза и чуть не вскрикнула. Радужки у Сергея горели зеленым огнем. С перепугу не иначе, она ухватила краюху и начала есть, причмокивая и прихлебывая, ничуть не заботясь о красоте и вообще о приличиях. Политесы остались в той жизни, в этой присутствовало единственное правило — выжить.

— Еще принести?

— Не-е-е-т..., - еще успела пролепетать Анна и уснула.

А проснулась на рассвете в собственной постели. Из одежды на ней остались только трусики. Она не помнила, как шла, как раздевалась, гасила свет. Проверяющий спал на полу на надувном матрасе впритык к ее кровати. Встать можно было, только наступив на его спину. Она высунула из-под простыни ногу и потыкала бок, обтянутый лабораторной рубашкой. Костюм «Нутридана» валялся в ее креслице.

С ума сойти, какой эстет! Мог бы и вовсе раздеться. С Еленой он так не церемонился... гад!

Гад перевернулся на спину, закинул руки за голову и улыбнулся:

— Что так рано? Можно еще спать и спать.

— Отползи, пожалуйста. Мне надо в туалет.

— Хочешь отнесу?

— Групповое сумасшествие, еще не повод для интима, — отказалась Анна и поняла, что стыдно краснеет. — Уйди!

— Это после того, как я тебя вчера нес, раздевал, укладывал, как тебе песенку пел? Все, все, отползаю! Счастливого пути.

— Ты вчера что-то подсыпал мне в молоко? — потребовала Анна, появляясь на пороге

ванной в своем невнятном халатике.

— Ни в коем случае, — слегка покривил душой Серый. — Ты валилась с ног. Не запланированные исследования аномальных зон, иногда именно так и заканчиваются. Но редко, чаще человек или пропадает, или умирает. В тебе силушка не мерянная. Как так получилось, что пока тебя никто не вычислил и не инициировал?

— Заткнись, пожалуйста, — вежливо попросила Анна, примериваясь, чем бы огреть гостя. — Такое утро было хорошее, а ты все испортил.

— Страшно вчера было?

— Откуда ты знаешь, что было и чего не было?

— Так страшно или нет?

— Нет. Странно. Я провалилась сквозь дырочку в земле и оказалась на берегу океана. Там мальчишка бежал с кокосом в руках. Страшненький такой.

— Как вернулась?

— Меня Виктор выдернул оттуда, сказал, я начала таять как мороженое.

— Стихийный проход, причем невероятной силы, — констатировал Сергей. — Надеюсь, ты туда насовсем не собираешься?

— Не знаю. Только если тут особо сильно достанут. Там, как бы сказать... безмятежно.

Сергей переодевался, не озаботившись, смотрит она или нет: скинул пижамку в которой спал, натянул костюм «Нутридана», обернулся.

— Не хочется, но пора выпускать нашу ведьму.

— Эх ты о близкой женщине, — подковырнула Анна.

— Необходимость, — совершенно серьезно отозвался Сергей и вышел.

\* \* \*

Елена вылетела из комнаты, будто дожидалась под дверью.

— Сволочь!

Она резво побежала к выходу. Серый догнал, но ведьма уже была по ту сторону калитки. Единственное касание...

Ее кто-то звал! Елену будто несло в сторону леса. Серый повел носом. Оттуда тянуло очень неприятным, почти смертельным.

Силуэт черного зверя возник из отдельных фрагментов и утвердился, давая кое-какое понимание происходящего. Те, кто отправил сюда Елену, похоже, использовал бедную ведьмочку втемную. Сейчас ее требовал к себе хозяин. Он, кстати, был одним из тех, кто сошелся в схватке на памятной поляне, и, если так, кто-то из Верхней конторы должен присутствовать в непосредственной близости. И Серый готов откусить себе палец, если это не доктор. Другое дело, зачем они сюда припожаловали?

Анна сидела на кухне и за обе щеки уплетала хлеб с тушенкой. Серый налил себе чаю, тоже отломил от сильно убавившегося каравая, присел рядом.

— Несколько дней назад, — начал он осторожно, чтобы не поломать хрупкого перемирия, — ты ночевала в лесу. Мне Елена сказала, что ты пришла только под утро. Так?

— Угу, — кивнула Анна, проглотила, вытерла губы салфеткой и заявила. — Пока ты мне не скажешь, кто ты и что тебе надо, я буду молчать.

Что он терял? Да ничего! Вчера, когда нес ее на руках, а потом укладывал, всплыло и

определилось как истина: она чистая. Скорее всего, ее тоже использовали втемную, но на любой порыв, — вдруг ее тоже позовут, — он будет рядом. Он теперь постоянно будет рядом. Он удержит, а если понадобится отобьет ее у любого. Не любого, — поправил себя Серый. Тут оказались замешаны такие силы, что бросаться такими обещаниями даже самому себе не стоило.

Скажи прямо: ты хочешь ее уберечь не важно от чего, просто, чтобы она осталась такой как сейчас — чистой, наивной, прозорливой до умопомрачения и ершистой. Ты просто ее хочешь.

— Я не могу тебе рассказать, кто я. Это опасно в первую очередь для тебя, ну и для меня, конечно. Если ты откажешься мне помочь, я в конце концов сам во всем разберусь, да только боюсь время будет упущено. Могу сказать определенно: ты сюда попала не случайно, и можешь стать проводником несчастья. Если сейчас не разберемся, я не смогу тебе помочь.

— Дежавю, да и только. Не так давно, мне тоже пытались помочь, вот колечко с собой дали, перед тем как сюда отправить. Скажи, ты пришел за ним? Просто скажи.

— Нет. У меня другая задача.

— Какая? — потребовала Анна.

Серый решил.

— В твоей лаборатории стоял древний агрегат. Это копия, сделанная лет четыреста назад по земным меркам. Он не работает. Мастер, который его изготовил, не знал, как настраивается система линз. Но судя по тому, что в обслуге тут бегают деревянные, настоящий прибор где-то рядом. Он мне нужен.

— Для чего?

— Уничтожить. Такие артефакты не имеют право на существование.

— Ты сам так решил?

— Нет. Меня послали его найти и забрать, но, если такой возможности не будет, я обязан его уничтожить на месте... чего бы это ни стоило.

— Тебя послали из «Нутридана»?

— Нет. Прости, я уже наговорил много больше, чем имею права. Повторяю — это опасно в первую очередь для тебя.

Серый видел, как в ней борются недоверие и надежда. Бедная девочка, она тут как одинокий солдатик в темноте, который знает, что вот-вот последует нападение, но не представляет с какой стороны его ждать.

— Елена твоя помощница? — вдруг спросила Анна.

— Нет. Обычная ведьма. Ее сюда послали, следить за тобой. Но ты-то вообще ничего не знаешь!

— Так объясни!

— Похоже, я случайно влез в чужую игру. Я не понимаю, что происходит, и какие силы за этим стоят. Сегодня Елену позвали хозяева. Она скоро вернется. Может быть тогда наступит какая-то ясность. Не опоздать бы.

— На территории базы, за домом в рощице стоит маленькое строение, — наконец решила Анна. — Оптический преобразователь скорее всего там. Мне Виктор рассказал, как их туда водили, якобы фотографировать, ну, и все что после этого происходило. С нами в вертолете летели пятеро рабочих. Они все стали деревьями. Двое сломались в бурю.

— Кол оттуда?

— Виктор принес.

— Он станет помогать?

— Он к берегине ходил, просил, чтобы вернула его в люди или убила.

— Тут еще и берегиня есть?

— Есть русалки и бесы, есть парочка влюбленных утопленников, есть Борька, который меня от бесей спас. Но есть и аномалия, которая разворачивается по нарастающей. Тут биохимия взбесилась. А еще все ждут купальскую ночь.

— Цветок папоротника искать? Во, бред!

— Раз в год именно этой полночью бьет ключ. Кто его найдет — тому не знаю... жизнь, счастье, богатство? Никто не знает, где он прорежется. Люди и не люди уходят в ночь и не возвращаются.

— Скажи, кто тебе дал кольцо?

— Моя бабушка, которая вообще-то мне никто, и которая точно знала с чем я тут столкнусь.

— Бабушка-не бабушка, биохимия, артефакт, за который полцарства отдают... положи руки на стол.

— Зачем?

— Не бойся. Ты же решила мне доверять.

— Я еще не знаю...

Она говорила, а руки уже лежали на столешнице. Серый мягко накрыл их своими.

\* \* \*

Оказывается, ее родители погибли, когда Ане исполнился год. Девочку отдали в детский дом. Маленькая Анечка этого помнить не могла, а еще она не могла помнить, как ее забрали оттуда. У приемных родителей был трехлетний сын, но срочно понадобился второй ребенок. Подходила очередь на квартиру. С двумя детьми им светила трехкомнатная, но у матери после первых родов случилось осложнение, детей она больше иметь не могла. Квартиру они тогда получили. Предполагалось, что девочку через некоторое время вернут, откуда взяли, да отец наотрез отказался. Что люди скажут! Так Аня осталась в семье.

— Как они погибли?

Глаза у нее стали огромные и страшно зеленые от накипающих слез.

— Я не знаю. Зато теперь понятно, зачем ты зимой приезжала в Хрюкино. Это я устроил тот розыгрыш с телефоном. Прости. Зато я не дал тебе замерзнуть на станции.

Анна дернулась, попыталась вырвать руки и вдруг начала мучительно краснеть, пока не залилась вся от шеи до корней волос.

— Отпусти, — попросила тихо.

Серый разжал пальцы.

— Ты знаком с Алисой?

— Починка, покраска, мелкий ремонт. След модификатора вел в ее дом. Пришлось подсуетиться. Я вычислял курьера, а вместо него приехала ты. Как только обозначилась связь со здешними палестинами, я тут же и прилетел. Теперь твоя очередь рассказывать. Только давай с самого начала.

Анна выложила ему все. Даже историю Борюсика и свой поход к берегине. Серый глубоко задумался и пребывал в неподвижности, пока по коридору не забухали шаги —

пришел Виктор и заглянул на кухню.

— План-наряд!

— Иди сюда, — позвала Анна.

— План-наряд, — угрюмее чем обычно проговорил Виктор и пошел в сторону лаборатории.

Анна двинулась за ним. Листочек со столбцами задания лег в подставленную ладонь.

— Что случилось? — спросила Анна.

— Мои не проснулись. Стоят, где вчера проросли. Я сам едва зашевелился.

Ветки над головой у него сильно разрослись, а кожа потемнела и растрескалась как кора.

— Помнишь, где вчера я чуть не пропала? Иди туда и вставай на край полянки. Если забьет родник, я попробую тебе помочь. Скажи, как попасть в сторожку с аппаратом, которым вас облучали?

— У меня нет ключа.

— С этим как-нибудь разберемся, — пообещал Серый, протискиваясь из-за деревянной спины в лабораторию. — Ведьму в лесу видел?

— Ты ему доверяешь? — спросил Виктор, расставляя руки и как бы разрастаясь вширь.

— Он хочет уничтожить аппарат.

— Он врет!

— А у тебя есть выбор? — пошел в атаку Серый. — Завтра ты вообще не сможешь шевелиться. Хочешь до конца дней остаться чуркой с глазами?

— Тетка бежала в глубь леса, будто за ней гнались. Вас увидят, — предупредил Виктор, кивая в сторону камеры.

— Это уже не важно, — махнула рукой Анна. — Иди.

\* \* \*

Якоб Эргау непрерывно ходил от стены к стене маленькой комнатки, в которую проводили Серого двое неприбранных грязноватых слуг. Разговор шел за закрытыми дверями. Серый сходу обрисовал положение дел и свои предложения. Эргау поначалу слушал вполуха, но к середине разговора поднялся и пошел вдоль стенки туда-сюда. Этот маятник порядком надоел, но не пенять же доброму хозяину на неудобства. Гостя кстати не накормили, что было вообще-то против правил. Пришел на порог странствующий рыцарь — обиходь. Но, кажется, тут и для своих харчей не хватало. Что замок на половину из дикого камня, на половину из дерева, что неухоженный хозяин производили удручающее впечатление.

— Ты откуда все знаешь? — потребовал Эргау в конце концов.

— Тебе не все равно? Ты получаешь соседнее графство, я — чародея, и разойдемся. Больше ты меня не увидишь. Не хочешь, так я других найду.

— Я сейчас позову палача, он у нас головой слабый, зато дело свое любит. Пусть он тебя поспрашивает, кто таков, да зачем сюда из Нордгау прискакал. Думаю, тебя тамошние новые хозяева заслали. Вот и выложишь под огнем всю правду.

— И какой им смысл гнать к тебе шпиона, если они могут своей деревянной армией твой отряд в блин раскатать. Погоди еще немного, соберутся с силами и всю округу под себя

подомнут.

— Ты знаешь, сколько у него деревянных? До двухсот уже настрогал. А у меня в половину простых и это если вообще всех, кто может держать оружие соберу. Нет уж. Я лучше людей поставлю ров копать. За стенами отсидимся.

— Толку с твоего рва, а за стенами тебе сидеть еще года три не больше. Округа и так вымерла. Последние люди от тебя убегут. Вам уже сегодня жрать нечего.

— Не твое дело! Учить меня пришел, а сам-то знаешь, как с деревянными справиться?

— За одну ночь.

Глаза у Эргау налились кровью, так озлился на незваного гостя. Припожаловал он, учить их уму разуму, а того не знает, что Якоб уже имел случай нарваться, когда выслал отряд в разведку. От отряда один человек вернулся, да и того отпустили, чтобы донес: воевать с чародеями, что против ветра...

— И что ты предлагаешь? — унял злость Эргау, уселся на лавку против гостя и сделал специальное лицо: говори, говори, а палача я все равно кликну.

— По темному времени они врастают.

— Ну и? Лето на дворе. За одну ночь мы их ни по чем не спилим. Даже если половина останется, нам конец.

— Зачем пилить? Достаточно на стволе вырезать руну. Когда проснутся, помеченные пойдут против своих же. Тебе останется только дожждаться, пока они друг дружку переломают.

— А как в темноте отличить обычное дерево от этих? То-то. С факелами возле замка бегать, хозяева тут же свой отряд выставят.

— Я укажу, на каких руну резать. Там дел-то на рыбью ногу. Даже если кого и пропустим, твои добьют, и местный отряд на твою же сторону встанет. Люди там так исстрадались, ноги тебе целовать станут.

— Складно стрекочешь. Да только не верю я тебе. Откуда ты вообще такой взялся?

— Из Льежа. Остальное тебя не касается. Я тебе княжество, ты мне чародея.

Эргау опять забегал вдоль стенки. Светлые курчавые волосы запеклись никогда не мытой шапкой. Жирные щеки вздрагивали в такт шагам. И так и так поворачивал мозгами. С одной стороны — сплошная выгода, да еще какая! С другой — доверить дело первому встречному, все равно, что волку отару овец.

Серый хотел есть. Неделю он пробирался по заросшим старым дорогам, припасы, что дал с собой Николай кончились. В последний день пришлось охотиться, да дичи в лесу осталось мало. Звери учуяли близкую ворожбу и давно разбежались. Серый удовольствовался подбитым бурундуком. И не такое приходилось есть. Так что метания хозяина Эргау его больше раздражали. Ну, побегаёт он еще немного, но страх перед будущим и жадность все равно переселят, на все согласится. Быстрее бы уже.

Якоб наконец пришел внутри себя к какому-то решению и опять уселся против гостя.

— Ну, допустим, я тебе поверил. Пришли мы в Нордгау, затаились, дождались ночи, да только близко от замка засаду не устроишь, в поселения тоже заходить нельзя, враз шум поднимется, придется залечь на дальних подступах. А пока мы по темноте да оврагам будем к замку пробираться, и ночи конец.

— Это если переть всей оравой в набег. А если на ярмарку ехать? Пять возов, в каждом человек шесть оружных? Можно в сумерках к самому замку подойти.

— Нет больше ярмарок.

— Тогда просто объяви, что едешь к нынешнему хозяину Нордгау с поклоном и готов ему присягнуть. Что ты теряешь?

— А проверят по дороге?

— Я глаза проверяльщикам отведу.

— Вот ты и попался! Чародей! А как я своих людей под замок приведу, тут ты меня и сдашь своему сотоварищу.

— Приставь мне охрану, и всех дел. Я ж все время рядом с тобой буду. Да и не чародей я вовсе. Так, научился кое-чему. Будь я колдуном, не распинаясь бы тут перед тобой.

На жирном лице Эргау проступило мучение. Пшеничные брови сошлись в линию, рот собрался кучкой. Он еще пару раз пробежался вдоль стенки и выскочил из комнатки. С той стороны лязгнул засов.

Серый прилег тут же на лавку. Давила кольчуга. Меч у него отобрали, длинный тесак болтался на боку. Кто захочет познакомиться — милости просим. Волноваться по большому счету не стоило. Еще немного побегает мастер Якоб и согласится на все. И скорее всего уже к утру. Есть хотелось немилосердно.

Эргау решил уже на следующий день. Верных людей оказалось всего-то человек тридцать злых и недокормленных. Но возражать против хозяйской затеи никто не стал. Эргау представил им Серого. Тот быстро рассказал и показал, что делать. Выходить решили на зоре. Одна ночь в ничейных землях, на другую уже должны подойти к замку чародея. Но за Серым теперь смотрели в четыре глаза. Один из охранников явно умом не блистал — не иначе тот самый палач с приказом резать гостя по первому слову?

Разберемся, — решил Серый.

\* \* \*

Он бежал, захлебываясь собственной кровью. Надо бы остановиться, отдышаться, подождать, пока кровь уймется, но время уходило, а вместе с ним надежда догнать человека с модификатором.

Они без помех добрались до замка Нордгау. Всю ночь Серый бегал от дерева к дереву, указывая, на каких резать руны. К утру основная работа была закончена. Якоб собрал людей, разместил за возами. Им приказали ждать.

Когда на рассвете зашевелились деревянные, люди начали разбегаться и никакие приказы их не смогли удержать до того момента, пока не сошлись две нечеловеческие рати. Треск стоял на всю округу. Нынешний хозяин Нордгау не сразу понял, что происходит. Ворота открылись, он выступил к принятию вассальной присяги во главе небольшого отряда из людей. На их спинах, отряд Якоба и ворвался в цитадель.

Серый обежал все помещения замка, включая подклеты и кухню. Аппарата нигде не оказалось. Осталась комнатка в отдельно стоящей башенке. Он промчался по лестнице, перепрыгнул через тело какого-то бедолаги на верхней площадке и ворвался в маленькую келью, у дальней стены которой на каменном постаменте стоял модификатор. Человек в долгой черной одежде с капюшоном уже сдвинул прибор, намереваясь засунуть в мешок. Осталось сделать пару шагов, когда последовал сильный толчок в спину. Серый не удержался и проехал животом по плитам пола. В стороны полетели искры, а чародей тем временем пристроил мешок себе на спину.

— Стоять! — взревел от дверей голос Якоба.

— Отпусти меня, — попросил человек из-под куколя. — Я укажу, где в замке лежит золото.

— Конечно укажешь. Тебе деваться некуда, а еще укажешь, как пользоваться твоим колдовством.

— Хорошо, согласился чародей, только сначала убейте этого, — указал он на Серого.

— Изи, — позвал Якоб охранника, — кончай его.

Рука при падении неловко подвернулась и теперь висела плетью. Но и левой Серый мог отбиться. Изи уже лежал с распоротым бедром, когда сзади сквозь кольца байданы в бок впился металл — это дурачок Мак воспользовался стилетом. Серому оно по большому счету было не страшно, но кровь из распоротого легкого потекла в горло, он закашлялся. Если дальше суетиться, кровь не остановится и вытечет вся. Пришлось замереть, пережидая, пока сгустки забьют рану. А на него уже надвигался Якоб.

— Ты обещал, — прохрипел Серый.

— Ну и что? Только дураки верят словам. Мне и самому сгодится армия деревянных.

Якоб занес над головой меч, чтобы половчей снести голову поверженному, но получил колющий удар в пах, хрюкнул и сложился пополам, умерев почти мгновенно. Мак забился в угол, выставив перед собой стилет. Очень хотелось и с ним покончить, но стоило побережь силы. Серый прикрыл глаза, усилием останавливая собственную кровь, а когда открыл, чародея с мешком в комнатке не оказалось.

Николай рассказал ему, как найти устье перехода, иначе пришлось бы до завтра блуждать в поисках следа. И вот теперь Серый бежал, все еще надеясь догнать. Два лье не так много, но это если ты здоров. Когда из раны в боку толчками вытекает кровь, а которая не успела, набирается в горле и не дает дышать, плевое расстояние становится равным жизни.

Он упал и потерял сознание, а когда пришел в себя кровь уже не бежала, и дышалось на много легче. Его не простой организм сделал свое дело, возможно стало продолжать погоню. Он единым духом взмыл на небольшой пригорок, за которым открылся вид на развалины и поверженный забор — прежнее обиталище Николая. Проход находился на восточной стороне. Серый запрыгал через бревна и камни напрямик.

Беглец успел сбросить свой плащ. Рядом валялась небольшая сумка, человек что-то делал с плоским камнем, будто специально прислоненным к невысокой скале. По округе разносился дробный стук. Их разделяло метров пять. Прыжок с места метил чародею в спину.

Жуткий удар в лицо вышиб сознание, Серый рухнул грудью на камни, последним проблеском отметив, что, кажется, все.

\* \* \*

Он лежал на подстилке из гнилого камыша. В пяти шагах шевелился огонь в полуразрушенном очаге. Возле него на обрубке бревна сидел некто и строгал плоскую палочку. Серый кое-как разогнул затекшую руку и ощупал лицо. Нос оказался свернут на сторону и прилип к щеке. На лбу выросла огромная шишка.

Над головой угадывался ветхий настил из кусков коры и гнилых досок. В щели сочился

вечер и туман. На месте двери в лачугу шевелилась дырявая рогожа.

Мысль, что остался жив показалась даже странной. Успел ведь уже попрощаться тем самым проблеском со всем и вся. Уж со своей пожизненной гонкой — точно. Поторопился, однако.

Человек заметил шевеление, обернулся и констатировал:

— Живой.

«Ты кто?»: хотел спросить Серый, но выдал только глухое мычание.

— Закрыватель без пальто, — понял незнакомец.

— У-у-у?

— Помолчи. Сейчас тебе нос поправлю, потом поговорим. Только ты не дергайся, а то можешь вообще без сопатки остаться.

Он придавил грудь болящего коленом, сунул плоскую гладко оструганную палочку в развороченный нос и повернул. Серый ровным счетом ничего не почувствовал, кроме щелчка.

— Молодец, боль гасить умеешь. Можешь пощупать.

Нос оказался на месте, но сильно раздулся. Под кожей угадывались мелкие осколки костей.

Лекарь, он же закрыватель по виду едва ли перешагнул за сорок, истинный возраст выдавали глаза, да еще короткие пегие кудри. Кожаная куртка с нашитыми железными бляхами и небольшая серая сумка лежали рядом на бревне. Оружия при нем не было. Что так и путешествует? Не понимает, куда попал?

— Сюда могут нагряться люди Якобы Эргау, — прогнусавил Серый.

— Ну и придут, так что?

— У тебя меч есть?

— Валяется где-то. А ты свой где потерял?

— Мне не до того было, даже кольчугу пришлось сбросить.

— Догонял кого?

— Если бы не ты, догнал бы.

— Ну, прости. Откуда же я знал, что тут свой в поиске бегаёт.

— Ты через переход сюда попал?

— Да.

— Никого не видел?

— Нет. Там много ответвлений.

— У-у-у! — опять взвыл Серый.

— Может он в лесу затаился? — попробовал его утешить клятый закрыватель.

— След обрывается возле камня. Можешь открыть обратно?

— Ты вроде большой уже, а такие вопросы задаешь. Нет, конечно. Да и пустое оно. Раз я его в переходе не встретил, теперь уже не найдешь. Ускакал твой потеряшка. Давно гоняешься?

Серый не ответил. Ему предстояло муторное возвращение в Льеж, а уже оттуда по законному переходу — к разбору его очередной неудачи. Реквизитор будет долго и нудно тыкать его носом в промахи и просчеты, поисковики посочувствуют, если вообще кого из своих там встретит, а махатма Мита как всегда погладит по голове и благословит в новый поиск.

— Тебя как звать, — спросил новый знакомец.

— Серым.

— Манус Аспер Лекс.

— Махатма Лекс?

Уточнял Серый, без всякой, впрочем, надобности — кто ж не знает о великом закрывателе? Их всего-то и существовало трое. Но этого сам махатма Казимир ввел в высший круг.

— Давай, без подробностей, — покривился новый товарищ. — Нам с тобой топать и топать до нового перехода. Ты — Серый. Я — Лекс. На данный момент было бы не плохо пожрать, да только нечего.

У Серого скрутило желудок — потратившийся организм требовал восполнения. В таких ситуациях дед учил не особо привередничать, если телу нужна пища — не останавливайся ни перед чем... и даже кем. Но те времена остались в такой дали, что Серому в голову не приходило рассматривать людей в качестве провианта.

— Если что, — как подслушал Лекс, — я тебе не антрекот.

— Ты и мысли читать умеешь! — разозлился на проницательного товарища Серый.

— Нет. Есть, конечно, некоторые, которые умеют, да только думаю, жить им совсем не интересно, а хуже того — страшно. Ни тебе спокойно поесть, ни полюбить, ни поспать. Только наладился произвести какое действие, а тут чужая мысль, она вполне может быть непрошенной, случайной, вообще безосновательной фантазией, а процесс испорчен. И живи с этим дальше. Телепаты самые несчастные люди во вселенной.

Серый осторожно подтянул коленки, перевернулся на бок и встал на четвереньки. Скопившаяся внутри кровь вылетела липким комком. Он отер рот, посмотрел в ладонь — все в порядке, свежей не оказалось.

— Тебе и шкуру попортили, — как бы между делом заключил Лекс.

— Недоумок один со стилетом подкрался и кольнул сквозь кольчугу.

— Идти сможешь, или тут пока посидим — все же крыша над головой.

— Вряд ли до завтра сюда кто-нибудь сунется, но лучше не рисковать. Пошли.

— Как скажешь.

Лекс натянул куртку, вскинул на плечо свою сумку и протянул руку. Встать оказалось не так-то просто, но Серый поднялся, покачался на нетвердых ногах и пошел к выходу, точно зная, что дорога вылечит все. С ним такое уже случалось. Лекс догнал, положил руки на плечи. По телу тут же потекла теплота, гася последнюю боль.

— Все, чем могу, — сказал новый друг и шагнул за порог.

Елена куда-то запропастилась, Сергей полдня провел около флигеля, примериваясь вскрыть замок. Оказалось, к двери без болгарки не подобраться, но таковой в хозяйстве базы не имелось. Вставленная в паз ключ-карта от комнаты Анны вызвала пятиминутный аларм, на который, впрочем, никто не прибежал. Виктор к трем не появился.

К половине четвертого стало понятно, что исследований на сегодня не будет. Анна заглянула в свою комнату. Сергей спал на ее кровати. Она ушла в кухню и только собралась попить чаю, как с улицы послышался топот. Все что успела: добежать до своей комнаты и захлопнуть дверь.

Их оказалось человек семь, все в черных спецназовских доспехах с автоматами и в респираторах. Только у одного на лице была маска с кислородной подпиткой от коробки на поясе. Он автоматом плашмя придавил Анну к стене, остальные разбежались по помещениям.

— Где он?

— Кто?

Автомат очень болезненно вдавился в ребра. Анна вскрикнула.

— Где он? Будешь молчать, станет еще больнее.

Рука в перчатке вцепилась в ее волосы.

— Никого.

— Никого.

— Никого.

Они выскакивали из комнат и поочередно отчитывались. Тот, кто пытал Анну видимо был начальником.

— Все осмотрели? — прохрипел динамик маски.

— Кроме этой комнаты.

— Где ключ?

Ключ был в кармане, но Анна молчала. Кулак пришелся в солнечное сплетение, если бы не автомат, Анна точно бы упала, а так просто повисла тряпичной куклой, но сознание не потеряла, только разноцветные круги поплыли перед глазами. Один из подручных ее мучителя схватился за стену и сполз по ней на пол.

— У нас минус один!

— Вижу прорычал начальник и еще раз ткнул Анну в бок.

Пластиковый квадратик ключ-карты наконец выпал из кармана. Один из подручных поднял его и вставил в дверь. Начальник в маске толкнул Анну перед собой, используя как живой щит.

Сергея в комнате не оказалось. Анну опять толкнули и только оказавшись на середине комнаты, она увидела, что в углу под окном лежит большая серая собака.

В маске начальника что-то захрипело, потом прорезался далекий голос:

— Что у вас?

— Никого, — отрапортовал он и потребовал от Анны:

— Откуда тут собака?

— Из деревни прибежала, — пролепетала она сквозь наползающую дурноту.

За спиной раздался грохот — упал еще один человек.

— У нас минус два.

— Собаку пристрелить, — приказал хрипящий динамик. — Отбой тревоги. Уходите, иначе все там останетесь.

Человек в говорящей маске достал из кобуры пистолет и прицелился. Анна встала, загораживая собой собаку. Ее-то за что? Чем не угодило животное этим нелюдям?!

Удар должен был отправить женщину в дальний угол, но она зацепилась за кровать и рухнула рядом со зверем. Шум от падения еще одного тела слился с выстрелом, и почти сразу за этим:

— У нас минус три.

— Уходим! — прохрипела маска.

Они медленно побежали, из последних сил вытаскивая павших. Еще не отстучали кованые берцы, когда Анна развернулась к собаке. По боку у той текло. На полу уже набралась небольшая лужа крови, но сердце гулко и часто билось. Собака вытянулась, замерла, подернутые мукой глаза закрылись.

Анна рвала простыню на полосы и выла. За что?! Что они им сделали? Почему должна погибнуть ни в чем неповинная тварь, которая прибежала и спряталась тут, в надежде, что ей не откажут, что пожалеют.

Анна заревела в голос. Бинт ложился неровно, но кажется крови стало меньше. Анна наматывала его, протаскивая под тяжелым телом, пока не кончился весь, а потом прилегла рядом, просто не в силах подняться. Она осторожно кончиками пальцев гладила серую морду и тихо просила: не умирай.

Кто-то ее тормозил. Вернулась боль. Но мучитель не отстал, даже когда она попыталась освободиться — наоборот, рывком поднял и потащил куда-то.

Оказалось, недалеко. Анна окончательно пришла в себя на кровати. Перемазанный кровью Юрий Борисович стоял на коленях перед собакой.

— Пришла в себя? Молодец. Мне с двоими трудно одновременно... вот так номер!

— Как вы тут оказались? — потребовала Анна.

— Увидел вездеход на холме. Они уже уходили, ну я сразу к вам. Наша общая помощница куда-то пропала. Она тут?

— Еще с утра убежала в лес.

Подсохшая собачья кровь начала сильно стягивать кожу. Анна кое-как поднялась и заковыляла в душевую, а когда вернулась, Юрий Борисович сидел на заднице возле собаки с весьма озадаченным видом. Под бинтами происходило какое-то шевеление.

— Пуля выходит, — пояснил он.

— Разве такое возможно?

— В принципе да. У ластоногих, например, это в порядке вещей. Повезло, что не в голову... эй, эй! Только вот падать не надо! Выживет ваш боевой товарищ.

Стоило неловко наклониться, как поутихшая боль прошила насквозь. Добрый доктор взвинулся с места, успел подхватить и перенести на развороченную кровать.

— Где аптечка?

— На кухне.

Он быстро вернулся с прозрачным контейнером, перебрал несколько конвалют, отставил коробку и беспомощно развел руками.

— Ничего подходящего.

— Я не стану ничего принимать. Тут уже некоторое время как химия с физикой

взбесились... кровь!

— Не понял.

— Можно, я возьму у вас немного крови, прокрутить на качественные изменения?

— Вы с ума сошли? Тут мироздание с ног на голову, а вы про науку!

— Интересно же...

— Кто тут побывал?

— Не знаю. Все в масках, один с кислородным прибором. Он командовал. Они кого-то искали. Трое потеряли сознание или вообще умерли, попадали в общем.

— На пригорке над деревней стоял вездеход. Я видел, как они туда своих тащили, попрыгали в машину и по газам. Тяжко ребятам пришлось. Я тут уже довольно давно, а адаптация не полная. Боюсь, ведьма наша вообще из лесу не вернется.

— О какой адаптации вы говорите?

— Вы ж заметили смещение РН? Заметили. Для вас оно прошло постепенно, а рейдерь свалились сюда буквально на свою голову. Собачку-то за что?

— Им по связи приказали.

— Анечка, может, вы поспите немного? Простынка чистая найдется? Вот так. Давайте я вас уложу и пойду.

Комната плыла перед глазами. Анна подчинилась. Как только голова коснулась подушки, свет померк.

И тут же включился. За окном плавала темнота, в комнате горела лампа, Анну тормозил все тот же доктор. Собака пропала.

— Беда. Просыпайтесь уже. У нас неприятности.

Анна кое-как выпуталась из простыней и встала на нетвердые ноги.

— Эти скоро будут тут, — сообщил Юрий Борисович.

— Периметр под напряжением...

— Наша с вам помощница умудрилась выбраться из леса напрямую в деревню. Ее Полина с Сивухой покусали. Одним бесом больше, одним меньше — не велика беда, да только у нее есть ключ-карта.

Анна посмотрела на свое кольцо. Камень светился, рассыпая зеленые и фиолетовые блики.

— Их много. Давайте так: вы останетесь тут и запрете дверь, если кто полезет в окно, отбивайтесь осиновым колом. А я на вход.

Дверь душевой открылась и на пороге появился Сергей в свежем лабораторном костюмчике, чистенький, только сильно бледный.

— Где собака? — потребовала Анна, вообразив, что несносный гость выгнал хворую животинку.

— Убежала. Судя по всему, у нас новая новость?

— Я так и думал, — непонятно отозвался Юрий Борисович. — Найдешь что-нибудь тяжелое желательно из металла и желательно токопроводное. Если вставить карту в ворота на пять секунд отключается периметр. Давай попробуем замкнуть его чем-нито.

— Есть медный антиквариат, пожертвую с легкой душой, — отозвался Сергей, вытаскивая из-под кровати мешок со старинным прибором.

— Ага, с душой, куда без нее! — подтвердил Юрий Борисович уже в дверях.

Анна выскочила вслед за мужчинами. Понятно, что боец из нее никакой, но остаться одной в четырех уже не надежных стенах, было страшнее.

Эти столпились за воротцами. Впереди мельтешил Сивуха. Полина путалась у него под ногами. За ними — трое серых, на вид протухших, а уже за их спинами сомнамбулически покачивалась кухарка. Полина растолкала серых ухватила Елену за руку и потащила к воротам.

Доктор и Сергей в это время успели замкнуть антикварным модификатором периметр. Юрий Борисович его держал, Сергей резал стропы полетного ранца. Доктора заметно трясло от разряда, проходящего по телу. Вдвоем они накинули стропу на хлипкую конструкцию. Завоняло паленым, стропа поплыла оплавленными дырами.

— Подставляй свою леталку, — приказал доктор.

Сергей притащил ранец и пристроил к воротцам. Вонь только усилилась. Юрий Борисович приставил палец на месте соприкосновения стальной решетки и допотопного модификатора. Потекла расплавленная медь.

— С одной стороны есть, — констатировал он, — держи...

Полусонная Елена не с первого раза, но таки всунула ключ-карту в гнездо. Периметр отключился, а вся свора кучей налегла на ворота.

— Держи!!! — взревел доктор, обогнул Сергея и приставил палец к стыку с другой стороны.

Пять секунд — это, оказывается, очень долго. Детская ручка с кривыми когтями сквозь прутья решетки потянулась к Сергею. Анна подхватила кол и ударила изо всех сил. Полина истошно заорала, отпрянула от решетки, по ходу оттолкнул Елену. Та так и держала карту. Пластиковый квадратик с чипом вышел из гнезда, периметр заработал. Юрию Борисовичу хватило десяти секунд, чтобы заварить перемычку.

Он как стоял, так и сел тут же на землю. Полина попыталась дотянуться до него другой рукой, но Анна была на страже. Сергея ударом тока отбросило к скамейке. Анна забежала на кухню подхватила чайник и выплеснула содержимое ему в лицо. Мужчина зашевелился. Кое-как поднялся на ноги Юрий Борисович. Лицо у него стало зеленым. Сергей тоже попытался встать, но не смог.

Пока они возились с этой стороны, с той один из серых притащил здоровенный дрын, просунул его сквозь решетку и начал слабо на настойчиво стучать по перемычке. Даже далекая от металлургии Анна сообразила, чем может кончиться дело, тем более, что Сивуха отобрал палку у полудохлика, примерился и ударил во всю силу.

Бронированные стекла стояли только на кухне, в остальных помещениях обычные. Как только Эти преодолеют периметр, спасения от них не будет.

— Уходи! — заорал на нее Юрий Борисович. — Запрись в кладовой, привали чем-нибудь дверь. Мы их задержим.

Сивуха добился своего, скоба оторвалась. Полина подтащила к воротам спящую Елену и заставила вставить карту.

Анна не стала спасаться, она так и стояла на пороге базы с колом в руках. Сергей поднялся, его шатало.

Умирать вдруг показалось совсем не страшно. Лишь бы сразу, лишь бы не превратиться в подобие человека и не примкнуть к своре, которая клубилась за воротами...

Синий сполох просвистел совсем рядом, лицо опалило холодом. Мужчины рванулись к дверям, втащив за собой Анну.

— Вовремя они, — констатировал Юрий Борисович, сползая тут же на пол.

За воротами раздался хлопок, вой и топот.

Под утро даже удалось поспать. Свалились у Анны в спальне, мужчины на надувном матрасе, она на кровати, и только с рассветом вышли осмотреться. За воротами лежал чей-то оплавленный остов.

— Не повезло, — констатировал Сергей.

— Или повезло, как посмотреть, — остудил его Юстас. — Пошли, покажешь, где твой модификатор прячут.

Подойти к сараю не получилось, периметр гудел, а встречать даже токопроводный Юстас не решился.

— Анечка, откройте своей картой главные ворота, за пять секунд мы, думаю, эти выломаем.

Все так и получилось, но дальше дело встало. Дверь представляла из себя стальную плиту.

— Пойду в деревню, вдруг у кого найдется фомка. Видишь паз? Можно подцепить и отжать.

— Угу, — согласился Сергей, — если в деревне кто живой остался.

— Не волнуйся за них. Тут нечисти в два раза больше было. Справились.

Они ходили, разговаривали, советовались. Двое хватких мужиков решали, как вон той хреновиной подцепить эту фиговину. Анна металась. Они доберутся до модификатора и исчезнут. Ну в самом деле, зачем им тут оставаться, на кой черт им сдался этот пяточок нереальной реальности со всеми его заморочками? И уж подавно, какое им дело до нее, Анны?

Уже завтра грянет купальская ночь. При наличии у Елены ключа от ворот, прятаться на базе бессмысленно, значит, придется идти к роднику. Тем более, она обещала Виктору. Анна представила, как человек-дерево стоит на краю полянки и ждет. Что будет, если она не придет? Дерево заплачет прозрачными слезами, сломается от легкого ветерка или так будет стоять еще сто лет?

— Эй, — Сергей тряс ее за плечи. — О чем замечталась?

— Что такое родник?

— Юстас, — окликнул Сергей, — ты знаешь, что тут происходит купальской ночью?

— Только теоретически. Все нечистые и часть чистых идут его искать. Кто первый доберется и успеет набрать водички, может загадывать желание. Говорят, исполняется.

— Кто говорит?

— То-то и оно. Среди людей очевидцев я не встречал. А у Этих не больно-то спросишь. Анечка, даже думать забудьте. Могут сожрать еще на подступах. Хотя у вас колечко. С ним, пожалуй, дойдете. Но лучше остаться за периметром.

— Елена...

— Пока она не окрепла, можно нейтрализовать без больших хлопот. Что я собственно и собираюсь сделать. За сим позволю себе откланяться.

Он улыбнулся с таким пониманием, что Анна покраснела.

Сергей стянул с нее майку уже на пороге. Какая такая Елена? Какая ключ-карта? Да развернись сейчас земля и это не остановило бы. Быстрее, быстрее...

Она никогда так не спешила, не думала, как выглядит. Ей было все равно. А он просто

шел на пролом, и когда наконец дорвался взвил от торжества, от сознания обоюдности желания, от отсутствия препятствий и наконец, свободы вырваться за пределы собственного эго и отдать себя ей.

Каждый нерв, каждая клеточка трепетала и светилась, набирая еще больше света, чтобы в конце взорваться полетом.

\* \* \*

С ним такое случалось только раз в жизни, еще на берегу белых вод. В их группе была только одна женщина Ма-лиса — легкая, верткая, невысокая, с чистой светло-желтой кожей и темными раскосыми глазами. Мальчишки бегали за ней, стараясь уловить хоть взгляд. Она отличала о одного, то другого. Мальчишки дрались. Куратор смотрел на это спокойно — ничто человеческое ведь вам не чуждо. Один Серый сторонился общего гона. Она ему нравилась, но...

Их всей группой как-то отправили в поиск. Серый уверенно шел по следу, остальные блуждали в лабиринте скал. До цели ему осталось совсем немного, когда за очередным уступом он наткнулся на Ма-лису. Она подвернула ногу, сидела скрючившись и только блестела сухими злыми глазами. Задерживаться было нельзя. Отдать первенство кому-то другому — невозможно. Серый встал перед ней на колени, не спрашивая ухватил вывихнутую ступню и резко рванул. Кость встала на место. Серый подхватил девушку, закинул себе на плечо и побежал. Она рычала, кусалась и царапалась. Кровь текла по груди и спине. Он не останавливался. И первым вышел к цели. Он уже потянулся, приложить руку к артефакту, который выставили в качестве окончания квеста, когда Ма-лиса скользнула с его плеча, ловко оттолкнулась, перепрыгнула, кувыркнувшись через голову и опустила обе ладони на финишный камень.

Небесный гонг оповестил всех об окончании поиска. Ма-лиса развернулась на здоровой ноге и приняла боевую стойку, законно полагая, что ее сейчас накажут за предательство. Серый расхохотался.

— Ты меня обхитрила, молодец. Я тогда пошел. А ты уже как-нибудь сама.

— Стой, — окликнула его девушка, когда он приблизился к выходу из ущелья. — Ты не можешь меня тут бросить.

— Почему? — натурально удивился Серый.

— Я не дойду сама.

— Не страшно. Завтра сюда пришьют кого-нибудь и тебя вынесут на руках, причем они еще будут драться за такое счастье.

Он так и сделал. Ма-лиса провела ночь в холодных скалах без воды и пищи, а когда ее таки вернули на берег Белого Потока, махатма наставник поставил ее в пример мужчинам. Дескать, девушка всем вам показала, как надо добиваться своей цели. Смотрел он при этом исключительно на Серого и улыбался.

Серому уже исполнилось шестнадцать. В группе были парни намного старше и опытнее, но он мог потягаться с любым из них, однако в следующий поиск отстал и пошел кругами, якобы заблудившись. Ма-лиса догнала его на поляне среди высоченных дубов.

— Как ты тут оказалась? — спросил ее надменный мальчишка.

Девушка уже собралась дать достойный ответ, да не успела, этот выскочка сгреб ее в

охапку и подмял тут же посреди поляны на короткой зеленой траве. Она даже для виду не стала сопротивляться. Он прекрасно понял, зачем девушка отстала от группы. Не стоило множить вранье.

Мальчики его рода рано становились мужчинами. Серый тут был не новичок, но Ма-лиса... он хотел и не мог остановиться.

После они просто лежали на лугу, Невидимое солнце просвечивало сквозь перламутровые облака, двигаясь к закату. Облака темнели, накрывая ойкумену теплым пухом ночи. Кто-то прощуршал кустами на опушке, но ушел, не потревожив.

Через год Ма-лиса ушла в свой первый настоящий поиск, из которого не вернулась.

— Как? — спросил Серый наставника.

— Лесной пожар. Помощь не успела, — печально ответил махатма. — Она оказалась в самом центре. Ей некуда было отступать. Когда пойдешь в свой собственный поиск, помни, лучше отказаться от близкой цели и начать все с начала, чем превратиться в воспоминание.

\* \* \*

— Хочешь, я тебе расскажу, кто я? — Спросил Сергей, не открывая глаз.

— Да. То есть, если нельзя, ты не говори. Это уже не имеет никакого значения.

Ему не надо было проникать в ее чувства, он и так верил. Она не могла лгать по своей сути.

— Я поисковик. Мономорф ликантроп люпус четвертой ступени посвящения.

— Оборотень?

— Да.

— Если ты меня укусишь, я тоже...?

— Нет. Это все сказки. Оборотнем надо родиться.

— Жаль, — засмеялась Анна и уткнулась ему в подмышку.

Она вся вытянулась вдоль, доверившись и потеряв страх. Она не знала, что так может быть, когда другому веришь больше чем себе. Ничего не хотелось, только чувствовать его всем существом. А еще она вдруг поняла, что поднимись он сейчас и уйди навсегда, все равно останется с ней до последнего мгновения ее жизни. Такое не проходит, не уходит, не забывается.

Но и эта мысль канула, потому что все началось сначала и продолжалось, пока небо за окном из черного не стало серым.

— Останься сегодня ночью на базе, — попросил Сергей.

— Я не знаю... там родник. Виктор ждет, наверное.

— Это не твоя игра. Это вообще не игра. Ты можешь провалиться туда, где я тебя никогда не найду.

Она хотела спросить: «А хочешь найти?» и не стала. Он все сказал. Но и согласиться не могла.

— Ладно, — решил Серый, — посмотрим, что будет, — и мгновенно уснул.

Анна вспомнила поцелуй на морозе. Рядом была другая галактика, к которой случилось прикоснуться, которая оторвется и улетит в свои дали, оставив по себе только сверкающую звездную пыль.

Кто-то гремел на кухне утварью. Юстас, — решила Анна, собралась было опять заснуть, но тут же вскочила. В ванной шумела вода. Солнце стояло в зените. Купальская ночь надвигалась с неотвратимостью айсберга.

Что ей до Виктора? Что ей вообще до всего, что тут происходит? Она останется...  
Не останется!

— Отключай, — приказал Юстас.

Анна побежала, вставила карту в гнездо и тут же вернулась. Вечер уже набрался глухой синевы. В деревне выли. От озера притекала песня русалок. Прозрачный воздух стал плотен как туман. До полночи оставалось совсем немного.

Мужчины уже несколько часов пытались вскрыть дверь. Кажется, она начала поддаваться, но так уже было: створка пошла, однако с той стороны последовал щелчок, и металлическая плита опять встала на место. На этот раз дверь удалось подцепить и немного отжать. Юстас предположил, что система запоров должна срабатывать по всей базе одновременно. Если это не так, они тут до утра провозятся, но ничего не добьются.

Она уже возвращалась, когда со стороны озера донесся голос тети Саши:

— Анечка...

Мука и боль. Анна подбежала к мужчинам.

— Там!

— Не ходи! — крикнул Сергей. — Ты все равно не успеешь.

Но опять уже намного ближе позвал знакомый голос.

— Это морок, — с натугой выговорил Юстас.

Дверь удалось отодвинуть, но шла она туго, поддаваясь по сантиметру.

— Я не могу! Понимаешь, я не могу, мне надо идти!

У нее есть кольцо. Надо идти к источнику! Голос тети Саши в третий раз пришел оттуда.

Дорогу освещала только ущербная луна. Ноги путались в траве. Зов становился отчетливее с каждым шагом. Он уже не исходил мукой, скорее требовал. Значит, тетя Саша добралась и теперь ее ждет, — решила Анна, хотя первый порыв несколько ослаб.

Померещилось во всем этом некое принуждение. Но она же сама еще вчера решила, что пойдет.

Мужчины сделают свою работу и исчезнут, а кто поможет тете Саше, Виктору и парочке утопленников? Что они придут к источнику, Анна не сомневалась. Купальский ключ должен родиться рядом с их хижинкой.

Под ногу подвернулся корень, Анна упала, рассадил ладонь и замерла, собираясь с силами. Голос теперь звучал отовсюду, каждая ветка, каждый листочек трепетал под напором звука: иди, иди, иди...

Середина впадины слегка светилась. Там набухла бледно мерцающая масса. Дуб цеплялся за рыхлую лесную землю мощными корнями на самом краю. На другом краю на

камне сидела тетя Саша. Против Анны почти полностью сливаясь с темнотой стояли Коля, Мавка и поросенок. Борька жался к ногам хозяина. Мавка держала на руках маленький сверток из старой Аниной блузки.

Я же им обещала принести пеленку. Стыдно, забыла...

Перед глазами слегка пошевеливалась прозрачная преграда, похожая на мыльный пузырь. От прикосновения по пленке пошла мелкая рябь. Попытка прорвать ее ни к чему не привела, тогда Анна приложила к стене камень перстня. В преграде образовался проход, но захлопнулся за спиной, как только она сделала шаг внутрь.

Внутри стояла глухая тишина. С обратной стороны толпились Сивуха с Полиной, серые и русалки. Странно, что она их не увидела раньше. Они хватались руками за стену. Они разевали рты, но сюда не доносилось ни звука. Голос тети Саши отразился от призрачной преграды, раздробился и пришел ломанными фрагментами.

— П-п-о-од-ойд-д-д-и ко мн-н-не.

Анна сделала несколько шагов по краю похожей на воронку впадины и оступилась. Ноги поехали по сыпучему откосу, она сползла к центру. Стоило коснуться белесой субстанции, как та взорвалась беззвучным светом. Анна вся собралась в комок, показалось, что воронка затянет ее, но вместо этого в центре проклюнулся маленький сверкающий ключ. Анна подставила ладони, и как только они наполнились, ключ исчез.

— Выбрось это! — крикнула тетя Саша. — Брось немедленно! Иди ко мне!

Как просто было бы подчиниться. Анна поднялась и веером расплескала воду. Огромный мужчина в камуфляже рухнул с края воронки и крестом распластался на склоне. На руках Мавки закричал ребенок.

— Он живой! — засмеялась женщина.

— Мы тоже, — подтвердил Коля.

Брюхо поросенка больше не полоскалось распоротыми краями.

Лицо тети Саши начало сморщиваться. Провалился рот, в складки втянулся нос, плечи пошли вперед, и наконец вся она на подобие комбинезона сошла с того, что было внутри.

Алиса Генриховна стряхнула остатки на край воронки.

— Идиотка! Безмозглая тварь! Ты всегда была дурой!

— Что с тетей Сашей? — потребовала Анна.

— Мертвое нельзя убить, если тебя это волнует. Я просто воспользовалась ее внешностью. Если бы не твоя глупость, все бы уже закончилось, и заметь, для тебя почти безболезненно. Подойди!

— Что вам надо? Что вы хотите сделать?

— Ничего особенного, только получить свое.

— Я вам ничего не должна!

— Ошибаешься. Это я забрала тебя у родителей алкашей и только благодаря мне ты оказалась в приличной семье. Ты очень неплохо прожила свою никчемную жизнь. Пришла пора рассчитаться за годы комфорта.

— В вашей благополучной семье я ничего кроме попреков не слышала. Я никому там не была по-настоящему нужна. Они все разбежались, как только появилась возможность, а меня оставили сторожить квартиру, авось сдохну не с голоду, так от одиночества.

— Но ведь не сдохла, получила образование, не без моей помощи, между прочим. Ты мне обязана всем. Впрочем, можешь не подходить, оставайся на месте, ты все равно сделаешь, то что я прикажу. Сними кольцо!

— Нет!

Анна сжала кулак. Кольцо нагрелось и пульсировало, сквозь пальцы пробивался рваный свет.

— Не хочешь добром, будет иначе, — прошипела Алиса.

На противоположной от Анны стороне впадины открылся проход и в него ворвался черный волк.

— Убей их! — ткнула Алиса в сторону Мавки и Коли.

Зверь прыгнул с места. Челюсти щелкнули рядом с ребенком. Борька кинулся на врага, они сцепились и пошли по краю, разбрасывая куски плоти и всполохи. Анна смотрела, не в силах оторваться, а когда спохватилась, поняла, что почти не может двигаться. От Алисы к ней протянулись светящиеся красные нити. Они уже оплели ноги и обвивались, поднимаясь выше и выше. Рычали звери, исходила в крике Мавка, прижимая к себе ребенка. Хохотала Алиса.

— Ты всегда была дурой. Не дергайся. Осталось совсем немного. Если не снимешь кольцо, будет очень больно и долго, если снимешь и отдашь мне, все кончится быстро. Твоим друзьям уже ничто не поможет.

Хрясь! Захлебывающаяся от ужаса Анна увидела, как к сцепившимся зверям подошел оживший Виктор и врезал по волчьей спине огромной дубиной. Клубок распался. Черный волк вскочил и развернулся к человеку. Только что получивший надежду на жизнь Виктор попятился. Борька встал на нетвердых ногах, пригнул узкую голову с чудовищными клыками к земле и поддал ими волку под брюхо.

От чудовищного воя у Анна заложило уши. Волка подкинуло. Черное тело разбрасывая брызги и клочья, воспарило над впадиной и втянулось в ее середину. Свечение на миг погасло и тут же налилось багровым, будто там шевелились живые мерцающие угли.

У Анны померкло в глазах. Это красная нить захлестнула шею. Стало нечем дышать. Она схватилась за удавку руками и тут же отпустила, так ожгло ладони.

— Сними кольцо! — голос Алисы проник в мозг чудовищной болью.

Все! Анна сдалась. Такое никто бы не вытерпел. Свободной рукой она потянула кольцо с пальца.

Ночью Сергей сказал: если станет вовсе уже плохо, кинь кольцо на землю и попроси защиты.

— Отдай! — потребовал голос внутри мозга.

— Я прошу защиты! — крикнула Анна и просто разжала ладонь.

Перстень упал на сыпучий склон и потек вместе с песком к свечению, которое начало разрастаться. В центре перламутрового круга образовался просвет. Там плескались волны и бегал любопытный мальчишка с кокосом в руках.

— Прыгай! — взревел кто-то рядом.

Анна почувствовала, что свободна, оттолкнулась ногами и ушла головой вперед в образовавшийся коридор, на дне которого не было уже ни океана, ни белого песка. Там кипела лава. Анна падала в жерло вулкана.

Она даже успела почувствовать жар, когда ее что-то подхватило и пронесло над кальдерой. Анна лежала на спине огромного зверя, вцепившись руками в жесткую белую шерсть.

Бронзовый модификатор установили на бетонную основу и закрепили железными скобами. На то чтобы его снять могло уйти еще полночи. Серый решил, не заморачиваться. Мало найти, а как доставить, куда следует? Приказ был что? Правильно: или... или.

— У нас гости! — крикнул с улицы Юстас.

Серый размахнулся и опустил фомку на аппарат. Линзы брызнули осколками. Заскрежетал и кажется даже заплакал металл. Он бил еще и еще, пока хрупкая передняя часть прибора не обломилась.

Их оказалось двое. Оппоненты, разумеется. А ты кого тут рассчитывал увидеть? Волонтеров с цветами?

— Юстас! Какая встреча! — заговорил левый. — А это кто с тобой? Щенок мономорф? Ты же наблюдатель. Наблюдатель очень высокого ранга, разумеется, но ты не имеешь права вмешиваться. А раз ты влез, то можно и нам. Так что не обессудь. Мы на этот раз не отступим.

— Чего это ты разболтался? Время тянешь? — отозвался полиморф Юстас.

— Скорее растягиваю удовольствие. Хочу посмотреть, как ты будешь корчиться.

— Двое против двоих? Не много ли на себя берешь?

— Трое, Юстас. У родника наш брат. Там сейчас твоя марионетка, пытается сопротивляться моей. Алиса думает, что она хозяйка. Я не стал ее разочаровывать, пусть и дальше пребывает в уверенности, что хвост виляет собакой.

— Что ей надо? Просто интересно.

— Перепрыгнуть из старого тела в молодое. Она вырастила себе новый футляр, не хочет она быть больной старухой, хочет стать молодой красавицей. Пусть забавляется. Она же не подозревает, что моя игра куда занятнее. Я ей помогу и стану тут полноправным хозяином, чтобы никто из ваших — ни-ни! — шагу сюда не смел ступить. Согласись, вы тут только мешались. А прогрессу препятствовать нельзя. Мы откроем тут портал в экзоселенную. И пусть сущности наполняют этот мир к вящей славе Нашего дома.

— Дурень думкой богатеет. Вы, может, и собираетесь тут хозяйничать, да кто ж вам даст?

Полиморф редкое явление в Ойкумене. Он может принять почти любую форму. Левый оппонент, кстати, был точно мономорфом, а вот правый нет, но очень молодой, — определил Серый. Зато левый — матерый боец.

Расклад таким образом определился: левого берет Юстас, правого Серый.

Они не сговариваясь приготовились к схватке, но тут со стороны источника пришел страшный в своей плотности визг. Даже у Серого заложило уши. А после — крик Анны. Серый бессознательно рванулся в ту сторону, но путь ему преградил молодой полиморф, перелившийся в грифона.

— Моя марионетка, переиграла твою, — засмеялся левый.

— Она мне не марионетка, так что руки у меня развязаны, — остудил его Юстас.

Он и соперник одновременно поменяли форму. Перед черным волком встал огромный белый волк.

И тут содрогнулась земля. Источник разверзся. Крик Анны опять разорвал пространство.

— Помоги ей! — крикнул Серый Юстасу. — Я их задержу.

Больше всего он боялся, что тот не послушается. Кто такой Серый? Да никто, простой поисковик, который не может приказывать старшему, к тому же полиморфу.

Юстас повел в его сторону головой, кивнул и исчез. Левому оппоненту приходилось держать марионетку — это отбирало много сил, а главное, гасило время. Серый больше не раздумывая бросился на него, в прыжке меняя форму. Тот не ожидал такого поворота, шея осталась открытой, и Серый вцепился в нее и рванул, как могут рвать только волки. Струя крови из порванной артерии залила глаза. На спину спикировал грифон и вцепился в ребра длинными острыми когтями. Серый перекатился, стараясь стряхнуть врага. Полиморф отпустил, но тут же ринулся в новую атаку. Первый враг начал подниматься на ноги, ему удалось остановить кровь. У Серого текло по бокам, но он, не обращая внимания на юного полиморфа, опять кинулся на левого. У источника сидела злобная карга. Если Серый убьет кукловода, возможно, Анна останется жива.

Серый впервые в жизни дрался не за свою жизнь и даже не за достижение цели. Он впервые дрался за самку.

Двое против одного сцепились в страшный живой ком. Летели ключья шерсти. Серый удачно дотянулся лапой до груди правого. Крылья давали молодому полиморфу возможность атаковать сверху, да только неопытный враг забыл, что при такой конфигурации кости становятся полыми, а грудина превращается в хрупкий киль.

Кость хрустнула. Грифон закричал и рухнул рядом с дерущимися волками безжизненной кучкой. Вместе с костями Серый разорвал его сердце. Но и самого его уже давил опытный и очень сильный враг, бросивший свою марионетку.

Дыхания не хватало. Серый уже не нападал, только отбивался, стараясь, защитить шею и мягкое брюхо. Заднюю ногу рвануло страшной болью. Уже теряя сознание он извернулся, и калеча собственную анатомию, достал врага смертельным захватом.

Конец 1 книги

Больше книг на сайте - [Knigoed.net](http://Knigoed.net)